

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство ПИ № ФС 77-61039 от 5 марта 2015 г.)

Учредитель

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия серии:

Д-р юр. наук, профессор О.Ю. Ильина (*главный редактор*),
д-р юр. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова,
д-р юр. наук, доц. Н.А. Антонова,
д-р юр. наук, проф. М.В. Баранова,
д-р юр. наук, проф. А.Г. Безверхов,
д-р юр. наук, проф., Ю.Ф. Беспалов,
д-р юр. наук, проф. А.А. Воротников,
д-р юр. наук, проф. И.Г. Дудко,
д-р юр. наук, проф. А.И. Коробеев,
д-р юр. наук, проф. В.И. Крусс,
д-р юр. наук, проф. А.Н. Кузбагаров,
д-р юр. наук, доцент А.Н. Левушкин,
д-р юр. наук, проф. Т.Н. Михеева,
д-р юр. наук, проф. Ю.А. Попова,
д-р юр. наук, проф. Б.В. Яцеленко

Адрес редакции:

Россия, 170021, Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22. ауд. 222
Тел.: (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть
репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный университет, 2020

VESTNIK TVGU

Seriya: PRAVO

No 2 (62), 2020

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications
(PI № ФС 77-61039 from March 5, 2015)

Translated Title

HERALD OF TVER STATE UNIVERSITY. SERIES: Pravo

Founder

FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «TVER STATE UNIVERSITY»

Editorial Board of the Series:

*Dr. of Sciences, Prof. O.U. Ilina (editor-in-chief),
Dr. of Sciences, Prof., Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova,
Dr. of Sciences N.A. Antonova,
Dr. of Sciences M.V. Baranova,
Dr. of Sciences A.G. Bezverkhov,
Dr. of Sciences Y.F. Bespalov,
Dr. of Sciences A.A. Vorotnikov,
Dr. of Sciences I.G. Dudko,
Dr. of Sciences A.I. Korobeev,
Dr. of Sciences, Prof. V.I. Kruss,
Dr. of Sciences A.N. Kuzbagarov,
Dr. of Sciences A. N. Levushkin,
Dr. of Sciences T.N. Mikheeva,
Dr. of Sciences Yu.A. Popova,
Dr. of Sciences B.V. Yatselenko*

Editorial Office:

Russia, 170021, Tver, st. 2nd Griboyedov, d. 22 aud. 222
Phone: (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication may be
reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Артемьев А.А., Лепехин И.А., Линдина А.Н.

Проблемы идентификации недвижимого имущества.....8

Барткова О.Г.

К вопросу о необходимости специальных мер государственной поддержки и охраны интересов участников гражданско-правовых обязательствах в условиях пандемии коронавируса (Covid-2019).....16

Замрий О.Н.

Дополнительные расходы на детей в контексте равенства прав и обязанностей родителей: новые возможности для злоупотребления интересом.....24

Касаткина А.Ю.

Правовой статус российской семьи: некоторые теоретические и практические аспекты.....30

Крусс И.А.

О некоторых нравственно-правовых категориях в гражданском праве России.....37

Актуальные вопросы публичного права

Антонова Н.А.

Правотворчество органов местного самоуправления в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности: соотношение публичных и частных интересов.....43

Гуторова А.Н.

Ответственность депутата через призму правовой природы депутатского мандата.....52

Захаров Г.Н.

Конституционное будущее России сквозь призму социально-экономических прав и свобод человека.....56

Тарыкин В.К.

Новые технологии в системе обеспечения безопасности объектов и сотрудников уголовно-исполнительной системы.....62

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Абрамова О.К.

Устав Владимирской области: принятие и тенденции совершенствования.....69

Алешукина С.А.

Проблемы организации и оплаты труда в период пандемии Covid-19.....75

Афтахова А.В., Харитошкин В.В.

Некоторые особенности пенсионного обеспечения лиц, осужденных к лишению свободы.....86

Беспалов Ю.Ф.

К вопросу о правовой неопределенности российского законодательства и ее последствиях.....94

Верина Г.В.

Привилегированные составы преступлений против собственности: модель законодательного концепта.....100

Ильина О.Ю.

Статус участников программы экстракорпорального оплодотворения в контексте возникновения родительских прав и обязанностей.....108

Кузьмин И.А.

О связи юридической ответственности с системой права.....117

Любовенко Е.С.

Пробелы в правовом регулировании положения населения в древнерусском государстве.....124

Морозов В.М., Толыго А.О.

Ресоциализация лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, как форма профилактического воздействия.....129

Сладкова А.А.

Некоторые особенности государственного регулирования внешнеторговой деятельности Российской Федерации в условиях функционирования Евразийского экономического союза.....136

Смирнов С.Н.

Вопросы развития историографии Тверской женской учительской школы П.П. Максимовича в 1870–1991 годах.....142

Фролов М.Г.

Суицид и суицидальное поведение несовершеннолетних: детерминация и профилактика.....151

Проблемы организации учебного процесса

Дронова Ю.А.

Об учёте социальных установок современной молодежи в преподавании уголовного права.....159

Рязанова Е.А.

Особенности онлайн-обучения в период пандемии вирусного заболевания.....164

Трибуна молодого ученого

Абрамов А. С.

Компетентностный подход как средство повышения эффективности деятельности сотрудников вневедомственной охраны войск национальной гвардии России.....169

Элекина С. В.

Особенности субъективной стороны преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях: юридико-технический анализ.....178

CONTENT

Topical issues of private law

Artemyev A., Lepekhin I., Lindina A.
Problems of real estate identification.....8

Bartkova O.
To the question of the need for special measures of public support and protection of interests of participants of civil legal obligations in the conditions of the coronavirus pandemic (Covid-2019).....16

Zamriy O.
Additional costs for children in the context of equal rights and obligations of parents: new opportunities for abuse of interest.....24

Kasatkina A.
Legal status of the russian family: some theoretical and practical aspects...30

Kruss I.
About some moral and legal categories in Russian civil law.....37

Topical issues of public law

Antonova N.
Law- making of local self- government bodies in the sphere of business and investment activities: the ratio of public and private interests.....43

Gutorova A.
Responsibility of a deputy through the prism of the legal nature of a deputy mandate.....52

Zakharov G.
The constitutional future of Russia through the prism of social and economic rights and human freedoms.....56

Tarakin V.
New technologies in the system of security of facilities and employees of the penal system.....62

Topical issues of science and law enforcement practice

Abramova O.
Charter of Vladimir region: adoption and improvement trends.....69

Aleshukina S.
Problems of organization and payment of labor in the Covid-19 pandemic period.....75

Aftakhova A., Kharitoshkin V.
Some features of pension support for persons condemned to detention of freedom.....86

Bespalov Yu.
To the question of legal uncertainty of the russian legislation and its consequences.....94

Verina G.
Privileged offences against property: model of the legislative concept.....100

Ilina O.

Status of participants in the in vitro fertilization program in the context of parental rights and responsibilities.....108

Kuzmin I.

The relationship of legal liability with the system of law.....117

Lyubovenko E.

Gaps in the legal regulation of the population in the old russian state.....124

Morozov V., Tolpygo O.

Re-socialization of persons who send of punishment as a personal defense, as a form of preventive impact.....129

Sladkova A.

Some features of state regulation of foreign trade activity of the Russian Federation in the conditions of functioning of the Eurasian economic union.....136

Smirnov S.

Issues of development of historiography of P.P. Maksimovich Tver women's teacher's school in 1870 – 1991.....142

Frolov M.

Determination and prevention of suicide and suicidal behaviour among minors.....151

Problems of organization of the educational process

Dronova Yu.

On accounting social settings of modern youth in teaching criminal law.....159

Ryazanova E.

Features of online learning during the pandemic period viral diseases.....164

Tribune of young scientist

Abramov A.

Human resources management as a means to improve the effectiveness of the activities of employees of the external wall protection of the national guard of Russia.....169

Elekina S.

Features of the subjective side of crimes against interests of service in commercial and other organizations: legal and technical analysis.....178

Актуальные вопросы частного права

УДК 347.214.2 + 349.41 + 346.56

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

А.А. Артемьев^{1,2}, И.А. Лепехин^{1,3}, А.Н. Линдина¹

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственной технический университет», г. Тверь

² Тверской филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Тверь

³ ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

В данной статье выявляются и анализируются основные проблемы, связанные с определением и отнесением объектов к недвижимому имуществу, приводящий к возникновению разнообразных трудностей правоприменительного характера и судебным разбирательствам. Обосновывается необходимость закрепления в законодательстве четких критериев отнесения объекта к недвижимости и единого определения недвижимого имущества. Предложены рекомендации по совершенствованию отечественного законодательства в сфере правового регулирования недвижимости.

Ключевые слова: *недвижимость, недвижимое имущество, классификация объектов недвижимости, земля, земельный участок, единый недвижимый комплекс, имущественный комплекс.*

В современной России проблемы, связанные с определением и отнесением объектов к недвижимому имуществу, становятся все более актуальными. Ведь без явственного понимания, что следует считать недвижимым имуществом, невозможно говорить о совершенствовании законодательства, регулирующего совокупность правоотношений в сфере владения, пользования и распоряжения недвижимостью.

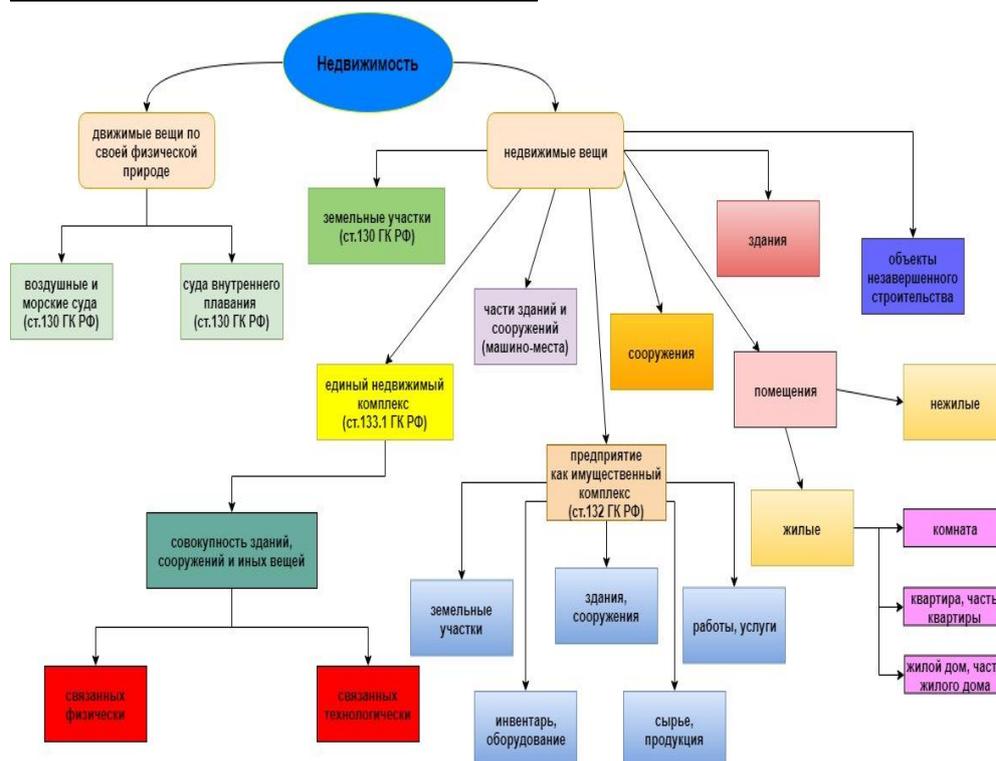
Порой трудности в данной сфере начинаются уже на этапе определения, что считать недвижимым имуществом, трактования соответствующего понятийного аппарата. Ведь сегодня недвижимым имуществом считаются самые разные объекты: от земельного участка (как безусловно недвижимого, стационарного объекта на земной поверхности) до воздушного судна (одной из самых движимых вещей, назначение которой перемещаться в воздушном пространстве Земли между странами и континентами). С понятием недвижимости тесно связаны самые разные институты гражданского и земельного права, а также иных сопряженных отраслей национального законодательства, например, ипотека исторически возникла в древнегреческом праве, а позднее стала развиваться в римском в первую очередь как институт залога именно недвижимости (преимущественно сельскохозяйственных земельных участков) [3].

Несмотря на значимое внимание, которое уделялось вопросам недвижимости в юриспруденции на протяжении всей истории права и по-прежнему уделяется сегодня, что связано с их важностью для нормального функционирования и дальнейшего развития общественных отношений, единый подход к определению понятия недвижимости и критерии отнесения объектов к данной категории в отечественном праве так и не сформировались.

Поэтому сегодня юристы, риелторы, кадастровые инженеры, любые граждане, которые занимаются изучением законодательства в сфере недвижимости, сталкиваются с недостаточно полным и четким определением недвижимости, с отсутствием для нее общих и особенных признаков, и все это одновременно с разнообразием таких объектов, что, в свою очередь, порождает множество вопросов в правоприменительной практике, которые довольно часто заканчиваются длительными и сложными судебными процессами.

В настоящее время наиболее подробная, понятная и применяемая на практике трактовка недвижимости приведена в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], но и там определение недвижимости фактически осуществляется путем перечисления различных объектов, которые по воле законодателя необходимо относить к данной категории вещей (ст. 130, 132, 133.1 ГК РФ), а в качестве критериев, квалифицирующих недвижимость, приведены только прочная связь с землей и невозможность перемещения объекта без несоразмерного ущерба его назначению. Более того, данные признаки в принципе никак не применимы в отношении многих объектов, которые по закону отнесены к недвижимости (например, суда внутреннего плавания, морские и воздушные суда).

На рисунке представлена современная классификация объектов недвижимости на основании норм, обозначенных в ГК РФ.

Соответствующие статьи ГК РФ дают представление лишь об отдельных объектах недвижимого имущества и не содержат четких критериев, признаков, которые позволили бы отнести тот или иной объект к недвижимости, сформировать единообразное понятие объекта недвижимого имущества.

При исследовании обозначенного вопроса в первую очередь следует обратиться к п. 1 ст. 130 ГК РФ, где определено, что к недвижимости относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т. е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно [1].

По нашему мнению, в полной мере это относится, например, к таким объектам, как земельный участок или участок недр, а что касается зданий, сооружений, объектов незавершенного строительства и т.п., то современный уровень развития науки и техники позволяет переместить практически любой объект (в том числе и такие объекты «недвижимого имущества», как кирпичное здание или сооружение из железобетона) без вреда его конструктивным элементам, а значит, и без «несоразмерного ущерба» его назначению. Что превращает задачу отнесения такого объекта к недвижимому имуществу по указанным параметрам в трудноразрешимую, а порой и вовсе делает ее невозможной.

Поэтому вышеприведенный критерий отнесения объекта к недвижимости, который законодатель обозначил в ст. 130 ГК РФ,

видимо, как основной, в качестве такового для применения на практике в современных условиях уже не подходит. В связи с чем некоторые правоведы, например проф. Н.А. Сыродоев, предлагают вовсе исключить его из определения недвижимости [5, с. 93], а другие дополнить определение недвижимости в ст. 130 ГК РФ критерием «постоянной связи с землей» [4, с. 227].

Здесь уместно вспомнить о таком имуществе, которое принципиально не соответствует критерию пространственного перемещения, но все же законодателем отнесено к недвижимым вещам, – это ранее упоминавшиеся суда внутреннего плавания, морские и воздушные суда. В связи с чем критерий перемещения или постоянной связи с землей точно теряет свое основополагающее значение для определения объекта недвижимым имуществом как юридического факта.

Отметим, что согласно ст. 133.1 ГК РФ к недвижимости также относят единый недвижимый комплекс, под которым понимается совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и других неразрывно связанных вещей, либо расположенных на одном земельном участке, и зарегистрированных в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН) как одна недвижимая вещь.

Также в соответствии со ст. 132 ГК РФ недвижимым имуществом признается и предприятие как имущественный комплекс, куда входят все виды имущества, предназначенные для деятельности предприятия, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, сырье, продукцию, права требования, долги, права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги, а также другие исключительные права, если иное не предусмотрено законом или договором [1]. Исходя из данной формулировки в составе недвижимости уже оказались не только вещи, но и такие объекты гражданских прав, как имущественные права, результаты работ и услуг, интеллектуальная собственность и т.п.

По своей природе правовая конструкция как предприятия, так и единого недвижимого комплекса предполагает наличие в своем составе не только недвижимых, но и движимых вещей, а порой и иных объектов гражданских прав, которые в своей совокупности признаются недвижимым имуществом в силу указания в качестве такового в законе [6, с. 140].

Следует признать, что по своей сути рассматриваемые определения являются довольно развернутыми и объемными, но даже это не позволяет избежать споров по поводу отнесения того или иного имущества к предприятию или единому недвижимому комплексу.

Отсутствие четкого критерия и разобщенность в статьях ГК РФ по поводу определения объектов недвижимости способствуют

возникновению проблем и при их постановке на кадастровый учет и государственной регистрации прав в ЕГРН.

Все вышеприведенное в своей совокупности подтверждает актуальность проблемы идентификации недвижимого имущества. Следовательно, объект недвижимости должен быть определен и формализован с достаточной четкостью как в гражданском, так и земельном праве, а это невозможно сделать, не обозначив соответствующего критерия, по которому недвижимое имущество можно выделить отдельно от иных объектов в гражданском и земельном праве.

В зарубежных странах данный вопрос решается преимущественно иначе. Так, например, в Германии и Швеции фактически единственной недвижимостью является сам земельный участок, а все созданные человеком вещи, т.е. улучшения земельного участка, в том числе здания, сооружения и т.п., воспринимаются как составная часть этого земельного участка, а линейные объекты – как составная часть обременения земельного участка.

В Швеции понятие недвижимости отражено в Земельном кодексе. Согласно ст. 1 разд. 1 Земельного кодекса Швеции в этой стране действует правило, что «недвижимость – это земля», а здания, сооружения и иные объекты, расположенные на данном земельном участке, относятся к недвижимости в силу того, что они являются «принадлежностью» этого участка и не могут быть проданы отдельно от него (единственное исключение – это возможность фактического, физического перемещения такого объекта с земельного участка). При этом объектом продажи, согласно шведскому земельному и гражданскому законодательству, может быть не только единица недвижимости, но и фактическая часть такой единицы (соответствующая часть земельного участка с принадлежностями) [7].

Следует констатировать, что российское национальное законодательство постепенно движется в этом направлении, и согласно ныне действующим нормам права также необходимо руководствоваться принципом единства земельного участка и расположенных на таком участке иных объектов недвижимости [2]. Подобная тенденция прослеживается в ряде статей ГК РФ, например, в ст. 273 ГК РФ предусмотрено, что при переходе права собственности на здание (сооружение), принадлежавшее собственнику участка, на котором находится данное здание (сооружение), к приобретателю этого объекта недвижимого имущества переходит и право собственности на соответствующий земельный участок, который занят зданием (сооружением), а также необходимый для его использования [1].

Однако в национальной законодательной и правоприменительной практике из-за имеющихся коллизий в трактовке понятий объектов недвижимости возникают многочисленные трудности, связанные с их

кадастровым учетом, регистрацией и гражданским оборотом. Например, на учет ставятся отдельные участки автодорог, ЛЭП, кабельных линий и т.п., но это линейные объекты, которые должны проходить соответствующую процедуру государственного кадастрового учета не как обособленные объекты, а как единые, например, вместе с той же электрической подстанцией, к которой относится данная ЛЭП, и т.п. Соответственно, и регистрация такого объекта в ЕГРН должна осуществляться как единый недвижимый комплекс.

В свою очередь, возникновение, переход и прекращение права собственности и других вещных прав на недвижимое имущество, а также ограничения этих прав подлежат обязательной государственной регистрации в ЕГРН, осуществляемой Росреестром.

По сути дела, именно государственная регистрация объекта в качестве недвижимого имущества и остается в современной России единственным общим, системным критерием, по которому конкретный объект можно квалифицировать как недвижимость.

В свете всего вышеприведенного можно сделать вывод, что закрепление в законодательстве Российской Федерации четких признаков объекта недвижимого имущества, например, как это сделано в Швеции, позволит решить ряд проблем правоприменительного характера в данной сфере правоотношений и будет способствовать совершенствованию гражданского и земельного законодательства.

Наличие четких критериев отнесения объекта к недвижимости наравне с понятным определением недвижимого имущества позволит решить ряд весьма значимых вопросов, таких, как порядок отнесения объектов к недвижимым, а следовательно, и процедура совершения сделок с ними, регистрации недвижимого имущества, налогообложения, сервитута, ипотеки, реализации преимущественного права на приобретение земельного участка или иного объекта, определения ставки арендной платы или платы за сервитут, порядок бухгалтерского учета и многие другие актуальные и важные вопросы.

Представляется, что для начала следует законодательно закрепить классификацию недвижимого имущества на три основные группы:

- собственно недвижимое имущество (земля как природный объект, земельные участки и участки недр);

- объекты, имеющие прочную связь с землей, которые возводятся (ставятся на нее) на длительное время и перемещение которых невозможно без несоразмерного ущерба (например, плотина ГЭС) или требует значимых затрат (например, объекты капитального строительства в виде зданий, сооружений и т.п.);

- объекты, отнесенные к недвижимости в силу прямого указания в законе в связи с их повышенной ценностью и необходимостью специального учета и контроля за их оборотом (например, суда внутреннего плавания, морские и воздушные суда).

Также, по нашему мнению, нужно четко обозначить в ГК РФ норму о том, что любой объект, кроме первой группы, следует считать недвижимым имуществом только после признания его таковым в соответствии с правовыми нормами со стороны уполномоченных органов власти, завершающим этапом которого является процедура государственной регистрации объекта в ЕГРН в качестве недвижимости.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 16.12.2019 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Земельный кодекс: Федеральный закон от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 18.03.2020) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
3. Лепехин И. А. История возникновения института ипотеки в римском праве // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Право». 2009. № 1. С. 97 – 102.
4. Пудовкина О.В. Определение недвижимого имущества: проблемы теории и практики // Известие Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 226 – 231.
5. Сыродоев Н.А. Регистрация прав на землю и другое недвижимое имущество // Государство и право. 1988. № 8. С. 90 – 97.
6. Турдиматов Ф.К. О соотношении категорий «предприятие» и «единый недвижимый комплекс» // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 3 (31). С. 138 – 142.
7. Шавров С. Кадастр и регистрация прав на недвижимость в Швеции [Электронный ресурс]. URL: http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/kadastr_shvecii (дата обращения: 09.05.2020).

Об авторах:

АРТЕМЬЕВ Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, доцент; проректор по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (Россия, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22); доцент кафедры государственного и муниципального управления Тверского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Россия, г. Тверь, ул. Вагжанова, д. 7); e-mail: aaartemev@rambler.ru; SPIN-код: 9799-6822, AuthorID: 686438

ЛЕПЕХИН Илья Александрович – кандидат юридических наук; доцент кафедры геодезии и кадастра ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (Россия, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22); доцент кафедры управления персоналом ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (Россия, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); e-mail: ilja-lepchin@rambler.ru; SPIN-код: 6210-5988, AuthorID: 538705

ЛИНДИНА Александра Николаевна – специалист 1 разряда межмуниципального отдела по Калининскому, Рамешковскому районам Управления Росреестра по Тверской области (Россия, г. Тверь, пер. Свободный, д. 2); SPIN-код: 9426-8582, AuthorID: 1073197, e-mail: sasha.lindina@yandex.ru

PROBLEMS OF REAL ESTATE IDENTIFICATION

А.А. Artemyev^{1,2}, I.A. Lepekhin^{1,3}, A.N. Lindina¹

¹Tver State Technical University, Tver

²Tver branch of Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Tver

³Tver State University, Tver

This article identifies and analyses the main problems related to the identification and classification of real estate, which lead to a variety of law enforcement difficulties and legal proceedings. The need to establish in the legislation clear criteria for assigning the object to real estate and a single definition of immovable property is justified. Recommendations to improve domestic legislation in the field of legal regulation of real estate have been proposed.

Keywords: *realty, real estate, classification of real estate objects, earth, land plot, uniform immovable complex, property complex.*

About authors:

ARTEMYEV Alexey – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor; Vice-Rector of Scientific and Innovative Activity of Tver State Technical University (Russia, Tver, A. Nikitin embankment, 22); Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Tver Branch of Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Russia, Tver, Vagzhanov Str., 7); e-mail: aaartemev@rambler.ru; SPIN-code: 9799-6822, AuthorID: 686438

LEPEKHIN Ilya – Candidate of Law Sciences; Associate Professor of the Department of Geodesy and Inventory of the Tver State Technical University (Russia, Tver, A. Nikitin embankment, 22); Associate Professor of Personnel Management of Tver State University (Russia, Tver, Zhelyabova Str., 33); e-mail: ilja-lepehin@rambler.ru; SPIN-code: 6210-5988, AuthorID: 538705

LINDINA Alexandra – Specialist of the 1 Level of the Inter-Municipal Department for Kalinin, Rameshky Districts of the Department of Rosreestr in Tver Region (Russia, Tver, Svobodny lane, 2); SPIN-code: 9426-8582, AuthorID: 1073197, e-mail: sasha.lindina@yandex.ru

Артемьев А.А., Лепехин И.А., Линдина А.Н. Проблемы идентификации недвижимого имущества // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 8 – 15.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ И ОХРАНЫ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА (COVID-2019)

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье обосновываются необходимость и значимость принятия в Российской Федерации мер государственной поддержки участников гражданского оборота в условиях пандемии коронавируса (COVID-2019). Названная пандемия отнесена к заболеваниям, представляющим опасность для окружающих, что дало основание законодателю рассматривать ее как одно из обстоятельств, относимых к чрезвычайной ситуации, и как одну из угроз национальной безопасности. Целью таких мер, в частности, является предотвращение значительного ущерба правам и интересам субъектов имущественных отношений, регулируемых гражданским законодательством. Проведенный анализ законодательства позволяет утверждать об использовании метода гражданско-правового регулирования, который в данных условиях находит свое применение в координационном способе воздействия.

***Ключевые слова:** гражданско-правовые обязательства, пандемия, национальная угроза, охрана субъективных гражданских прав и законных интересов, публичные интересы, частные интересы, предупреждение убытков, метод гражданско-правового регулирования, императивность регулирования, дозволенность, координационный способ регулирования.*

24 февраля 2010 г. на сайте Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) было сформулировано определение пандемии как «распространение нового заболевания в мировых масштабах» [16]. В то время это было вызвано распространением гриппа H1N1. Можно найти определение этому явлению и в Большой медицинской энциклопедии, где указано, что «пандемия (греч. πανδημία – «весь народ») – это распространение нового заболевания в мировых масштабах, сильная эпидемия, распространившаяся на территории стран, континентов; высшая степень развития эпидемического процесса» [15]. Безусловно, состояние пандемии характеризуется и другими специальными признаками и особенностями, которые не являются предметом нашего рассмотрения.

11 марта 2020 г. во Вступительном слове Генерального директора на пресс-брифинге по COVID-19 прозвучало, что распространение COVID-19 можно охарактеризовать как пандемию. Это первая пандемия, причиной которой послужил коронавирус [17].

Очевидно, что основными неблагоприятными последствиями от распространения любого нового вируса, включая COVID-19, являются те, что связаны со здоровьем значительного числа населения или даже с их смертью. Любое современное государство создает определённый механизм противодействия ему и предупреждению его распространения. Об этом сказано и Рекомендациях международному сообществу [17].

Российская Федерация, исходя из положений Конституции РФ (ст. 2, ч. 1 ст. 7, 8, 17, 18, ч.1 ст. 20, ст. 21, положений главы 2), приоритетов внутренней политики приняла комплекс мер, направленных на поддержку населения в целом, отдельных его групп, хозяйствующих субъектов, также самого государства в целях обеспечения безопасности. Такие меры, будучи облеченными в форму принятия целого ряда нормативно-правовых актов, нам представляется важным рассмотреть в аспекте проявления особенностей метода гражданско-правового регулирования в условиях распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019). Охватить все отношения, составляющие предмет отрасли гражданского права невозможно. Кроме того, не все из них могут быть интересны исходя из темы исследования и с учетом их достаточной стабильности даже в нынешних условиях или, по крайней мере, по той причине, что они находятся за пределами императивно-координационного воздействия на них со стороны государственных органов, уполномоченных осуществлять такое регулирование в сложившихся условиях (например, имеются в виду обычные договоры купли-продажи между частными лицами, договоры дарения, договоры поручения и т.п.).

Однако есть целый комплекс имущественных отношений, в которых, если не использовать приемы и способы императивного регулирования, координационный способ регулирования, физические и юридические лица, как участники таких отношений, могут понести убытки, которые не возникли бы, если бы не пандемия. Их имущественная самостоятельность и обособленность, как необходимые признаки всякого субъекта гражданского оборота, могут быть изменены таким образом, «истощены» настолько, что это приведет к невозможности дальнейшего исполнения уже взятых на себя обязательств и (или) к имущественным потерям, невозполнимым как для отдельного лица (физического, юридического), так и для иных, с кем они состоят в разнообразных правовых связях (например, членов семьи, контрагентов, государства, иных публично-правовых образований, ответственных за формирование казны и бюджета соответственно).

Важность таких мер объясняется и тем, что пандемия относится к одной из угроз национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан, что следует из Указа Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О

Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (п. 72) [4]. Для обеспечения безопасности в целом, включая и от угрозы ей пандемией, меры государственного реагирования строятся на принципах, предусмотренных Федеральным законом от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 06.02.2020 г.) «О безопасности» (ст. 2):

- 1) соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;
- 2) законность;
- 3) системность и комплексность применения федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, другими государственными органами, органами местного самоуправления политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности;
- 4) приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности;
- 5) взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, других государственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности [2].

Анализ нормативно-правовых актов, о которых речь пойдет ниже, позволяет утверждать, что принятые государством меры в сфере гражданского оборота свидетельствуют об особой роли метода гражданско-правового регулирования в условиях пандемии.

Среди таких актов базовым законом является первую очередь Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (далее – Федеральный закон № 98-ФЗ) [3]. Этим законом с учетом положений Федерального закона от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 01.04.2020 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» введен ряд мер ограничительного характера, касающихся прав и свобод граждан, осуществления ими определенных личных неимущественных прав. Они именуются также как «обязанности, запреты и ограничения, которые предполагает режим повышенной готовности прав» [1, 3, 6]. Вопросы, связанные с этой категорией прав, в данной статье не рассматриваются.

Коронавирусная инфекция (COVID-2019) прямо отнесены к заболеваниям, представляющим опасность для окружающих [5]. При этом Федеральным законом № 98-ФЗ внесены изменения в ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 68-ФЗ, согласно которым к чрезвычайным ситуациям относятся также обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, что может повлечь или

повлекло за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [1]. Соответственно, для предупреждения такой чрезвычайной ситуации предусмотрено принятие мер, отвечающих следующим признакам:

- заблаговременность принятия;
- направленность таких мер на максимально возможное уменьшение риска возникновения чрезвычайных ситуаций;
- направленность мер на сохранение здоровья людей; имеющих целью снижение размеров ущерба окружающей среде и материальных потерь в случае их возникновения.

Этим характеристикам в полностью отвечают меры в сфере имущественных отношений, конкретизируемые автором статьи ниже.

Среди них следует выделить несколько групп отношений имущественного характера, составляющих в том числе предмет гражданско-правового регулирования:

- отношения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд;
- арендные отношения;
- в сфере строительства (как объектов здравоохранения, так и иного назначения);
- отношения по исполнению договоров участия в долевом строительстве объектов недвижимости:
 - кредитные обязательства;
 - отношения в сфере ипотечного кредитования;
 - отношения по безналичным расчетам;
 - страховые обязательства;
 - отношения в сфере туристической деятельности и пр.

В качестве категорий лиц, права и интересы которых являются предметом особого внимания государства в рамках темы исследования, выступают:

- граждане, выступающие в качестве заемщиков в кредитных договорах, в том числе с условием об ипотеке;
- граждане-дольщики в договоре участия в долевом строительстве объектов недвижимости;
- граждане-страхователи и иные граждане, которые подпадают под категорию «потребители».

Другой обширной категорией выступают определённые хозяйствующие субъекты, относящиеся к субъектам малого и среднего предпринимательства, а также к тем отраслям российской экономики, которые определены Правительством РФ в специальном перечне как в наибольшей степени пострадавшие в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции [8, 10, 12].

Все они относятся к частным лицам, и, соответственно, речь идет о мерах поддержки и охраны частных интересов таких участников гражданского оборота.

Данные интересы связаны с продолжением действия уже ранее заключенных гражданско-правовых договоров, со снижением мер имущественной ответственности за нарушение сроков исполнения обязательств (или даже неприменением таких мер в сложившихся условиях), освобождением от обязанности возместить убытки и т.п.

Безусловно, для государства важны и собственные, т.е. публичные, государственные имущественные интересы, интересы Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований, как лиц, обладающих правом собственности на соответствующее имущество, используемое в гражданском обороте путем заключения различного рода возмездных сделок, имеющих своим результатом пополнение соответствующего бюджета. Одним из самых распространенных видов таких сделок является договор аренды, в котором публично-правовое образование выступает в качестве арендодателя принадлежащего ему имущества. Это также государственные контракты для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Таким образом, и публичные интересы, реализуемые публично-правовыми образованиями в гражданско-правовой сфере, требуют особой охраны в условиях пандемии коронавируса.

С этой целью в Федеральном законе № 98-ФЗ и других нормативно-правовых актах определены конкретные меры, направленные на урегулирование уже сложившихся гражданско-правовых обязательств, на их изменение в целях достижения определенного имущественного баланса публичных и частных интересов. Например:

- возможность получить отсрочку или освобождение от уплаты арендной платы при аренде федерального имущества [3, 10, 11, 13];
- положение о том, что размер арендной платы по договорам аренды недвижимого имущества может изменяться по соглашению сторон в любое время в течение 2020 г. [3, ст. 19];
- невключение домов, по которым нарушены сроки завершения строительства, в реестр проблемных объектов, если данное нарушение возникло в период с 3 апреля до 1 января 2021 г. [7, 9];
- начисление застройщикам финансовых санкций, предусмотренных законом и договором [7];
- возмещение кредитным организациям недополученных доходов по кредитам [9];
- изменение условий об ответственности в кредитных договорах в интересах определенных заемщиков [14] и др.

В наибольшей степени в этих актах при формулировании правовых норм используется такой способ, как координация, наряду с предписаниями и запретами. Однако это не исключает уже

общепризнанных свойств метода гражданско-правового регулирования, таких, как юридическое равенство, правонаделение, диспозитивность, имущественная самостоятельность и пр.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 01.04.2020 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

2. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О безопасности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

3. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

4. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

5. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 (ред. от 31.01.2020 г.) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

6. Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

7. Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 423 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве, и об особенностях включения в реестр проблемных объектов многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, в отношении которых застройщиком более чем на 6 месяцев нарушены сроки завершения строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и (или) обязанности по передаче объекта долевого строительства участнику долевого строительства по зарегистрированному договору участия в долевом строительстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

8. Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 г. № 434 (ред. от 18.04.2020 г.) «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

9. Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2020 г. № 629 «Об утверждении Правил возмещения кредитным организациям недополученных доходов по кредитам, выданным в целях реализации проектов жилищного строительства» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

10. Распоряжение Правительства РФ от 19 марта 2020 г. № 670-р (ред. от 28.04.2020 г.) «О мерах поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

11. Распоряжение Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 439 органам государственной власти субъекта РФ и муниципалитетам рекомендовано оказать арендодателям-собственникам объектов недвижимости, предоставившим отсрочку уплаты арендной платы по договорам аренды объектов недвижимого имущества, меры поддержки в части уплаты в 2020 г. налога на имущество, земельного налога, арендной платы за землю, на которой находится объект // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

12. Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2020 г. № 1155-р «О внесении изменений в Распоряжение Правительства РФ от 19.03.2020 г. № 670-р» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

13. Распоряжение Правительства РФ от 10 апреля 2020 г. № 968-р «О внесении изменений в Распоряжение Правительства РФ от 19.03.2020 г. № 670-р» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020).

14. Информационное сообщение Банка России от 20.03.2020 г. «Банк России утвердил меры по поддержке граждан, экономики и финансового сектора в условиях пандемии коронавируса» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2020 г.).

15. Бургасов С. П. Пандемия // Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. Б.В. Петровский. 3 изд. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 18.

16. Всемирная организация здравоохранения: Глобальное предупреждение и ответные действия [Электронный ресурс]. URL: https://www.who.int/csr/disease/swineflu/frequently_asked_questions/pandemic/ru/

17. Вступительное слово Генерального директора на пресс брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (<https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020>)

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

**TO THE QUESTION OF THE NEED FOR SPECIAL MEASURES
OF PUBLIC SUPPORT AND PROTECTION OF INTERESTS
OF PARTICIPANTS OF CIVIL LEGAL OBLIGATIONS
IN THE CONDITIONS OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC
(COVID-2019)**

O.G. Bartkova

Tver State University

The article substantiates the necessity and significance of the adoption in the Russian Federation of measures of state support for participants in civil turnover in the context of the coronavirus pandemic (COVID-2019). The named pandemic is classified as a disease that poses a danger to others, which gave the legislator grounds to consider it as one of the circumstances related to the emergency and as one of the threats to national security. The purpose of such measures, in particular, is to prevent significant damage to the rights and interests of the subjects of property relations regulated by civil law. The analysis of the legislation allows us to argue about the use of the method of civil regulation, which in these conditions finds its application in the coordination method of influence.

***Keywords:** civil obligations, pandemic, national threat, protection of subjective civil rights and legal interests, public interests, private interests, loss prevention, civil law regulation methodology, imperative regulation, permissibility, coordination method of regulation.*

About the author:

BARTKOVA Olga - PhD, assistant professor of the department of Civil Law of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN- code: 1716-9636, e-mail: bartkova_og@mail.ru

Барткова О.Г. К вопросу о необходимости специальных мер государственной поддержки и охраны интересов участников гражданско-правовых обязательствах в условиях пандемии коронавируса (Covid-2019) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 16 – 23.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РАСХОДЫ НА ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ РАВЕНСТВА ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ РОДИТЕЛЕЙ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ИНТЕРЕСОМ

О.Н. Замрий

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье предложены новые для науки семейного права выводы относительно обеспечения интересов родителя и проживающего с ним ребенка при несении дополнительных расходов родителем, проживающим отдельно от ребенка. Кроме того, отмечаются публично-правовые аспекты обеспечения права ребенка на проживание в пригодном для этого жилом помещении.

Ключевые слова: алименты; дополнительные расходы на детей; интересы детей; злоупотребление интересом; равенство родительских прав.

Забота о детях и их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей, что предусмотрено в ст. 38 Конституции Российской Федерации. Единство прав и обязанностей каждого из родителей установлено в ст. 61 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), что свидетельствует о неразрывной взаимосвязи должного и возможного в поведении родителей. Кстати, даже сам факт использования законодателем понятия «родители» подчеркивает не только особый статус каждого из родителей, но и демонстрирует один из принципов осуществления родительских прав – взаимное согласие при решении всех вопросов, касающихся воспитания детей (п. 2 ст. 65 СК РФ). И лишь в том случае, когда в силу определенных обстоятельств один из родителей проживает отдельно от ребенка, он при сохранении в полном объеме ответственности за воспитание и содержание ребенка приобретает самостоятельное наименование: «родитель, проживающий отдельно от ребенка» (ст. 66 СК РФ).

Справедливым будет признать, что фактически родитель, проживающий отдельно от ребенка, ограничен в своих родительских правах, прежде всего в праве на общение с ребенком и личное участие в воспитании ребенка. Даже заключение соглашения о порядке общения с ребенком либо установление такого порядка судом не является гарантией обеспечения интересов ребенка и родителя, проживающего отдельно от ребенка, от злоупотреблений со стороны родителя, с которым проживает ребенок.

Наиболее заметным это становится при разрешении разногласий или спора родителей по поводу содержания ребенка, а именно выплаты определенной денежной суммы для удовлетворения потребностей

ребенка. Как известно, действующее законодательство предусматривает два вида соответствующих платежей: алименты и дополнительные расходы. Проживание ребенка с одним из родителей выступает зачастую предпосылкой нарушения принципа равенства прав родителей, в частности, расходование денежных средств, взысканных с родителя, проживающего отдельно, может охватывать и сферу удовлетворения потребностей другого родителя. Так, приобретение за счет алиментов продуктов питания, оплата коммунальных платежей и подобные расходы не могут быть четко соотнесены с обеспечением интересов ребенка и интересов родителя, с которым он проживает.

Определенный конфликт между интересами каждого из родителей возникает при смене ребенком места проживания. Например, место жительства несовершеннолетнего было установлено судом по месту жительства матери, отец соответственно выплачивает алименты на ребенка, но последний переезжает жить к отцу. При этом взыскание алиментов не прекращается и мать по-прежнему продолжает их получать.

Ясность в регулирование такой ситуации внес Пленум Верховного Суда РФ, который в п. 36 Постановления от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» указал на необходимость отказа взыскателя от получения алиментов. Если же взыскатель не отказался от взыскания, что практически всегда и бывает, то «освобождение от уплаты алиментов, а также от задолженности по алиментам производится не в порядке исполнения решения, а путем предъявления этим родителем соответствующего иска, поскольку в силу закона вопросы взыскания алиментов и освобождения от их уплаты при наличии спора решаются судом в порядке искового производства».

И если в отношении алиментов относительная определенность прослеживается как в нормах законодательства, так и в сфере его применения, то дополнительные расходы на содержание ребенка как институт семейного права имеют исследовательскую перспективу.

Кстати, Пленум Верховного Суда РФ в названном постановлении утверждает, что дополнительные расходы являются «одной из разновидностей алиментных платежей» (п. 41). На наш взгляд, совершенно правы представители науки семейного права, заявляя о самостоятельном характере дополнительных расходов как вида средств или форм их предоставления, предназначенных для удовлетворения потребностей ребенка.

Так, О.Ю. Ильина, критикуя позицию Пленума ВС РФ, справедливо замечает: «Не менее значимы такие разъяснения и для правоприменителя с точки зрения дальнейшего развития логики Пленума Верховного Суда РФ. Поскольку дополнительные расходы являются разновидностью алиментных платежей, значит ли это, что

применяется общий режим уплаты и взыскания алиментов? В частности, как известно, при обращении взыскания в первую очередь удовлетворяются требования по алиментным обязательствам, однако в настоящее время это не распространяется на обязательства по несению дополнительных расходов. Если же следовать позиции, отраженной в постановлении № 56, то должен быть установлен идентичный режим. Соответствующий вопрос касается и неустойки, и задолженности по алиментам, и мер административной и уголовной ответственности, и т.д., т.е. режим алиментов должен в полной мере распространяться на дополнительные расходы» [2, с. 184].

Представляется, что изучение соотношения алиментов и дополнительных расходов, взыскиваемых на несовершеннолетнего ребенка, весьма актуально для правильного понимания и разрешения спора при предоставлении в качестве алиментов недвижимого имущества – например, жилого помещения. Да, законодатель это разрешает в п. 2 ст. 104 СК РФ, встречаются соглашения об уплате алиментов в такой форме и в нотариальной практике. Но ведь передача жилого помещения в собственность ребенка влечет и возложение на него бремени содержания имущества (ст. 210 Гражданского кодекса Российской Федерации). Если родители при заключении соглашения об уплате алиментов на ребенка путем предоставления ему жилого помещения не договорились по поводу расходов (налог, средства для текущего ремонта и т.п.), то вполне возможна ситуация, когда родитель, предоставивший имущество, будет обязан к участию в несении дополнительных расходов по содержанию ребенком своего имущества.

Так, В.Д. Рузанова и В.Е. Рузанова констатируют: «Нередко родители принимают на себя такие обязанности добровольно и исполняют их за счет своих собственных средств. Возникает вопрос, являются ли они исполнением их собственной семейно-правовой обязанности по содержанию детей или же имеет место добровольное исполнение имущественной обязанности за ребенка?» [3, с. 72].

По нашему мнению, данный вопрос заслуживает внимания с позиции возможного злоупотребления своим интересом родителя, с которым проживает ребенок, особенно, если они проживают именно в том жилом помещении, которое передано другим родителем в счет причитающихся с него алиментных платежей. Иначе говоря, родитель, с которым проживает ребенок, может обеспечить свой интерес в проживании в комфортных условиях.

И если до недавнего времени можно было лишь гипотетически предполагать такой вариант развития отношений между родителями ребенка, то в настоящее время для злоупотребления интересом со стороны родителя, проживающего с ребенком, есть основание в виде соответствующей нормы.

В феврале 2020 г. в ст. 86 СК РФ было внесено изменение, предложена новая редакция перечня исключительных обстоятельств, при наличии которых суд может привлечь каждого из родителей к участию в несении дополнительных расходов на ребенка, вызванных этими обстоятельствами. Заметим, что сам перечень по-прежнему остался открытым, но дополнительно к тяжелой болезни, увечью несовершеннолетних или нетрудоспособных совершеннолетних нуждающихся детей, необходимости оплаты постороннего ухода за ними появилось следующее обстоятельство – «отсутствие пригодного для постоянного проживания жилого помещения».

Заметим, что принятие закона о внесении такого изменения, а фактически дополнения в ст. 86 СК РФ вызвало общественный резонанс и, к сожалению, не всегда компетентные комментарии журналистов: обязанность была соотнесена исключительно с бывшими мужьями, с обязанностью родителей купить ребенку квартиру и т. п.

Специалист по семейному праву В. Дергунова дала РИА Новости следующий комментарий: «Речь идет о том, что родитель может быть привлечен (судом – ред.) к участию в найме или предоставлении ему (ребенку – ред.) на определенном праве жилого помещения, если ребенку негде жить, то есть нет совершенно никакого пригодного для проживания жилья. Но это только в случаях, если у родителя есть на это дополнительная возможность. Если такой возможности у него нет, конечно, он привлечен не будет. То есть это право, а не обязанность суда» [1].

Позволим себе вступить в заочную дискуссию с коллегой. Во-первых, в отличие от некоторых видов алиментных обязательств в данном случае законодатель абсолютно не соотносит обязанность по несению дополнительных расходов с наличием необходимых средств у плательщика (например, этот признак прямо предусмотрен в п. 2 ст. 89, ст. 93 и др. СК РФ). Родитель в любом случае будет привлечен судом к исполнению данной обязанности, но порядок участия и размер подлежащих взысканию расходов определяются судом исходя из семейного и материального положения родителей. Между прочим, согласно ст. 120 СК РФ суд может даже полностью освободить плательщика от уплаты алиментов, в отношении дополнительных расходов такой режим законом не предусмотрен. Во-вторых, «негде жить» и «нет пригодного для проживания жилья», как говорится, «две большие разницы». К сожалению, достаточно многие родители имеют уровень материальной обеспеченности, не позволяющий им не только приобрести новое жилое помещение, но и сделать косметический ремонт в жилом помещении, находящемся в собственности либо в пользовании.

Возвращаясь к обозначенной нами идее злоупотребления одним из родителей своим интересом, полагаем возможным утверждать, что

новая редакция ст. 86 СК РФ позволит родителю, проживающему вместе с ребенком, возложить часть расходов на ремонт жилого помещения, для оплаты аренды другого жилого помещения и теоретически даже для приобретения жилого помещения на родителя, проживающего отдельно, предъявив соответствующее требование в судебном порядке.

Кроме того, согласно ст. 40 Конституции РФ малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Таким образом, обязанность по предоставлению ребенку возможности постоянно проживать в пригодном для этого жилом помещении имеет публично-правовую и частно-правовую природу. Естественно, государство примет на себя заботу о детях, оставшихся без попечения родителей по тем или иным основаниям, обеспечив в том числе и право на проживание в пригодном для этого жилом помещении. Однако исследуемая новелла свидетельствует о смещении соответствующей обязанности в плоскость родительского правоотношения.

Учитывая, что несовершеннолетний ребенок по соглашению родителей либо по решению суда проживает с одним из родителей, последний вполне может обеспечить свою потребность в улучшении жилищных условий посредством предъявления к другому родителю требования об участии в несении дополнительных расходов. Кстати, согласно п. 2 ст. 86 СК РФ суд может обязать родителей принять участие как в фактически понесенных расходах, так и в дополнительных расходах, которые необходимо произвести в будущем.

Приведенные в настоящей статье суждения на сегодняшний день имеют сугубо теоретический характер, лишь формирующаяся постепенно судебная практика позволит сделать выводы о злоупотреблении родителями своим интересом и правами в несении дополнительных расходов на ребенка при наличии соответствующего исключительного обстоятельства.

Список литературы

1. Дергунова В. Закон о праве ребенка на жилье при разводе [Электронный ресурс]. URL: <https://realty.ria.ru/20200207/1564385199.html> (дата обращения: 05.05.2020).
2. Ильина О.Ю. О новых направлениях формирования судебной практики по делам о взыскании алиментов в свете разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 184 – 189.

3. Рузанова В.Д., Рузанова В.Е. Гражданско-правовые и семейно-правовые механизмы защиты имущественных прав детей // Власть закона. 2018. № 3 (35). С. 72 – 78.

Об авторе:

ЗАМРИЙ Олег Николаевич – кандидат юридических наук; доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN-код: 9284-0717, e-mail: zamriy.on@tversu.ru

**ADDITIONAL COSTS FOR CHILDREN IN THE CONTEXT
OF EQUAL RIGHTS AND OBLIGATIONS OF PARENTS:
NEW OPPORTUNITIES FOR ABUSE OF INTEREST**

O.N. Zamriy

Tver State University

The article proposes new conclusions for the science of family law regarding the interests of the parent and the child living with him while incurring additional costs by the parent living separately from the child. In addition, the public law aspects of ensuring the child's right to live in a suitable accommodation are noted.

Key words: *alimony; additional expenses for children; children's interests; misuse of interests; equality of parental rights.*

About author:

ZAMRIY Oleg – PhD, assistant professor of the department of civil procedure and law enforcement, Tver state University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d. 33); SPIN-code: 9284-0717, e-mail: zamriy.on@tversu. ru

Замрий О.Н. Дополнительные расходы на детей в контексте равенства прав и обязанностей родителей: новые возможности для злоупотребления интересом // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 24 – 29.

ПРАВОВОЙ СТАТУС РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А.Ю. Касаткина

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Москва

В статье исследуется правовой статус российской семьи как самостоятельного субъекта семейных прав. Сделан вывод о том, что семья является самостоятельным субъектом прав, обладает право- и дееспособностью, иными правами и обязанностями, установленными законодательством РФ, международными нормами, к которым РФ присоединилась, и международными договорами РФ, и именно такими положениями необходимо дополнить Семейный кодекс РФ. Семья понимается как социально-правовое образование, создаваемое и действующее с целью продолжения рода и жизни в целом, воспитания и содержания, благополучия ее членов, совместного осуществления прав и исполнения обязанностей семьи, а также прав и обязанностей ее членов, в осуществлении которых возможно участие иных лиц, связанных членством в семье, без причинения какого-либо зла друг другу.

Ключевые слова: семья, субъект, право- и дееспособность, назначение.

Вопросы, связанные с жизнедеятельностью российской семьи, не утрачивают актуальности, а их решение – теоретической и практической значимости.

Российская семья не раз становилась предметом исследований мыслителей прошлого времени и современного периода [8, с. 3 – 7; 9, с. 12 – 15; 11, с. 11; 13, с. 6 – 9; 16, с. 301 – 306].

В российской науке семейного права семья понимается как союз [17, с. 166], или круг лиц [14, с. 71], связанных родством, свойством; малая социальная группа [10, с. 26 – 41]; фундамент общества [15, с. 68]; договор простого товарищества [2]; общность совместно проживающих лиц, объединенных правами и обязанностями, предусмотренными семейным законодательством [12, с. 33].

Все названные подходы ученых едины в том, что семья состоит из нескольких человек, объединившихся по различным основаниям, одобряемым государством и обществом.

Надо полагать, что семья представляет собой социально-правовое образование, созданное и действующее с целью продолжения рода и жизни в целом; воспитания, содержания и благополучия ее членов, совместного осуществления прав семьи и исполнения обязанностей, а также прав и обязанностей ее членов, в осуществлении которых

возможно участие иных лиц, связанных членством в семье, без причинения им зла любого вида и формы.

Одной из основ российской семьи является правовая связь ее членов.

В соответствии с формами семейных отношений в Российской Федерации (далее – РФ) можно выделить семью, созданную мужчиной и женщиной на основе регистрации брака – в установленном государством порядке, с соблюдением условий и запретов; семью, образовавшуюся в результате рождения ребенка, кровное происхождение которого законодательно оформлено; семью, возникшую в связи с принятием чужого ребенка на воспитание, законодательно оформленную; иные правовые образования граждан РФ, иностранцев и лиц без гражданства, допускаемые законодательством РФ.

Правовая оформленность российской семьи состоит в совершении соответствующими органами государства на основании законодательства РФ действий, связанных с созданием семьи. В отношении семьи, основанной на браке, органами ЗАГС совершается запись о государственной регистрации брака (ст. 29 Федерального закона от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (далее – ФЗ № 143-ФЗ); в отношении семьи, основанной на происхождении, органами ЗАГС совершается запись о государственной регистрации рождения (ст. 22 ФЗ № 143-ФЗ); в отношении семьи, основанной на принятии ребенка на воспитание, заключение договора между органами опеки и попечительства и лицами, принявшими ребенка на воспитание, а также издание органом опеки и попечительства соответствующего акта (ст. 145, 152 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) или принятие решения судом (ст. 125 СК РФ) и совершение записи об усыновлении (ст. 42, 43 ФЗ № 143-ФЗ).

Все формы российской семьи находят законодательное оформление, которое состоит в одобрении государством такого образования путем совершения его компетентными органами соответствующих действий, как правило, по инициативе и в целом по усмотрению лиц, объединившихся в семью.

В соответствии с преамбулой «Конвенции о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) [1] семье как основной ячейке общества и естественной среде для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей должны быть предоставлены необходимая защита и содействие, с тем чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества. Данное законоположение определяет семью как самостоятельного субъекта прав.

Созданная в РФ с соблюдением законодательства семья имеет правовой статус.

Правовой статус семьи следует понимать как наличие прав и обязанностей у семьи, предусмотренных законодательством РФ, международными нормами, к которым РФ присоединилась, и международными договорами РФ. Правовой статус семьи должен определяться СК РФ и соответствующими нормативными правовыми актами субъектов РФ. Возможно субсидиарное применение положений о семье, содержащихся в иных нормативных правовых актах.

СК РФ содержит некоторые положения о семье, основанной на браке (гл. 3, 6, 7, 8); некоторые положения о семье, основанной на происхождении (гл. 10 – 12); некоторые положения о семье, основанной на принятии ребенка на воспитание (гл. 19 – 21).

Гражданский кодекс РФ содержит некоторые положения о семье в гл. 3, 8, 16.

Прямо или косвенно некоторые вопросы жизнедеятельности семьи определены Концепцией государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р [6]; Федеральным законом от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [4]; Федеральным законом от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [5] и другими документами.

Анализ законодательства РФ позволяет заключить, что в РФ не определен правовой статус российской семьи, а ее членов – определен в усеченном варианте.

Семейное законодательство РФ не содержит понятия семьи и ее членов.

В СК РФ отсутствуют основные элементы правового статуса: семейная право- и дееспособность; в целом не определен и правовой статус членов семьи; не названы правовые критерии членства в семье, совместной жизни; критерии родства и свойства.

Такое положение вызывает условность в их правоприменении и доктринальных подходах к познанию существа семьи, статуса ее членов.

Европейским Судом по правам человека отстаивается важность семейных связей между членами семьи, родственниками, в том числе находящимися в экстремальных ситуациях [2, 3].

Отдельный вариант определения понятия семейной жизни в понимании ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентной практике Европейского Суда по правам человека приведен и в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации [7].

Правовой статус российской семьи должен быть определен законодательством РФ, и учтена его связь с нравственными основами жизнедеятельности семьи: чувствами взаимной любви и уважения, взаимной заботы, взаимопонимания и т.д.

Заявив о семье как самостоятельном социально-правовом образовании, РФ в своем законодательстве не определила ее правовой статус как особого субъекта прав. Семья – образование нескольких лиц. Уже по этой причине необходимо определиться со статусом и семьи, и ее членов, т.е. лиц, ее образовавших. Судя по законодательству РФ, нередко семье не уделяется правового внимания, она находится в состоянии неопределенности как субъект прав. Каждому члену семьи, напротив, придается самостоятельность как субъекту. Каких-либо правовых критериев собственно правового статуса семьи и правового статуса ее членов законодательство РФ не содержит. Например, в ст. 1 СК РФ семья понимается как субъект прав, а в ст. 7 СК РФ – член семьи как субъект прав, действующий по своему усмотрению при осуществлении семейных прав. Запрет касается лишь недопустимости нарушения прав других членов семьи.

В гл. 6 СК РФ, содержащей положения о личных неимущественных правах супругов, никак не определяется статус такой семьи. В гл. 11 и 12 СК РФ акценты сделаны на права членов семьи.

Такая неопределенность СК РФ по отношению к семье создает сомнения относительно самостоятельности семьи как субъекта прав. Вместе с тем в общих положениях СК РФ (ст. 1), в иных нормативных правовых актах нередко подчеркивается приоритетное положение семьи. Например, Жилищный кодекс РФ при предоставлении жилой площади социального назначения исходит из требований, предъявляемых к семье в целом (гл. 7, 8, 8.1).

Изложенное позволяет заключить следующее.

СК РФ необходимо дополнить положениями о правовом статусе семьи и ее членов: 1) понятие семьи; 2) понятие члена семьи; 3) понятие правового статуса семьи и правового статуса ее членов; 4) понятие родства и свойства; 5) понятие право- и дееспособности семьи и право- и дееспособности ее членов.

Семья – самостоятельное правовое образование и как субъект прав обладает право- и дееспособностью и иными семейными правами и обязанностями.

Правоспособность семьи – способность быть субъектом семейных прав и нести семейные обязанности. Дееспособность российской семьи есть способность семьи своими действиями создавать семейные права и осуществлять их, принимать на себя семейные обязанности и исполнять их.

Надо полагать, что семья как самостоятельный субъект семейных прав представляется в отношениях, связанных с образованием и

действием семьи. С момента образования семьи ее представляют все совершеннолетние члены по устному и/или письменному соглашению между ними, заключенному без указания срока. Письменное соглашение семьи подлежит регистрации в органах опеки и попечительства РФ и иных уполномоченных органах. Письменное соглашение может быть изменено и расторгнуто по основаниям и в порядке, установленном СК РФ. Причем СК РФ наделяет членов семьи такой возможностью (гл.11, 12, 16 СК РФ).

В СК РФ должно быть закреплено, что правоспособность и дееспособность семьи возникает с момента ее образования и прекращается с прекращением действия семьи.

Каждый член семьи имеет право- и дееспособность. Право- и дееспособность члена семьи возникает с момента членства в семье, которое определяется: 1) заключением брака – для супругов; 2) регистрацией рождения при рождении ребенка – для члена семьи, основанной на рождении; 3) принятием ребенка на воспитание, усыновлением – для члена семьи, основанной на принятии детей на воспитание.

Содержание право- и дееспособности семьи и членов семьи должно быть определено в СК РФ и семейном законодательстве субъектов РФ, с учетом международных норм, признанных РФ, и международных договоров РФ и включать в себя права и обязанности семьи и ее членов.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.
2. Постановление ЕСПЧ от 03.07.2018 г. «Дело "Войнов (Voynov) против Российской Федерации"» (жалоба № 39747/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 8.
3. Постановление ЕСПЧ от 07.03.2017 г. «Дело "Полякова и другие (Polyakova and Others) против Российской Федерации"» (жалоба № 35090/09 и три других) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 8.
4. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.
5. Федеральный закон от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
6. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 г. № 57-КГ19-7 // СПС «Консультант Плюс».

8. Беспалов Ю.Ф. Российская семья и российская женщина: социально-правовой аспект // Семейное и жилищное право. 2019. № 6. С. 3 – 7.
9. Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 12 – 15.
10. Мананкова Р.П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 26 – 41.
11. Матвеев П.А. Понятие семьи в российском праве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2011. № 3 (8). С. 10 – 17.
12. Нечаева А.М. Семейное право: учебник для академического бакалавриата. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. 303 с.
13. Пащенко А.С. Проблемы определения понятия семьи // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2010. № 6. С. 6 – 9.
14. Рясенцев В.А. Семейное право М., 1971. 296 с.
15. Сакр А. Семейные ценности в Исламе. СПб: изд-во «Диля», 2008. 192 с.
16. Смышляева О.В. Право на создание семьи и "традиционная" модель российской семьи: проблемы правового регулирования / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич и др. // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 301 – 306.
17. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. 556 с.

Об авторе:

КАСАТКИНА Анастасия Юрьевна – доцент кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», кандидат юридических наук, SPIN-код: 4952-5333, AuthorID: 819742

LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN FAMILY: SOME THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

A.Yu. Kasatkina

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The article examines the legal status of the Russian family as an independent subject of family rights. It is concluded that the family is an independent subject of rights, has legal capacity, other rights and obligations established by the legislation of the Russian Federation, international standards to which the Russian Federation has acceded and international treaties of the Russian Federation, and it is these provisions that must be supplemented by the Family Code of the Russian Federation. The family is understood as a social and legal formation created and operating with the aim of continuing the family and life in general, educating and maintaining, the well-being of its members, the joint exercise of the rights and duties of the family, as well as the rights and obligations of its members, in the implementation of which other participation

is possible persons connected by family membership without causing any harm to each other.

Keywords: *family, subject, legal capacity, purpose.*

About the author:

Kasatkina Anastasia – assistant professor of civil procedure and organization bailiff in All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), candidate of a legal science, SPIN-code: 4952-5333, AuthorID: 819742

Касаткина А.Ю. Правовой статус российской семьи: некоторые теоретические и практические аспекты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 30 – 36.

О НЕКОТОРЫХ НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЯХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

И.А. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуются вопросы влияния этических категорий на развитие нормативно-правовых предписаний в гражданском праве России. Отражение норм морали и нравственности в отечественном частном праве способствует установлению баланса интересов субъектов гражданских правоотношений. Включение в законодательство этико-правовых категорий имеет положительное влияние на становление и развитие судебной практики в России.

***Ключевые слова:** нормы морали и нравственности, принцип добросовестности, разумность, справедливость.*

Проблема соотношения права и морали интересовала человечество всегда. Закрепление и распространение идеи особой ценности основных прав человека приумножило интерес к этой проблематике. Достоинство личности стало центральным объектом в сфере законодательного регулирования последних десятилетий.

Природа морали – непростой вопрос, который, с одной стороны, является очевидным, однако одновременно – глубоким и требующим разностороннего подхода. Так, в «отечественной литературе по-прежнему довлеет сформировавшееся в предшествующую эпоху мнение, что мораль — это духовно-практическое отношение человека к миру. Однако с древнейших времен до нас дошло мнение конфуцианцев, усматривавших источник морали в «велениях Неба», и Сократа, не скрывавшего даже перед лицом суда, что основа добродетели — его собственный внутренний “демон”» [8, с. 28].

И в современной литературе существует оппозиционность мнений по поводу сущности морали. Вместе с тем совершенно очевидно, что мораль по своему содержанию как регулятор социальной жизни занимает отдельное место в системе социальных норм. Отрицать ее влияние на поведение человека бессмысленно. Такие моральные категории, как «добро» и «зло», «справедливость», «ответственность» и другие, позволяют оценить человеческие поступки. Однако, несмотря на то, что мораль стоит над сугубо групповыми, отраслевыми, корпоративными и иными интересами, нельзя не отметить разное ее проявление в конкретных предложенных исторических условиях жизни отдельных общностей людей.

Из норм поведения сформулированы нормы права, а субъекты, нарушающие эти нормы, «вступают в серьезный конфликт с государством, обществом, социумом...» [9, с. 9]. В.Е. Талынев в данной

работе говорит, правда, о нормах поведения, а не нормах морали, изучая вопрос регулирования служебного этикета в полиции, однако представляется, что именно нормы морали и нравственности существенно влияют на поведение людей, так как они «живут» в сознании людей. По крайней мере, законодательное закрепление норм поведения почти всегда сопровождается морально-нравственной оценкой со стороны общества. Следует подчеркнуть, что взгляд на мораль как самостоятельный источник права является достаточно распространенным.

Не вступаю в дискуссию по вопросу соотношения права и морали, хотелось бы отметить, что нормы морали находят отражение в различных отраслях российского законодательства. Даже в Преамбуле Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) мы видим прочную связь правовых и моральных устоев. В основополагающих положениях Конституции РФ раскрывается указанная взаимосвязь. Основной закон дает соответствующий посыл отраслевому законодательству, поскольку правовое признание свободы и достоинства личности является необходимым условием нормального бытия личности в современном демократическом государстве. Особое значение, на наш взгляд, приобретает вопрос об отражении норм морали и нравственности в гражданском, уголовном, трудовом, семейном, процессуальном законодательстве. Именно эти отрасли законодательства и права наиболее тесно связаны с моралью.

«Поддержка морали правом в современном российском законодательстве видна на примере таких нормативных правовых актов, как, например, УК РФ (гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»), Кодекс РФ об административных правонарушениях (ст. 1.2 «Задачи законодательства об административных правонарушениях», в числе которых значится и такая задача, как защита общественной нравственности» [6, с. 34].

Следует указать на особую роль норм морали и нравственности в регламентации гражданско-правовых отношений. В первую очередь они находят отражение в основных началах гражданского законодательства. И здесь это не только принцип равенства участников гражданских правоотношений, принцип свободы договора, но практически все принципы представляют собой результат отражения норм морали и нравственности.

Обратимся к Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [4]. До 2009 г. в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) отсутствовал такой принцип как добросовестность. В нормах гражданского законодательства вместе с тем указывалось на добросовестное поведение участников отдельных гражданских правоотношений, также практика хозяйственной деятельности требовала включения этого принципа в общие положения ГК РФ.

Добросовестность должна распространяться на действия участников гражданских правоотношений при: «а) установлении прав и обязанностей (ведение переговоров о заключении договоров и т.д.); б) приобретении прав и обязанностей; в) осуществлении прав и исполнении обязанностей; г) защите прав. Принципу добросовестности должна подчиняться и оценка содержания прав и обязанностей сторон» [6, с. 34].

Содержание данного принципа предполагает, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, т.е. благожелательно и честно. С недавних пор в ст. 10 ГК РФ закреплено, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются: «Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» [1]. По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное. Так, приведем пример. В решении Арбитражного суда Пермского края от 9 июня 2016 г. по делу № А50-7853/2016 установлено, что ответчик не оплатил весь объем услуг по поставленной электроэнергии. Обязанность ответчика по оплате электроэнергии вытекает из сложившихся между истцом и ответчиком договорных отношений [3].

Данный пример из судебной практики указывает на необходимость соблюдения принципа добросовестности. Вместе с тем законодатель еще не выработал критериев отнесения действий участников гражданских правоотношений к добросовестным и недобросовестным, соответственно суды делают самостоятельные выводы о недобросовестности участников гражданского оборота. И такая активная позиция судебного органа в решении вопроса о недобросовестности видится весьма спорной: «Фактически слова И.А. Покровского могут стать пророческими, и мы получим тотальный контроль за оборотом со стороны судейского корпуса, который будет волен трактовать поведение участников гражданско-правовых отношений как добросовестное или недобросовестное без общепризнанных критериев, в отсутствие которых такая классификация будет поставлена в зависимость от правосознания отдельного судьи, его представления о справедливости и понимания "добросовестности"» [7].

По правилу п. 2 ст. 6 ГК РФ при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости.

Разумность является важной составляющей этических основ осуществления гражданских прав, направляющей действия сторон гражданско-правовых отношений. Разумность, бесспорно, указывает на определенную модель правомерного поведения субъекта права. Данная категория отражает требование иметь определенный опыт ведения дел. Приведем в качестве примера положение из Постановления Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»: «При оценке добросовестности и разумности действий (бездействия) директора арбитражные суды должны учитывать, входили или должны ли были, принимая во внимание обычную деловую практику и масштаб деятельности юридического лица, входить в круг непосредственных обязанностей директора такие выбор и контроль, в том числе не были ли направлены действия директора на уклонение от ответственности путем привлечения третьих лиц» [2]. Данное постановление раскрывает нам отдельные аспекты понятия разумности относительно вопросов, касающихся возмещения убытков, причиненных действиями (бездействием) лиц, входящих в состав органов юридического лица. Однако наиболее актуально разумность проявляет себя в договорном праве, где в большей степени учитываются взаимные интересы сторон и практика деловых отношений.

Еще одно понятие, заслуживающее внимания с точки зрения этических составляющих осуществления гражданских прав, это категория справедливости. Как и разумность, справедливость – оценочная категория, которая имеет этико-правовую характеристику. С.А. Иванова в своей диссертации «Принцип справедливости в гражданском праве» пишет о том, что «Основные начала гражданского законодательства (ст. 1 Гражданского кодекса РФ) являются основными элементами принципа справедливости в гражданском праве. Соответственно, нарушение (неприменение или неправильное применение к конкретным гражданско-правовым отношениям) хотя бы одного из основных начал гражданского законодательства ведет к несоблюдению принципа справедливости в гражданском праве» [5].

Справедливость в гражданском праве России призывает к установлению баланса интересов между субъектами гражданских правоотношений. Это требование, которые применяется в различных сферах гражданско-правового регулирования: вещное право, обязательственное право, договорное право и другие.

Таким образом, велико значение этико-правовых категорий в гражданском праве России. Однако законодательный процесс – сложный процесс, и законодатель не раскрывает понятий и не дает четких критериев в определении добросовестности, разумности, справедливости. Эта ситуация порождает развитие права в судах и

обуславливает взаимосвязь и взаимозависимость этой триады понятий. И здесь следует руководствоваться тем, чтобы нравственное содержание гражданских норм оказывало направляющее действие на поведение субъектов гражданского права, обеспечивая баланс интересов участников гражданских правоотношений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019 г., с изм. от 28.04.2020 г.) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 11.05.2020).

2. Постановления Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». URL: <https://www.arbitr.ru> (дата обращения: 11.05.2020).

3. Решение Арбитражного суда Пермского края от 9 июня 2016 г. по делу № А50-7853/2016. URL: <https://blog.pravo.tech/zashchita-prav-i-zloupotreblenie-pravom/#dolg> (дата обращения: 11.05.2020).

4. Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11 // СПС «ГАРАНТ» (дата обращения: 11.05.2020).

5. Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир: Владимир. юрид. ин-т., 2006. 45 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/printsip-spravedlivosti-v-grazhdanskom-prave-rossii> (дата обращения: 11.05.2020).

6. Носков И. Ю. Профессиональная этика юриста: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/454630/p.34> (дата обращения: 11.05.2020).

7. Принцип добросовестности и его влияние на правоприменительную практику [Электронный ресурс]. URL: <https://gtlaw.ru/2018/03/22/printsip-dobrosovestnosti-i-ego-vliyanie-na-pravoprimenitelnuyu-praktiku/> (дата обращения: 11.05.2020).

8. Сорокотягин И.Н., Маслеев А.Г. Профессиональная этика юриста: учебник / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/450949/p.28> (дата обращения: 10.05.2020).

9. Талынев В.Е. Профессиональная этика и служебный этикет в полиции России: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/456700/p.9> (дата обращения: 10.05.2020).

Об авторе:

Крусс Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

**ABOUT SOME MORAL AND LEGAL CATEGORIES IN RUSSIAN
CIVIL LAW**

I.A. Kruss

Tver State University

The article examines the influence of ethical categories on the development of legal regulations in Russian civil law. The reflection of the norms of morals and morals in domestic private law contributes to the establishment of a balance of interests of subjects of civil legal relations. The inclusion of ethical and legal categories in legislation has a positive impact on the formation and development of judicial practice in Russia.

Keywords: *norms of morality and morality, the principle of good faith, reasonableness, justice.*

About authors:

KRUSS Irina – PhD, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33),
ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-code: 1394-2400, e-mail:
Kruss.IA@tversu.ru

Крусс И.А. О некоторых нравственно-правовых категориях в гражданском праве России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 37 – 42.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 342.5

ПРАВОТВОРЧЕСТВО ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются особенности осуществления органами местного самоуправления правового регулирования в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: *местное самоуправление, правотворчество, предпринимательство, инвестиции.*

Согласно ч. 1 ст. 130 Конституции РФ за местным самоуправлением в Российской Федерации признается самостоятельность решения вопросов местного значения. Данные вопросы совместно с полномочиями органов местного самоуправления образуют их компетенцию. Как показывает опыт последних лет, данная категория – компетенция органов местного самоуправления – не является устоявшейся, в силу действий федерального законодателя, довольно часто вносящего в эту часть Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г. изменения.

Так, и формулирование вопроса, связанного с регулированием и организацией предпринимательской и инвестиционной деятельности в муниципальном образовании, не раз подвергалось изменению.

Как отмечается исследователями, отличием предпринимательства от других видов деятельности является свобода выбора, касающаяся направления и методов ведения деятельности, а также то, что все решения принимаются субъектом предпринимательства самостоятельно. Выступая конкретной формой проявления отношений между хозяйствующими субъектами, предпринимательство помогает в развитии материального и духовного потенциала общества. Создание и развитие коммерческих организаций определяет эффективность развития страны и общества, что доказано многочисленными исследованиями специалистов и мировым опытом [12].

Правовое регулирование отношений, возникающих в сфере малого и среднего предпринимательства, осуществляется Федеральным законом РФ от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [2]. Данным актом к субъектам малого и среднего предпринимательства относятся

зарегистрированные в соответствии с законодательством Российской Федерации и соответствующие условиям, установленным ч. 1.1 ст. 4 данного закона, хозяйственные общества, партнёрства, производственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года [5]. Необходимость разработки и утверждения такой Стратегии была вызвана тем, что в последние годы динамика развития малого и среднего предпринимательства является отрицательной. Доля малых и средних предприятий в обороте предприятий по экономике в целом, по данным Федеральной службы государственной статистики, поступательно снижается. Падение показателя только в 2014 г. по сравнению с 2013 г. составило 1,8 подпунктов – с 34,2 % в 2013 г. до 32,4 % в 2014 г.

Согласно названной Стратегии основными направлениями поддержки и развития малых и средних предприятий на территории монопрофильных муниципальных образований являются:

а) стимулирование создания производств с высокой добавленной стоимостью, поддержка видов деятельности, не связанных с высокими стартовыми затратами, а также вовлечение малых и средних предприятий в решение актуальных социальных задач;

б) предоставление льгот на приобретение или долгосрочную аренду сельскохозяйственных земель для организации личных приусадебных хозяйств в целях последующей реализации произведенной продукции на местных рынках;

в) развитие мер государственной невозвратной финансовой поддержки малых и средних предприятий в монопрофильных городах красной и желтой зон;

г) поддержка предпринимательской активности за счет реализации мер прямой поддержки бизнес-проектов и мер по развитию бизнес-инфраструктуры в рамках деятельности Фонда развития моногородов.

Федеральным законом от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» [4], (далее - Федеральный закон № 39-ФЗ) установлены права и обязанности органов государственной власти, органов местного самоуправления, субъектов инвестиционной деятельности при осуществлении инвестиций в различные виды вновь создаваемого и (или) модернизируемого имущества. Так, органы муниципальной власти могут предоставлять на конкурсной основе государственные или муниципальные гарантии по инвестиционным проектам за счет средств бюджетов субъектов РФ или

соответственно местных бюджетов в порядке, определяемом законами субъектов РФ или представительным органом местного самоуправления. К их полномочиям также отнесено проведение согласно законодательству экспертизы инвестиционных проектов. Наряду с этим они могут вовлекать в инвестиционный процесс временно приостановленные и законсервированные стройки и объекты, находящиеся в собственности субъектов РФ или в муниципальной собственности. В дополнение к этой системе мер в соответствии со ст. 19 Федерального закона № 39-ФЗ органы местного самоуправления должны принимать меры для создания в муниципальных образованиях благоприятных условий для развития инвестиционной деятельности.

Инвестиционный потенциал, так же как и степень развития малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании, связывается экспертами с укреплением материально-технической базы муниципальных образований, созданием материальных предпосылок местного самоуправления [13, с. 25].

Рассматривая вопрос правотворчества органов местного самоуправления в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности, стоит начать с того, что формулировка вопроса применительно к разным типам муниципальных образований в Федеральном законе о местном самоуправлении является неодинаковой. За городским и сельским поселением согласно п. 28 ч. 1 ст. 14 закреплена такая формулировка как *создание условий* (выделено мною – *Н.А.*) для развития малого и среднего предпринимательства. За муниципальным районом и муниципальным, городским округом, а также внутригородским районом согласно п. 25 ч. 1 ст. 15, п. 33 ч. 1 ст. 16 и п. 11 ч. 1 ст. 16.2 Федерального закона № 131-ФЗ [3] закреплена другая формулировка – *содействие развитию* (выделено мною – *Н.А.*) малого и среднего предпринимательства.

В связи с чем так по-разному законодатель определяет вопрос, касающийся организации предпринимательства на территории муниципального образования? Понятно, что создание условий для развития и содействие развитию не является одним и тем же.

Вопрос о единообразном подходе к определению терминов, характеризующих вопросы местного значения, стал подниматься сразу же после принятия Федерального закона № 131-ФЗ, поскольку правоприменение без его решения не могло эффективно осуществляться. Данный вопрос является очень важным, поскольку от этого зависит, какие действия правомочны осуществлять органы местного самоуправления, в том числе могут ли они принимать по тем или иным вопросам нормативные правовые акты. Поэтому еще в 2007 г. Комитет Государственной Думы Федерального Собрания РФ по вопросам местного самоуправления разъяснил значение тех понятий, которые содержатся в нормах

Федерального закона № 131-ФЗ, на основании которых сформулированы вопросы местного значения [6, с. 38].

Согласно данным разъяснениям часто используемым федеральным законодателем термином при определении вопросов местного значения является «обеспечение» или «обеспечение условий» («создание условий»). При этом обеспечение (создание) условий означает принятие мер, позволяющих достичь и (или) сохранить обстоятельства, обстановку, необходимую для реализации, выполнения чего-либо. Понятие «создание условий» преимущественно указывает на осуществление нормативно-правового регулирования и создание условий, благоприятных для данного вида деятельности.

Что касается таких терминов, как «участие» и «оказание содействия», то это предполагает деятельность, осуществляемую совместно с кем-либо, сотрудничество с иными субъектами (в данном случае с органами государственной власти).

Согласно Толковому словарю Ожегова содействие понимается как деятельное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь; поддержка в какой-нибудь деятельности. Таким образом, когда законодатель наделяет органы местного самоуправления полномочиями по содействию в сфере предпринимательства, он имеет в виду оказание органами местного самоуправления помощи в развитии малого и среднего предпринимательства. И такая помощь может быть различного рода – и правовое обеспечение развития малого и среднего предпринимательства в пределах полномочий органов местного самоуправления, и организационная помощь.

При этом правовое регулирование не обязательно может заключаться в регулировании собственно предпринимательских отношений. Так, к данному виду муниципальных правовых актов можно отнести Решение Екатеринбургской городской Думы от 22.04.2003 г. № 38/1, регулирующее порядок продажи на аукционе объектов муниципальной собственности, Решение Екатеринбургской городской Думы от 17.02.2009 г. № 13/72, предусматривающее преимущественное право субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – субъектов МСП) на выкуп арендованного муниципального имущества. Примером такого акта может служить и утвержденная Постановлением Администрации г. Твери от 20 октября 2014 г. № 1320 муниципальная программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в г. Твери» на 2015 – 2020 годы, в которой были определены меры, направленные на создание благоприятных условий для развития предпринимательства [11].

Можно назвать основные направления деятельности муниципальных образований в сфере содействия малому и среднему предпринимательству. К ним относятся рассмотрение проектов муниципальных правовых актов на профильных комиссиях

представительного органа; принятие внесенных проектов муниципальных правовых актов представительным органом муниципального образования, а также участие в проведении процедуры оценки регулирующего воздействия таких актов.

Что касается последнего направления работы органов местного самоуправления, то к нему предъявляются Федеральным законом особые требования. Так, согласно ч. 6 ст. 7 Федерального закона № 131-ФЗ муниципальные нормативные правовые акты таких муниципальных образований, как городские округа (в том числе с внутригородским делением), муниципальные округа и муниципальные районы, затрагивающие вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, подлежат экспертизе, проводимой органами местного самоуправления данных муниципальных образований в порядке, установленном муниципальными нормативными правовыми актами в соответствии с законом субъекта Российской Федерации. Указанная экспертиза направлена на выявление в этих актах положений, необоснованно затрудняющих осуществление предпринимательской и инвестиционной деятельности в муниципальном образовании.

Проводится такая экспертиза в тех муниципальных образованиях, которые включены в соответствующий перечень законом субъекта Российской Федерации согласно положениям ч. 7 ст. 7 Федерального закона № 131-ФЗ.

Так, в Тверской области принят Закон от 26 марта 2014 г. № 17-ЗО (с изм. на 23 июля 2019 г.) «Об оценке регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизе нормативных правовых актов в Тверской области» [7]. Данный акт устанавливает критерии включения муниципальных районов, муниципальных и городских округов Тверской области в Перечень муниципальных образований, где должна быть проведена экспертиза актов, затрагивающих вопросы предпринимательской и инвестиционной деятельности. К таковым критериям Законом отнесены: а) численность населения муниципального района (муниципального округа, городского округа) Тверской области на основании данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тверской области составляет не менее 3000 человек; б) количество субъектов малого и среднего предпринимательства на территории муниципального образования составляет не менее 15 субъектов на 1000 жителей; в) наделение органов местного самоуправления муниципального образования не менее чем одним отдельным государственным полномочием Тверской области или отдельным государственным полномочием Российской Федерации, переданным для осуществления органам государственной власти Тверской области, в соответствии со ст. 19 Федерального

закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

На основании названных критериев в Перечень муниципальных образований в соответствии с указанным Законом Тверской области включены 40 муниципальных образований различных типов.

В связи с вышеизложенным обращают на себя внимание несколько факторов. Во-первых, в муниципальном образовании должен быть разработан и принят нормативный правовой акт, регламентирующий процедуру проведения экспертизы муниципальных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности. Исходя из того, что Федеральный закон № 131-ФЗ предусматривает проведение такой экспертизы в целях выявления положений, необоснованно затрудняющих осуществление предпринимательской и инвестиционной деятельности, можно говорить о том, что в данном случае проводится антикоррупционная экспертиза муниципальных правовых актов.

Согласно Федеральному закону от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (в ред. от 10.11. 2018 г № 362-ФЗ) [1] одним из коррупциогенных факторов является установление в нормативных правовых актах неопределенных, трудновыполнимых и (или) обременительных требований к гражданам и организациям и тем самым создание условий для проявления коррупции.

Во-вторых, исходя из предписаний Федерального закона № 131-ФЗ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Федерации, муниципальные образования, которые принимают нормативные правовые акты в области предпринимательства и инвестиционной деятельности, сами же и проводят антикоррупционную экспертизу в отношении данных актов.

И в-третьих, согласно абзацу 2 ч. 6 ст. 7 Федерального закона № 131-ФЗ муниципальные нормативные правовые акты иных муниципальных образований, затрагивающие вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, в целях выявления положений, необоснованно затрудняющих осуществление предпринимательской и инвестиционной деятельности, *могут* (выделено мною – *Н.А.*) подлежать экспертизе, проводимой органами местного самоуправления соответствующих муниципальных образований в порядке, установленном муниципальными нормативными правовыми актами в соответствии с законом субъекта Российской Федерации. В самой этой норме, по задумке законодателя, направленной на предотвращение коррупции, содержится коррупциогенный фактор, выражающийся в установлении для правоприменителя необоснованно широких пределов усмотрения.

Подводя итог, следует отметить, что анализ нормативного обеспечения деятельности органов местного самоуправления в сфере предпринимательства и инвестиционной деятельности показывает, что специфика правового регулирования органов местного самоуправления в данной сфере носит, как правило, стратегический характер.

Как отмечает Р.М. Усманова, муниципальная власть остро нуждается в действующих программах стратегического развития муниципального образования [14].

Это проявляется в том, что в основном правовое регулирование предпринимательской и инвестиционной деятельности органы местного самоуправления, как правило, осуществляют путем принятия актов, именуемых программами развития, стандартами и т. п. (например, муниципальная программа «Развитие малого и среднего предпринимательства» на 2018 – 2020 годы, утвержденная Постановлением Администрации Хасанского муниципального района Приморского края от 01.11.2017 г. [8], муниципальная программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании «Город Саратов» на 2017 – 2019 годы, утвержденная Постановлением Администрации г. Саратова 5 июля 2016 г. № 1786 [9], «Стандарт деятельности органов местного самоуправления по созданию благоприятного инвестиционного климата в муниципальном образовании город Батайск» [10] и др.). Такое положение соответствует характеру правового регулирования экономических отношений в государстве, где конституционно признана свобода экономической деятельности. В свете вопроса о соотношении публичных и частных интересов правовое регулирование рассматриваемых отношений следует осуществлять таким образом, дабы не допустить превалирования воли государственной (муниципальной) власти над законными интересами субъектов предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (в ред. от 10.11.2018 г. № 362-ФЗ) // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г.) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон Российской Федерации от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р // СПС «КонсультантПлюс».

6. Разъяснения Комитета Государственной Думы по местному самоуправлению положений Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 6. С. 38.

7. Закон Тверской области от 26 марта 2014 г. № 17-30 (с изм. на 23 июля 2019 года) «Об оценке регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизе нормативных правовых актов в Тверской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/05/07/tver-zakon17-reg-dok.html> (дата обращения: 14.03.2020).

8. Муниципальная программа «Развитие малого и среднего предпринимательства» на 2018 – 2020 годы, утв. Постановлением Администрации Хасанского муниципального района Приморского края от 01.11.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mosslavyanskoe.ru/images/doc/MP/municipalnaya-programma-razvitie-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-na-2018-2020-gody.doc> (дата обращения: 14.03.2020).

9. Муниципальная программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в муниципальном образовании “Город Саратов” на 2017 – 2019 годы, утв. Постановлением Администрации г. Саратова 5 июля 2016 г. № 1786 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/467503803> (дата обращения: 14.03.2020).

10. Стандарт деятельности органов местного самоуправления по созданию благоприятного инвестиционного климата в муниципальном образовании город Батайск [Электронный ресурс]. URL: http://www.батайск-официальный.рф/investment/Municipal_standard (дата обращения: 14.03.2020).

11. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: // <http://docs.cntd.ru> (дата обращения: 14.03.2020).

12. Иванов А.Ю. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Тверской области // Электронный научно-практический журнал «ИнноЦентр». 2018. Вып. № 2(19). С. 56 – 65.

13. Литягин Н.Н. Инвестиционная деятельность органов местного самоуправления: совершенствование инвестиционного законодательства // Вестник Финансового университета. 2011. № 2. С. 22 – 25.

14. Усманова Р.М. Развитие малого и среднего предпринимательства: муниципальное правовое регулирование и практика на местном уровне // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2012. № 3. С. 17 – 19.

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, зав. кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

**LAW- MAKING OF LOCAL SELF- GOVERNMENT BODIES
IN THE SPHERE OF BUSINESS AND INVESTMENT ACTIVITIES:
THE RATIO OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS**

N.A. Antonova

Tver State University

The article deals with the peculiarities of implementation by local self - government bodies of legal regulation in the sphere of business and investment activities.

Keywords: *local government, law- making, entrepreneurship, investment.*

About the author:

ANTONOVA Nana – the doctor of jurisprudence, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Правотворчество органов местного самоуправления в сфере предпринимательской и инвестиционной деятельности: соотношение публичных и частных интересов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 43 – 51.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДЕПУТАТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ДЕПУТАТСКОГО МАНДАТА

А.Н. Гуторова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Взаимодействие депутата с избирателями во многом определяется правовой природой депутатского мандата. Целью исследования является определение ответственности депутата исходя из правовой природы депутатского мандата. Методологическую основу исследования составила совокупность методов научного познания: сравнительно-правовой, историко-правовой, комплексного анализа, сравнения и обобщения. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что при императивном мандате депутат несет ответственность перед избирателями, а в условиях свободного мандата депутат является самостоятельным и полноправным народным представителем. Таким образом, «свободное» представительство функционирует более эффективно, чем «императивное» народное представительство.

Ключевые слова: *императивный мандат, свободный мандат, депутат, избиратель, ответственность депутата, народное представительство, деятельность депутата.*

Говоря о природе депутатского мандата, можно выделить три наиболее распространенных точки зрения: это свободный мандат, императивный мандат и полусвободный мандат (чаще всего именно данный термин употребляется для его обозначения), представляющий собой что-то среднее между первыми двумя.

Идея свободного мандата привлекательна тем, каким образом в науке и конституционном правотворчестве разрешается проблема ответственности депутата. В России последние десятилетия стала активно культивироваться идея ответственности субъекта «перед кем-то»: депутат несет ответственность «перед» избирателями; органы местного самоуправления – «перед» населением и государством [1, с. 1972; 7, с. 8] и т.п. В действительности, на наш взгляд, ответственность депутата (особенно в так называемом «позитивном», не «ретроспективном» смысле) – это ответственность вообще, как таковая, а не ответственность «перед кем-то». В известном смысле такую ответственность можно назвать ответственностью «перед самим собой» («перед обществом», «перед историей», «перед совестью» и пр.) [3, с. 216], но не «перед» конкретными субъектами. Обратим внимание на то, что уголовно-правовая и административно-правовая наука не культивируют ответственность «перед субъектом» (преступник и административный правонарушитель не «отвечают перед судом или другим правоприменительным органом»; если это и ответственность

«перед кем-то», то этим «кем-то» является государство, народ, общество в целом) [2].

В условиях свободного мандата депутат ощущает себя достойным, самостоятельным, ответственным и полноправным народным представителем, который получил кредит народного доверия на срок полномочий и вправе в течение этого времени действовать не просто автономно, но даже и вопреки воле некоторых общественных групп. Данное право депутата следует из его конституционно-правового статуса как самостоятельного субъекта конституционных правоотношений, осуществляющего свою деятельность не только в составе коллегиального представительного органа, но и в личном качестве. Соответственно, депутат «имеет право» и на признание его субъектом конституционно-правовой ответственности как человек и гражданин [5, с. 24]. Тем более императивный мандат невозможен, если депутат действует в составе коллегии (вносит законопроекты, поправки, задает вопросы докладчикам, выступает в прениях и т.д.). Наказы, отчеты и отзыв как институты конституционного права (либо сугубо формально, либо по существу, но неизбежно) препятствуют ответственной депутатской деятельности. Свобода мандата депутата повышает его ответственность. Императивный мандат (чаще всего юридически, но, возможно, и фактически) переносит ответственность на избирателей, что препятствует реализации одного из главных достоинств представительной демократии по сравнению с прямым народовластием («ответственное» народное представительство) [4, с. 8; 6, с. 307]. Депутат в условиях свободного мандата несет ответственность не «перед избирателями», а вообще, «как таковую» (ее можно квалифицировать как ответственность перед обществом, народом, историей, последующими поколениями, совестью, патриотическим чувством).

Проблема меняющихся политических мнений и предпочтений избирателей в условиях свободного мандата решается не путем политического демарша избирательного корпуса, но посредством активной и ответственной депутатской деятельности. Свободный мандат не запрещает депутату изучать общественное мнение и сравнивать его со своими собственными убеждениями. Но изменения в предпочтениях избирателей не означают, что депутат должен автоматически изменять свои политические убеждения. Это, на наш взгляд, именно безответственное поведение народного представителя с моральной точки зрения. Совпадение убеждений депутата с господствующими тенденциями общественного мнения в ходе публичных выборов очевидно (иначе депутат не был бы избран надлежащим большинством голосов избирателей). Но в течение срока полномочий депутат обязан, главным образом, поддерживать те принципы и убеждения, которые позволили ему одержать победу на

выборах в ходе избирательной кампании. Изменение ключевых принципов и убеждений нежелательно. В случаях появившихся существенных расхождений между принципами, убеждениями депутата и изменившимся общественным мнением такой депутат должен уйти в добровольную отставку.

Институты наказов, отчета и отзыва в условиях императивного мандата, таким образом, находят следующую альтернативу в концепции свободного мандата: наказам противопоставляются заявления кандидатов в ходе избирательной кампании, предвыборные программы и обещания; отчетам – принципы и политические убеждения депутатов, которые соизмеряются с общественным мнением в течение срока депутатских полномочий; отзыву – добровольная отставка. Различие состоит в том, что в условиях свободного мандата депутат берет на себя ответственность сам, не «перекладывая» ее на избирателей. Такое «свободное» представительство, при прочих равных условиях, функционирует более эффективно, чем «императивное» народное представительство. И разумеется, оба варианта не стоят в прямой связи с проблематикой рисков противоправной деятельности депутатов либо их «скрытой аффилированности», влекущей конфликт интересов [8, с. 170–171].

Список литературы

1. Бачмага О.П. Правовое государство в Российской Федерации: ответственность государства перед личностью через призму ответственности его должностных лиц // *Право и политика*. 2012. № 12. С. 1972 – 1975.
2. Виттенберг Г.Б. Уголовная ответственность и ответственность перед общественностью // *Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству: труды Иркутского ун-та*. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1969. Т. 57. С. 3 – 67.
3. Заднепровская М.В. Публично-правовая ответственность власти перед обществом // *Конституция России: глобальное, национальное, региональное*. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013. С. 216 – 220.
4. Краснов М.А. Ответственность в системе народного представительства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 56 с.
5. Крусс В.И. Природа и классификация юридической ответственности // *Вестник ТвГУ. Серия: Право*. 2006. № 6 (23), вып. 1. С. 23 – 46.
6. Нарутто С.В. Парламент как орган народного представительства в трудах профессора В.И. Фадеева: проблемы нравственности и ответственности // *Сборник, посвященный памяти Владимира Фадеева*. М.: Проспект, 2015. Т. II. С. 307 – 315.
7. Пономарева В.О. Ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления перед государством: теоретические и правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 26 с.
8. Цирин А.М., Матулис С.Н. Понятие скрытой аффилированности и способы ее выявления // *Журнал российского права*. 2020. № 2. С. 164 – 174.

Об авторе:

Гуторова Алла Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040 г. Курск 50-лет Октября д. 94), ORCID: 0000-0003-0345-6903, SPIN-код: 2021-0929, e-mail: allagutorova@mail.ru

RESPONSIBILITY OF A DEPUTY THROUGH THE PRISM OF THE LEGAL NATURE OF A DEPUTY MANDATE

A.N. Gutorova

Southwest State University, Kursk

The interaction of the delegate with voters is largely determined by the legal nature of the delegate's mandate. The delegate is responsible to voters by a mandatory mandate and is bound in his activities by their orders and reports to them. In the conditions of a free mandate, the delegate feels himself worthy, independent, responsible and competent representative, who received a loan of national trust for the term of office and has the right to act not only autonomously during this time, but even against the will of some social groups. In the conditions of a free mandate, the institutions inherent in the imperative mandate (mandate, report, review) are replaced by alternative ones - statements of candidates during the election campaign, their election programs and political convictions of delegates, voluntary resignation. Thus, "free" representation works more efficiently than "imperative" popular representation.

Keywords: *imperative mandate, free mandate, delegate, electorate, responsibility of the delegate, Institute of people's representation, deputy activity.*

About author:

Gutorova Alla – PhD, assistant professor of the Department of constitutional law Southwest State University, 94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation, e-mail: allagutorova@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0345-6903, SPIN-code: 2021-0929

Гуторова А.Н. Ответственность депутата через призму правовой природы депутатского мандата // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 52 – 55.

КОНСТИТУЦИОННОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Г.Н. Захаров

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена проблеме развития образования в условиях информатизации проблем, которые возникли в связи с пандемией коронавируса. Обращено внимание на необходимость дополнительного правового регулирования образовательного процесса в удаленном режиме. Обозначена зависимость развития цифровой экономики от информатизации образования и необходимость систематизации образовательного права. Показано значение информатизации для содержания свободы слова.

***Ключевые слова:** право на образование; цифровая экономика; формы и методы образовательной деятельности; интернет площадки; удаленное обучение; пандемия; образовательное право; недостоверная информация.*

Переход к цифровой экономике невозможен без соответствующей перестройки всей системы образования. Право на образование в международных правовых актах находится в неразрывной связи с экономическими и социальными правами [2]. В национальной правовой системе России конституционное право на образование и практика его реализации претерпевают значительные изменения, связанные с активным внедрением информационных технологий в управленческие, экономические и образовательные процессы. Трансформации затрагивают формальную, содержательную и процедурные формы реализации права на образование.

Государство разрабатывает, устанавливает, корректирует общие образовательные стандарты, расширяя их вариативную часть с учетом индивидуальной траектории обучения отдельной личности. Основной акцент ставится на конкретные особенности обучающегося, позволяя выбирать интересующие его образовательные дисциплины. Вместе с тем образовательные организации используют институциональные электронные системы (электронная образовательная среда, система электронного обучения вуза, электронное портфолио) и персональные среды (социальные сети), что позволяет изучать «цифровой след» обучающегося [8].

С внедрением компьютеризации современная цифровая экономика, базирующаяся на свободном потоке распространяющихся копий информации, прошла путь от иерархического файлового восприятия промышленной эпохи, сменившегося сетевым (браузерным) способом

организации работы с информацией, до потокового, облачного взаимодействия в режиме реального времени [6].

Новые технические достижения в первую очередь внедряются в экономику и управление, при этом бросая вызов образованию и заставляя подтягиваться к лидирующим трендам. Такое положение повлекло за собой развитие и увеличение новых форм и методов образовательной деятельности. Например, проект в сфере массового онлайн-образования Coursera, на котором зарегистрировано 24 млн пользователей, более 2000 курсов, 160 специализаций от 149 образовательных учреждений [4]. При этом заявленная миссия – обучать миллионы, изменяя метод традиционного преподавания [5].

Массовое персонализированное обучение (студоцентрированность), медиа-учебники, цифровые учебно-методические комплексы, микрообучение, электронные гибкие курсы, аддиктивные технологии, прокторинг являются перспективными образовательными направлениями.

Командная работа обучающихся трансформируется в площадку интерактивного взаимодействия, что способствует увеличению вклада каждого в полученный образовательный продукт.

Не поддается копированию, а потому ценна в условиях «облачной» экономики информация, обладающая генеративной ценностью, получаемая в процессе образования. Следует выделить семь генеративных ценностей: оперативность, персонификация, интерпретация, аутентичность, доступность, материализация, открытость.

Поколение Z можно рассматривать как переход от homo sapiens к homo curiosus [4]. Этот термин имеет более глубокий смысл, чем может показаться на первый взгляд. Любопытство подразумевает, что расширение информационного пространства не только позволяет получать необходимую информацию более быстрым и доступным способом, но и вынуждает человека постоянно расширять свои знания и соответственно постоянно менять и совершенствовать свои навыки.

Именно этим определяется то, что если раньше можно было сказать: «образование на всю жизнь», то теперь: «образование всю жизнь». Это возможно только с использованием современными технологиями возможности получать знание, а в итоге и образование в удаленном режиме.

Для этого уже созданы соответствующие интернет-площадки, такие, как zoom, skype, hangouts, slack, teams, cybrus и ряд других, менее используемых платформ. В основном это зарубежные разработки, за исключением Сибрус, являющиеся условно-бесплатными, имеющие дополнительные ограничения по количеству участников, длительности групповых конференций, управлению пользователями и другим критериям. Наиболее популярны сегодня Zoom и Teams (американские

программы), последняя апробирована в ряде вузов России [7], в том числе и Тверском государственном университете.

Но число таких площадок, качество необходимых методик передачи и получения знаний в удалённом режиме, а также отсутствие эффективной системы контроля не только знаний, но, что еще более важно, и на их основе умений и навыков, явно недостаточны для решения проблем цифровизации экономики.

Пандемия коронавируса обнажила эти проблемы, но одновременно явилась катализатором для совершенствования информационных технологий в сфере образования. Безусловно, значительная часть проблем связана с факторами технического порядка, в том числе недостаточным развитием сети Интернет и технической оснащённостью. Но менее значимыми являются правовые аспекты проблемы.

Необходимо провести «ревизию» правовых норм, регламентирующих все уровни образования и обратить внимание на содержание свободы, которая в статье 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод именуется как «свобода выражения мнения» [1], а в статье 29 Конституции РФ – «свобода мысли и слова» [3].

Прежде всего следует пересмотреть положения Государственных образовательных стандартов, где необходимо более четко закрепить правила относительно использования новых информационных технологий. Представляется, что проведение занятий в так называемом удаленном режиме требует больших трудозатрат как для педагогов, так и для обучающихся, это должно быть учтено в тех нормативах, которые сейчас установлены.

Возникла коллизия и с нормами, которые установлены для работы с использованием электронных технических устройств, и тем реальным временем, которое школьники вынуждены проводить в условиях удаленного обучения у экранов компьютеров. Эта проблема относится и к студентам. Нужны научно обоснованные и закреплённые в правовых нормах правила, регулирующие порядок обучения в дистанционном режиме.

Особо сложно решать проблему по тем учебным дисциплинам в школьной программе, где значительное место занимает практическая работа. Значит, необходимо создавать такие информационные ресурсы, которые позволят проводить, допустим, химические или физические опыты виртуально. Такие технологии хорошо развиты в сфере электронных игр, и они должны быть использованы в образовании. Необходима соответствующая «Дорожная карта по внедрению виртуальной среды в образование».

Сейчас особо остро стоит проблема проведения итоговой аттестации. Не смотря на многочисленные нападки на систему ЕГЭ, как

выясняется, нет адекватной замены этому способу подтверждения аттестата о среднем образовании и одновременно «пропуску» в высшие учебные заведения. Должна быть срочно разработана система, которая позволит проводить подобный экзамен, а равно и дополнительные испытания для поступления в вуз в удаленном режиме. И это должно быть закреплено законодательно.

Необходимо и совершенно новое методическое обеспечение учебных занятий, чтобы содержание тех заданий, которые получают школьники и студенты, действительно давало необходимые знания и позволяло вырабатывать необходимые умения и навыки, а главное, способствовало бы развитию того любопытства, которое и отличает современного человека.

Конечно, это просто обозначение проблем, которые необходимо решать, а для этого прежде всего следует пересмотреть взгляд на понятие «образовательное право». Хотя есть серьезные исследования в этой области и сам термин используется, но, как правило, в системе отраслей права образовательное право не выделяется. В настоящий момент представляются необходимыми систематизация норм образовательного права и расширение предмета его регулирования информационными технологиями в образовании.

Проблема удаленного обучения, как уже отмечалось, зависит и от свободы слова, поскольку свобода слова включает следующие важнейшие элементы: право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию. Использование информационных технологий существенно меняет форму реализации названных правомочий и создает дополнительные угрозы злоупотребления ими.

Недостовверная информация опасна в любых проявлениях, но недостоверная информация в сфере образования способна причинить вред, который даже трудно оценить. В образовательном процессе такой недостоверной информацией прежде всего являются устаревшие сведения, следует заметить, что это особо важно при изучении права. Специфическим видом недостоверной информации может стать задание, выполненное с ошибками, которые не были отмечены педагогом.

Необходим специальный закон, который будет регламентировать правила и ограничения для распространения информации в электронной среде.

Условия самоизоляции и карантина поставили много проблем, которые нужно решать с помощью права, но фундаментальной является проблема перехода от цифрового образования к цифровой экономике.

Список литературы

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. 998. № 20. Ст. 2143.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Coursera>
5. Годунов И.В., Дадалко В.А. Инновационные модели управления и наукометрические исследования в сфере образования. М.: Институт автоматизации проектирования РАН, Евразийский университет народного хозяйства, 2019. 388 с.
6. Келли Кевин. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые изменят мир. М., 2017. 460 с.
7. Ревунов Р.В., Янченко Д.В. К вопросу обеспечения дистанционного образовательного процесса программными продуктами компании Microsoft // Азимут научных исследований: педагогика и психология. Тольятти, 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 189 - 192.
8. Степаненко А.А., Фешенко А.В. «Цифровой след» студента: поиск, анализ, интерпретация // Открытое и дистанционное образование. 2017. № 4 (68). С. 58 - 62.

Об авторе:

ЗАХАРОВ Георгий Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: george7878@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3755-3007, SPIN-код: 5165-2974

THE CONSTITUTIONAL FUTURE OF RUSSIA THROUGH THE PRISM OF SOCIAL AND ECONOMIC RIGHTS AND HUMAN FREEDOMS

G.N. Zakharov

Tver State University

The article is devoted to the problem of the development of education in the context of informatization of the problems that arose in connection with the coronavirus pandemic. Attention is drawn to the need for additional legal regulation of the educational process in the remote mode. The dependence of the development of the digital economy on the informatization of education and the need to systematize educational law are indicated. The value of informatization for the content of freedom of speech is shown.

Keywords: *right to education; digital economy; forms and methods of educational activity; Internet sites; distance learning; pandemic; educational law; false information.*

About author:

ZAKHAROV Georgy – PhD, associate professor of Law Theory Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0003-3755-3007, SPIN-код: 5165-2974, e-mail: george7878@mail.ru

Захаров Г.Н. Конституционное будущее России сквозь призму социально-экономических прав и свобод человека // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 56–61.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ И СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В.К. Тарыкин

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Задача обеспечения безопасности объектов и сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) в части надежной охраны и изоляции осужденных и лиц, содержащихся под стражей, с соблюдением требований законности и правопорядка остается одной из актуальных задач в деятельности сотрудников УИС. В связи с этим в статье анализируется эффективность мероприятий по внедрению новых технологий в системе обеспечения безопасности объектов и сотрудников УИС на основе анализа динамики изменения основных показателей деятельности учреждений УИС за период с 2009 по 2018 г.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, учреждение, сотрудник, преступление, предупреждение, технология, средство, охрана, надзор, угроза, безопасность, система, анализ, синтез, метод, программа, концепция, развитие, модернизация.*

Общие требования к организации обеспечения безопасности объектов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) определены в ст. 12 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с изменениями и дополнениями). В то же время ст. 32 данного закона прямо указывает, что персонал учреждений, исполняющих наказания, а также члены семей персонала находятся под защитой государства.

Нормы данных статей послужили основой для принятия ряда целевых программ и концепций, утвержденных постановлениями и распоряжениями Правительства РФ, направленных на совершенствование и развитие УИС в вопросах обеспечения безопасности их объектов и сотрудников.

Для укрепления материально-технической базы УИС, обеспечения социальной и правовой защиты персонала во ФСИН России были реализованы мероприятия в рамках пяти федеральных и семи ведомственных целевых программ.

Федеральные целевые программы [7]: 1) Государственная программа вооружения на 2007 – 2015 годы; 2) Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников судопроизводства на 2006 – 2008 годы; 3) Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005 – 2009 годы; 4) Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями (2007 – 2011 годы); 5) Дети России на 2007–2010 годы.

Ведомственные целевые программы: 1) Повышение уровня технической безопасности объектов УИС на 2008 – 2010 годы; 2) Повышение оснащенности оперативно-технических служб на 2008 – 2010 годы; 3) Информационное и телекоммуникационное обеспечение деятельности ФСИН на 2008 – 2010 годы; 4) Профессиональное обучение и трудовое воспитание осужденных на 2008 – 2010 годы; 5) Медицинская и социальная реабилитация лиц, содержащихся в учреждениях УИС на 2008 – 2010 годы; 6) Проведение капитального ремонта объектов УИС на 2008 – 2010 годы; 7) Организация исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, на 2008 – 2010 годы.

Предварительный анализ итогов реализации ФЦП «Развитие УИС (2007 – 2016 годы)» выявил ряд обстоятельств, которые обусловили необходимость подготовки Концепции развития УИС РФ до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. №1772-р с изменениями и дополнениями от 31 мая 2012 г. и 23 сентября 2015 г.).

Распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2016 г. № 2808-р была утверждена Концепция ФЦП «Развитие УИС на 2017–2025 годы», которая предусматривает сохранение преемственности при формировании подходов к совершенствованию УИС с учетом принятых Российской Федерацией международных обязательств и Программы на 2007 – 2016 годы.

В Концепции развития УИС Российской Федерации до 2020 года в основных направлениях развития УИС определены мероприятия по повышению уровня безопасности учреждений и сотрудников УИС.

Следует отметить, что в научных материалах и криминологической литературе последних лет приводятся результаты исследования вопросов обеспечения безопасности объектов и сотрудников УИС в контексте возникающих проблем применения современных технических средств охраны, систем связи и защиты информации, организации охраны и конвоирования, что находит отражение в ведомственных нормативных правовых актах.

С.И. Аниськин и Л.Ю. Семенова акцентируют внимание на взаимодействии как важном элементе обеспечения надежной охраны учреждений УИС и утверждают, что «для эффективного выполнения мероприятий по укреплению правопорядка в исправительных учреждениях и предотвращения совершения различных преступлений, административных правонарушений осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми необходимо постоянно поддерживать на должном уровне взаимодействие между отделами учреждения УИС, а также с органами внутренних дел и местного самоуправления, организовывать совместные мероприятия по решению различных проблемных вопросов, касающихся организации правопорядка в исправительных учреждениях» [1, с. 15].

Д.Ю. Чураков и Е.Г. Царькова предлагают индивидуально-дифференцированный подход к подбору инженерно-технических средств охраны и надзора (далее – ИТСОН) для конкретного учреждений УИС позволяющий «с одной стороны, спроектировать оптимальную систему обнаружения, функционирующую в заданных условиях, а с другой – определить, насколько уже существующая система обнаружения адекватна условиям внешней среды и потенциальным угрозам, реально существующим на объекте. При этом должен быть определен перечень угроз, свойственных заданному учреждению, для каждой из угрозы определен перечень типов технических средств нейтрализации, а также перечень помех, актуальных для рассматриваемого учреждения и способных оказать влияние на работоспособность технического средства либо вероятность обнаружения» [6, с. 144].

Используя общесистемный подход к моделированию применения ИТСОН, П.М. Николаев в своём исследовании показывает, что «на эффективность охраны и надзора в учреждениях УИС существенное влияние будут оказывать следующие факторы: технические характеристики ИТСОН; способы и тактика применения ИТСОН; типы и количество применяемых ИТСОН. Так, например, неправильная тактика применения или недостаточное количество ИТСОН снижает эффективность надзора и охраны, а также создает предпосылки к совершению побега или нарушения режима. С другой стороны, переизбыток ИТСОН ведет к перерасходу финансовых средств на их закупку, установку и эксплуатацию, при этом эффективность надзора и охраны остается неизменной» [3, с. 201].

Исследуя методические основы повышения эффективности защиты учреждений УИС силами подразделений охраны от внешних угроз, А.С. Бондарчук и В.Г. Зарубский показывают, что «острой необходимостью на сегодняшний день является синтез простых, надежных, высокоэффективных, универсальных систем охраны, с учетом обоснования их рациональных структуры и параметров, обеспечивающих максимальную вероятность защиты объектов при расчетных условиях воздействия внешних угроз (нападающих)» [2, с. 304].

В.А. Уткин в своём исследовании предмета, методологии и принципов концепции развития УИС считает целесообразным будущий доктринальный правовой акт именовать «Концепцией модернизации УИС (2021 – 2030 гг.)», поскольку «Модернизация (от фр. modern – новейший, современный) – это «осовременивание», обновление, приведение системы в соответствие с новыми требованиями, инновационными трендами. Данный термин вполне уместен для обозначения желаемого вектора развития как УИС в целом, так и отдельных ее структурных элементов и направлений деятельности

(например, модернизация управления и документооборота, модернизация систем безопасности, производственной базы и т.д.). Сущность модернизации состоит и в переходе от одной модели исполнения наказания к другой, основанной на иных подходах (концепции безопасности и т. д.) [5, с. 95].

Чтобы сформулировать выводы о влиянии результатов внедрения новых технологий на эффективность системы обеспечения безопасности объектов и сотрудников учреждений УИС в рамках реализации мероприятий Федеральной целевой программы (далее – ФЦП), актуальным представляется сравнительный анализ динамики изменений статистических показателей за последние десять лет (2009–2018 гг.).

На основе анализа статистических материалов и аналитических докладов, размещённых на сайте ФСИН России, рассмотрим и сравним динамику изменения уровней совершённых и предупреждённых преступлений и правонарушений в учреждениях УИС: следственных изоляторах и тюрьмах, исправительных колониях для взрослых, воспитательных колониях для несовершеннолетних.

1. Следственные изоляторы и тюремные учреждения. Согласно статистике ФСИН [4, с. 85 – 86] за период с 2009 по 2018 г. численность спецконтингента уменьшилась с 134 142 до 100 934 человек (на 24,76%).

Совершённые преступления. Увеличилось общее количество – от 78 до 111 (на 42,31%) и уровень на 1000 человек – от 0,58 до 1,10 (на 89,13%) за счёт роста преступлений и сокращения спецконтингента.

Из них уменьшилось: *убийств* (ст. 105 УК РФ) – от 4 до 2; *умышленное причинение ТВЗ* (ч. 1 – 4 ст. 111) – от 8 до 5; *побеги* (ст. 313) – от 8 до 0, из них *покушения на побеги* – от 2 до 0; *захваты заложников* (ст. 206) – от 1 до 0; число *осуждённых, находящихся в розыске (на 31 декабря)*, сократилось от 18 до 0, а число *преступных действий, дезорганизирующих работу ИУ* (ч. 3. ст. 321), увеличилось от 0 до 1.

Предотвращённые преступления. Сократились общее число от 45 227 до 70 (на 99,85%) и уровень на 1000 человек – от 337,16 до 0,69 (на 99,79%). В том числе сократилось количество: *преступлений против личности* с 34 799 до 52 (на 99,85%) и уровень на 1000 человек – от 259,42 до 0,52 (на 99,80%); *побегов* – от 3 192 до 6 (на 99,81%) и уровень на 1000 человек – от 23,80 до 0,06 (на 99,75%).

2. Исправительные колонии для взрослых. Согласно статистике ФСИН [8] за период с 2009 по 2018 г. численность спецконтингента уменьшилась от 724 088 до 461 006 человек (на 36,33%).

Совершённые преступления. Увеличились общее число – с 894 до 913 (на 2,13%) и уровень на 1000 человек – от 1,23 до 1,98 (на 60,41%).

Из них уменьшилось количество: *убийств* – от 25 до 4; *умышленное причинение ТВЗ* – от 47 до 29; *побеги* – от 329 до 103, из них *покушения на побеги* – от 15 до 3; *захваты заложников* – от 1 до 0. *Количество действий, дезорганизирующих работу ИУ* увеличилось от 3 до 13;

Число осуждённых, находящихся в розыске (на 31 декабря), сократилось от 412 до 86 (на 79,13%).

Предотвращенные преступления. Сократилось общее число от 74 614 до 278 (на 99,63%) и уровень на 1000 человек – от 103,05 до 0,60 (на 99,41%). В том числе сократилось: *число преступлений против личности* – от 63 363 до 37 (на 99,94%) и уровень на 1000 человек – от 87,51 до 0,08 (на 99,91%); *число побегов* – от 4 481 до 19 (на 99,91%) и уровень на 1000 человек – от 6,19 до 0,04 (на 99,91%).

Сократилось количество изъятых: *денег* – от 9,02 до 1,66 млн рублей (на одного осуждённого от 12,46 до 3,60 рублей); *спиртных напитков промышленного и кустарного производства* – с 64 148 до 32 414 литров (на одного осуждённого от 0,09 до 0,07 литра); *наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов* – от 59 863,56 до 53 028,71 (на одного осуждённого увеличилось от 0,083 до 0,115 граммов); *колюще-режущих предметов* – от 24 935 до 5 865 единиц (на 76,48%).

Анализ научных материалов, статистических данных и аналитических докладов показывает, что успешная реализация мероприятий по повышению уровня безопасности учреждений и сотрудников УИС в рамках исполнения ФЦП «Развитие уголовно-исполнительной системы» (2007 - 2016 гг.) и (2017 – 2025 гг.) способствует существенному сокращению совершённых и предотвращенных преступлений и правонарушений в учреждениях УИС за счёт своевременной нейтрализации типовых происшествий (инцидентов) с помощью современных ИТСОН.

Внедрение разработанных на основе современных технологий новых инженерных и технических средств экономически выгодно и целесообразно, поскольку позволяет осуществить охрану и надзор в учреждениях более прогрессивными способами, перераспределить и изыскать средства на дальнейшее перевооружение УИС. Использование всех доступных методов и средств обеспечения безопасности объектов и сотрудников УИС, безусловно, может дать значительный результат, но окажется максимально затратным в материальном и физическом аспектах, а также в сложности реализации. Поэтому целесообразно использовать только те методы и средства, которые обладают высокой эффективностью и низкими средними затратами материальных и трудовых ресурсов на их внедрение и эксплуатацию. Эффективность результатов использования современных ИТСОН во многом определяется профессиональными и морально-волевыми качествами сотрудников УИС, деятельность которых постоянно сопряжена с

посягательствами на их безопасность, различными угрозами в их адрес, а также их близких. Поэтому необходимо своевременно модернизировать систему мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам их жизненно важных интересов в рамках единой государственной политики в области обеспечения безопасности.

Список литературы

1. Анишкин С.И., Семенова Л.Ю. Взаимодействие как элемент обеспечения надежной охраны учреждений УИС // Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики» / отв. ред. А. Г. Чириков. 2017. С. 13 – 16.

2. Бондарчук А.С., Зарубский В.Г. Методические основы повышения эффективности защиты учреждений УИС силами подразделений охраны от внешних угроз // Сб. материалов V Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия». 2018. С. 298 – 304.

3. Николаев П.М. Общесистемный подход к моделированию применения ИТСОН для повышения эффективности режима и охраны в учреждениях УИС // В книге: Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт // Материалы Международной научно-практической конференции. 2018. С. 200 – 203.

4. Тарыкин В. К., Шуклин И. А. Динамика изменения преступности в местах лишения свободы: проблемы профилактики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 3. С. 85 – 94.

5. Уткин В.А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы: предмет, методология и принципы // Вестник Кузбасского института. 2018. № 2(35). С. 91 – 100.

6. Чураков Д.Ю., Царькова Е.Г. Индивидуально-дифференцированный подход к подбору технических средств охраны и надзора для учреждений УИС // Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС» / отв. за выпуск Д.Г. Зыбин. 2018. С. 142 – 149.

7. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2008 – 2010 годы Федеральной службы исполнения наказаний // Официальный сайт ФСИН. [Электронный ресурс]. URL: [http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/Doklad% 20 2008-2010/2008-2010.pdf](http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/Doklad%202008-2010/2008-2010.pdf) (дата обращения: 16.08.2019).

8. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых // Официальный сайт ФСИН. [Электронный ресурс]. URL: [http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka% 20lic% 20soderghixsya% 20v% 20IK /](http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20soderghixsya%20v%20IK/) (дата обращения: 16.08.2019).

Об авторе:

ТАРЫКИН Владимир Константинович – доцент кафедры уголовного права Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Юго-Западный государственный университет» (305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94), ORCID: 0000-0003-1750-0477, SPIN-код:9988-9271, e-mail: tarykin.vladimir@yandex.ru

NEW TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF SECURITY OF FACILITIES AND EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM

V.K. Tarakin

Southwest State University, Kursk

The task of ensuring the safety of facilities and staff of the penal correction system (PIS) with regard to the reliable protection and isolation of convicted and detained persons, in compliance with the requirements of law and order, remains one of the relevant tasks in the activities of PIS staff. In this regard, the article analyses the effectiveness of measures to introduce new technologies in the security system of facilities and employees of the Ministry of Education and Development on the basis of an analysis of the dynamics of changes in the main performance indicators of the Ministry of Education and Development institutions for the period from 2009 to 2018.

Keywords: *penal system, institution, employee, crime, prevention, technology, means, protection, supervision, threat, security, system, analysis, synthesis, method, program, concept, development, modernization.*

About author:

TARYKIN Vladimir – assistant professor of criminal law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Southwestern State University» (305040, Kursk, st. 50 October, 94), ORCID: 0000-0003-1750-0477, SPIN-код:9988-9271, e-mail: tarykin.vladimir@yandex.ru

Тарыкин В.К. Новые технологии в системе обеспечения безопасности объектов и сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 62 – 68.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 342 (470.314)

УСТАВ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРИНЯТИЕ И ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

О.К. Абрамова

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени
А.Г. и Н.Г. Столетовых», г. Владимир

Рассматриваются особенности формирования положений Устава Владимирской области, его первоначальная структура и причины внесения поправок и изменений.

***Ключевые слова:** Конституция РФ, субъект федерации, Устав области структура Основного закона.*

Сегодня Российская Федерация усиленными темпами движется к построению правового, демократического государства, которое ставит приоритетной задачей охрану прав и свобод своих граждан, становление гражданского общества, основы которых заложены современной Конституцией, которая, в отличие от конституций советского периода, принималась всенародным голосованием, а именно, 12 декабря 1993 г. Она закрепила новую систему власти, коренным образом отличавшуюся от, предшествовавшей ей, советской системы.

Построенная на основах государственной целостности и единства системы государственной власти, на таких фундаментальных основах, как федерализм и демократия, Конституция 1993 г. предоставляет значительные полномочия и определенную самостоятельность субъектам федерации. Она закрепила одно из базовых положений, касающихся разграничения предметов ведения и полномочий органов государственной власти Российской Федерации (далее – РФ), и ее субъектов, а также предписала субъектам федерации иметь свои Основные законы – конституции или уставы.

Статья 5 Конституции 1993 г. устанавливает, что республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеет свой устав и законодательство [1].

Указанное положение Конституции развивается Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». В частности, ст. 1 этого закона закрепляет, что полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации

устанавливаются Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ), указанным федеральным законом, другими федеральными законами, конституцией (уставом) и законами субъекта РФ и могут быть изменены только путем внесения соответствующих поправок в Конституцию РФ и (или) пересмотра ее положений, путем внесения соответствующих изменений и (или) дополнений в федеральный закон, путем принятия новых федеральных законов, конституции (устава) и законов субъекта РФ либо путем внесения соответствующих изменений и (или) дополнений в указанные действующие акты [2]. Данная норма закона, подчеркивая верховенство Конституции РФ, устанавливает, что наделение органов власти субъектов федерации полномочиями осуществляется как федеральными нормативно-правовыми актами, так и актами субъектов федерации.

На основании указанных законодательных актов Владимирская область, являясь субъектом РФ, имеет Основной Закон – Устав Владимирской области. Данный документ имеет свою длительную историю создания.

Устав Владимирской области принят Законодательным Собранием Владимирской области 14 августа 2001 г., т.е. спустя почти восемь лет после принятия Конституции РФ [3]. Принятию этого нормативного правового акта предшествовала долгая и кропотливая работа по созданию документа. Для создания проекта документа в 1994 г. была сформирована комиссия, в состав которой входили известные правоведа нашей области того периода. Комиссия состояла из 12 человек, в число которых входили Н.В. Виноградов, А.М. Синягин, Ю.М. Федоров, В.Ю. Смирнов и Е.П. Илюшкин и другие видные деятели области.

Во время разработки Устава представителям комиссии пришлось изучить более 50 образцов Основных законов других областей Российской Федерации. На основе этого опыта, учтя ошибки своих коллег из других субъектов нашей страны, был разработан Устав Владимирской области.

Интересным является тот факт, что Владимирская область приняла свой Основной закон одной из последних. Причиной задержки принятия Устава стала дискуссия членов комиссии по поводу закрепления в Уставе одной принципиальной нормы, касающейся принципа назначения заместителей губернатора. После долгих споров была утверждена норма, закрепляющая назначение губернатором своих заместителей по согласованию с Законодательным собранием области. Указанная норма просуществовала в Основном законе Владимирской области вплоть до 2004 г. Однако закрепление в региональном законодательстве нормы, касающейся назначения заместителей губернатора по согласованию с Законодательным Собранием области, относится к ведению субъекта РФ.

Результатом работы комиссии является Устав Владимирской области, представляющий собой один из образцов современного Основного закона субъекта РФ, развивающий положения и принципы Конституции РФ и построенный на началах, присущих демократическому государству.

В результате, к 2010 г. Устав Владимирской области стал иметь четкую структуру, куда вошли преамбула, 19 глав и 106 статей. Первая глава Устава посвящалась Основам государственно-правового статуса Владимирской области [3]. Это неслучайно, так как в ней закреплялись базовые положения, определяющие положение области, как равноправного субъекта РФ.

Глава 2 Устава Владимирской области определяла ее административно-территориальное устройство [3]. В ней перечислялись административно-территориальные образования, входящие в состав области.

Следующие главы закрепляли положения, касающиеся высших органов государственной власти в области, их структуры и полномочий. В частности, гл. 3 Устава Владимирской области посвящена Законодательному Собранию – высшему законодательному (представительному) органу государственной власти Владимирской области [4]. Глава 4 устанавливала правовые основы деятельности исполнительной власти Владимирской области. В ней закреплялись положения, касающиеся статуса Губернатора области и областной администрации [3].

Как и в любом другом субъекте РФ, на территории Владимирской области действует судебная система, что подтверждено в статьях Устава [3]. Судебная власть на территории области осуществляется федеральными судами и являющимися составной частью судебной системы РФ и мировыми судьями Владимирской области. При разработке Основного закона предлагалось предусмотреть возможность создания Уставного суда, однако, это предложение не получило поддержки.

В соответствии со ст. 3 Устава в области могут быть образованы иные органы государственной власти [3]. Во Владимирской области ими являются Уполномоченный по правам человека во Владимирской области, Избирательная комиссия Владимирской области, Уполномоченный по правам ребенка во Владимирской области, Уполномоченный по защите прав предпринимателей во Владимирской области, Счетная палата Владимирской области и др. [3]. Вхождение указанных органов и институтов в систему органов государственной власти области позволяло, в полной мере, реализовать обеспечение и защиту прав и свобод граждан, проживающих, на ее территории.

Глава 11 Устава Владимирской области определяла систему местного самоуправления [3]. Уставы муниципальных образований

должны приниматься муниципальным образованием самостоятельно и подлежат государственной регистрации в соответствии с федеральным законом. Перечень вопросов местного значения муниципальных образований устанавливается федеральным законом. Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями области осуществляется федеральным законодательством и законами области.

В соответствии с гл. 13 во Владимирской области могут проводиться выборы и референдумы [3]. Порядок проведения выборов и референдумов, а также система избирательных комиссий, комиссий референдумов, обеспечивающих реализацию избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ на территории Владимирской области, устанавливаются федеральными и областными законами.

В соответствии со ст. 74 Устава, экономической основой деятельности органов государственной власти области является находящееся в собственности Владимирской области имущество, средства бюджета области и территориального государственного внебюджетного фонда области, а также имущественные права области [3].

Кроме того, Владимирская область ведет социальную политику. Устав Владимирской области также определяет политику охраны окружающей среды.

Таким образом, анализируя структуру Устава в целом, а также его основные положения, необходимо, сделать вывод о том, что Устав Владимирской области на сегодняшний день, закрепляет нормы, регламентирующие положение области, как равноправного субъекта РФ. Определяет систему власти в субъекте, основные вопросы, касающиеся обеспечения нормального функционирования Владимирской области, как субъекта РФ, а также реализации прав и свобод ее жителей. Путем создания в рамках своих полномочий отдельных органов и институтов государственной власти, реализации экономической, социальной и культурной политики на уровне субъекта, обеспечивается соблюдение прав и свобод граждан.

Необходимо отметить, что областной Устав, можно сказать, регулярно претерпевает изменения. В первую очередь это вызвано тем, что общество не стоит на месте и постоянно развивается, развивается и нормативная правовая база, которая регулирует отношения в нем. В соответствии с этим в Устав Владимирской области вносились и по сей день вносятся закономерные изменения, но, как правило, связанные с изменениями в федеральном законодательстве. Всего, с момента принятия, в областной закон было внесено более 60 изменений и дополнений. Наиболее активно велась в этой сфере работа в 2014–2018 гг. Такое явление вполне объяснимо, т.к. в указанный период

областью управляла губернатор, ранее являвшаяся членом Совета Федерации и, фактически, подобные инициативы, с её стороны, реализовывали взгляд на развитие области извне. В первую очередь они касались «передела» полномочий между действующими органами государственной власти, но затрагивались вопросы и социально-экономического характера.

Однако, анализируя изменения Устава Владимирской области, можно с уверенностью утверждать, что он не только соответствует Конституции РФ и федеральному законодательству, но и, отвечает потребностям людей, населяющих этот субъект РФ. Понятно, что усовершенствования, которые произошли в Основном законе нашей области, призваны улучшить нормативно-правовое регулирование общественных отношений, складывающихся на ее территории. Но беспокоит лишь большое количество изменений и поправок, внесенных в Устав, на наш взгляд, тем самым документ становится непрозрачным для граждан области, которые не только могут, но и должны знать особенности системы управления субъекта РФ, те права, свободы и обязанности, которые установлены именно в этом законе.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 15. Ст. 1691.

2. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/www.consultant.ru

3. Устав (Основной Закон) Владимирской области от 14 августа 2001 г. (с изм. на 5 декабря 2019 г.) № 62-ОЗ [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_vladim/

4. Лебедев В.А. Законодательная и исполнительная власть субъектов РФ в теории и практике государственного строительства: монография. М.: Проспект, 2015. 280 с. ISBN:978-5-392-17474-4

Об авторе:

АБРАМОВА Ольга Кузьминична – доцент кафедры «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых» (600000, г. Владимир, ул. Студенческая, д 8), SPIN-код: 2808-6313, e-mail: oka-28@mail.ru

**CHARTER OF VLADIMIR REGION: ADOPTION
AND IMPROVEMENT TRENDS**

O.K. Abramova

Vladimir State University imeni A.G. and N.G. Stoletetovs

The article deals with the peculiarities of the formation of the provisions of the Charter of the Vladimir Region, its original structure and the reasons for the amendments and changes are considered.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, subject of federation, Charter of the region structure of the Basic Law.*

About the author:

ABRAMOVA Olga – Associate Professor of the Department “International Law and Foreign Economic Activity of the Legal Institute Vladimir State University imeni A.G. and N.G. Stoletetovs” (600000, Vladimir, Student Str., 8), SPIN-code: 2808-6313, e-mail: oka-28@mail.ru

Абрамова О.К. Устав Владимирской области: принятие и тенденции совершенствования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 69 – 74.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ОПЛАТЫ ТРУДА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

С.А. Алешукина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуются вопросы влияния распространения коронавирусной инфекции на организацию и оплату труда, статус нерабочих дней, введенных указом Президента РФ, анализируется возможность предоставления отпусков и прекращения трудового договора в период пандемии, а также определяются пути совершенствования трудового законодательства

Ключевые слова: пандемия, трудовые отношения, оплата труда, простой, неполный рабочий день, нерабочие дни, удаленная работа, охрана труда, организация рабочего места, отпуск, дополнительное соглашение.

В начале 2020 г. все страны мира столкнулись с новой угрозой – неконтролируемым распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Возникнув в Китае в декабре 2019 года, инфекция очень быстро распространилась за пределы данного государства и приобрела масштабный характер. Как следствие, уже 30 января 2020 г. ВОЗ признает вспышку нового коронавируса чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение [10]. В это же время создается оперативный штаб для борьбы с COVID-19 в Российской Федерации. Новая угроза потребовала принятия не только оперативных мер, связанных с предупреждением ее непосредственного завоза и распространения, но и разработки нормативных актов, регулирующих практически все сферы жизнедеятельности населения страны. Первоначальные акты носили профилактический характер, обусловленный необходимостью предупреждения распространения инфекции, и касались в основном специализированных органов (Минздрав РФ, МВД РФ, Роспотребнадзор, Ростуризм и т.д.) и сфер деятельности (санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, здравоохранение, миграция, туризм и т.п.). Последующее норматворчество было призвано урегулировать социально-экономические последствия пандемии. И одной из самых проблемных сфер в данном контексте стала организация и оплата труда граждан, работающих в условиях вынужденной изоляции.

Первоочередными актами, определяющими режим труда и отдыха граждан РФ, стали последовательно издаваемые указы Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в РФ нерабочих дней» [2], от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-

эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [3] и от 28 апреля 2020 г. № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [4] (далее – указы Президента РФ о нерабочих днях). Несмотря на различное наименование актов, все они регламентируют практически идентичный круг вопросов, а именно:

- закрепление определенного календарного периода в качестве нерабочих дней с сохранением за работниками заработной платы;
- определение категории работников, на которых данные меры не распространяются;
- необходимость количественного ограничения работников федеральных и региональных органов власти, обеспечивающих их функционирование, а также работников организаций, осуществляющих производство и выпуск СМИ.

Безусловно, порядок реализации мер, предписанных актами Президента РФ, потребовал конкретизации применительно к различным сферам хозяйственной деятельности и работодателям с учетом их организационно-правовых форм, форм собственности и специфики осуществления трудовой деятельности. Функцию обеспечения единообразного подхода работодателей к режиму работы в данный период взял на себя Минтруд России как федеральный орган исполнительной власти, наделенный соответствующими полномочиями в вопросах выработки и реализации государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере труда. Как следствие, уже на следующий рабочий день после издания первого акта Президента РФ Минтруд России стал давать рекомендации работникам и работодателям по организации труда, а также разъяснения по вопросам, обозначенным в указах Президента РФ [7, 8].

Перечень мер, принимаемых федеральными и региональными органами власти, в том числе в вопросах организации труда граждан РФ, варьируется в зависимости от санитарно-эпидемиологической обстановки в регионе. Вместе с тем можно обозначить и общие меры, применяемые в масштабах страны в области социально-трудовых отношений:

- объявление нерабочих дней для работников с сохранением заработной платы;
- дополнительные обязанности работодателя по организации труда и рабочего места (дополнительная уборка помещений, наличие средств дезинфекции, контроль температуры работников, обеспечение необходимой дистанции между работниками);

- ограничение командировок изначально в зарубежные страны, а в последующем и по территории страны;
- ограничение случаев и оснований прекращения трудовых отношений на определенный период;
- запрет на работу работникам, составляющим группу риска по заболеваемости (пенсионеры, беременные, лица, имеющие малолетних детей и т.д.);
- упрощение процедуры получения статуса безработного [5]
- и др.

Однако не все работодатели оказались готовы к реализации предписанных государством мер и организации труда в условиях пандемии. Не способствуют этому и злоупотребления со стороны работников, а также как панические с одной стороны, так и критические, с другой, настроения в обществе. Усложняет ситуацию и то, что действующие нормы ТК РФ [1] не регламентируют детально труд в условиях чрезвычайных обстоятельств, катастроф, аварий, эпидемий, закрепляя фрагментарно те или иные положения в институтах трудового права, в частности:

- возможность перевода на срок до одного месяца без согласия работника на другую работу;
- возможность привлечения к сверхурочной работе;
- привлечение к работе в выходные и нерабочие (праздничные) дни;
- прекращение трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон.

Однако, представляется, в рамках системообразующего и кодифицированного акта и не должно быть отдельной главы, регламентирующей организацию труда в особых условиях. ТК РФ призван регулировать повседневный труд, отношения между работниками и работодателями, возникающие в обычных условиях, социально-трудовые отношения, характерные для нормального функционирования общества. Невозможно предусмотреть риски и угрозы, возникающие стихийно, неконтролируемо. Перечень мер, принимаемых государством, и специфика организации труда будут зависеть от общественной опасности и масштабов угрозы. Кроме того, чрезвычайные ситуации требуют оперативных мер, что затруднительно в условиях законодательного норматворчества. Как следствие, уровень правового регулирования данных вопросов должен быть соответствующим. Именно подзаконные акты позволяют дифференцированно и оперативно подойти к данному вопросу.

Вместе с тем издаваемые подзаконные акты, даже в особых условиях, должны исходить из общих принципов отрасли и соотноситься с ней терминологически, что, к сожалению, отсутствует в настоящее время. В первую очередь это касается объявленных Президентом РФ нерабочих дней, охватывающих фактически месяц – с

30 марта по 30 апреля 2020 г., а также 6–8 мая 2020 г. В итоге все работодатели и работники были поделены на две категории, а именно: продолжившие трудовую деятельность в обычном режиме и приостановившие трудовую деятельность на соответствующий период. В первую категорию попали работники непрерывно действующих организаций, медицинских и аптечных организаций, организаций, обеспечивающих население продуктами питания и товарами первой необходимости, организаций, осуществляющих неотложные ремонтные и погрузочно-разгрузочные работы, и ряда других организаций, с учетом последующего расширения их перечня. Вторую категорию составляют работники по остаточному принципу – всех остальных организаций, не попавших в перечень, указанный Президентом РФ.

Введенные нерабочие дни никоим образом не соотносятся с установленными ТК РФ видами рабочего времени и времени отдыха. Они не могут относиться к рабочему времени, поскольку работники не выполняют свои трудовые обязанности, но и в качестве выходных и нерабочих праздничных дней их также нельзя расценивать, поскольку за работниками на данный период сохраняется заработная плата. Это особые дни, с особым статусом, установленные исключительно указом Президента РФ. Вследствие чего нормативное регулирование, предусмотренное ТК РФ, никак на них не распространяется. В данном случае действует норма-изъятие, предусматривающая специальное регулирование. Соответственно, и общие принципы организации оплаты труда также не применимы: работник получает заработную плату, фактически ее не заработав. Как указал Минтруд России в письме от 26 марта 2020 г. № 14-4/10/П-2696 [7] наличие в календарном месяце (март, апрель 2020 г.) нерабочих дней не является основанием для снижения заработной платы работникам. Как следствие, сложилась неоднозначная ситуация, когда часть работников, не осуществляя трудовую деятельность, получает зарплату в том же объеме, что и работники, продолжающие работать. Вместе с тем институты трудового права в целом и нормы ТК РФ в частности позволяют дифференцированно подойти к оплате труда лиц в зависимости от степени их фактической вовлеченности в трудовую деятельность.

Поскольку указы Президента РФ о нерабочих днях не содержат конкретных разрешительных или запрещающих мер на организацию труда, представляется, что они не исключают потенциальной возможности трудиться. Первоначальный указ Президента РФ «Об объявлении в РФ нерабочих дней» предусматривал краткосрочный период в 5 рабочих дней, которые были объявлены нерабочими с сохранением за работниками заработной платы. В последующем с учетом затянувшегося периода борьбы с коронавирусной инфекцией поменялась и терминология в актах Президента РФ, вследствие чего речь уже идет не об объявлении нерабочих дней как таковых, а о мерах

по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и их последующим продлением. И именно на данном этапе была потенциальная возможность ввести дифференцированную оплату труда работников и привлечь их к труду в новых условиях. С учетом специфики распространения коронавирусной инфекции опасность представляет не сам труд, а пребывание работников на рабочем месте в непосредственном контакте с возможными носителями инфекции. С учетом этого все организации можно было бы разделить не на две, а на три группы:

- организации, работники которых работают в обычном режиме с обычным порядком оплаты труда;
- организации, деятельность которых приостановлена, вследствие чего работники не могут осуществлять свои трудовые функции с оплатой труда по аналогии с простоем;
- организации, работники которых могут осуществлять свои трудовые функции без фактического присутствия на рабочем месте в удаленном режиме с оплатой труда в зависимости от отработанного времени или выполненного объема работы.

Первую категорию составляют организации, на которые не распространяются нормы о нерабочих днях по указу Президента РФ. Работники таких организаций продолжают свою трудовую деятельность, вследствие чего получают заработную плату в полном объеме.

Вторую категорию составляют организации, деятельность которых невозможна без непосредственного контакта, с одной стороны, а трудовая функция работников не может осуществляться вне места работы, с другой стороны, как-то: сфера обслуживания (парикмахерские, прачечные, салоны красоты), торговля (магазины непродовольственных товаров, не относящихся к товарам первой необходимости), промышленность и производство (токарь, слесарь, электромонтер, механик и др.). Данные работники лишены возможности осуществлять трудовую деятельность не по своей вине и не по вине работодателя, что схоже по последствиям с институтом простоя. Безусловно, говорить о наличии простоя (временной приостановки работы по причинам экономического, технологического, технического или организационного характера) в данной ситуации неверно, поскольку простой возможен только в рабочее время и по основаниям, прямо указанным в ст. 72.2 ТК РФ. Однако ч. 3 ст. 72.2 ТК РФ предусматривает, что «перевод работника без его согласия на срок до одного месяца на не обусловленную трудовым договором работу у того же работодателя допускается также в случаях простоя ... если простой ... вызван чрезвычайными обстоятельствами, указанными в части второй настоящей статьи», а ч. 2 ст. 72.2. ТК РФ в качестве таких

обстоятельств называет катастрофы природного или техногенного характера, аварии, несчастные случаи на производстве, пожар, наводнения, голод, землетрясения, эпидемии или эпизоотии и иные случаи, ставящие под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части. Кроме того, в Постановлении Правительства РФ от 28 апреля 2020 г. № 601 «Об утверждении Временных правил работы вахтовым методом» [6] прямо предусматривается возможность возникновения простоя в связи с реализацией мероприятий по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции. Как следствие, применить по аналогии порядок оплаты, предусмотренный при простое, к возникшей ситуации было бы не только целесообразно, но и справедливо. С одной стороны, это позволило бы распределить экономическое бремя вынужденной «безработицы» между работниками и работодателями, а с другой стороны, это дифференцировало бы оплату труда работающих и неработающих граждан.

Третья категория работодателей и работников охватывает сферы деятельности, осуществление которых не привязано к непосредственному рабочему месту. Ярким примером в данной ситуации выступили образовательные учреждения, переведенные на удаленный режим работы. Сюда же можно отнести всех работников административных подразделений работодателей (бухгалтера, работники кадровых служб, юристы, финансисты, системные администраторы и др.). Поскольку данные работники продолжают фактически трудиться, то их рабочее время будет оплачиваться. Однако удаленный режим работы и сокращение производственных объемов работодателя может повлечь для работников как увеличение, так и сокращение рабочего времени или объема работы, вследствие чего оплата труда должна производиться с учетом фактически отработанного времени или выполненного объема работы.

Не менее важным вопросом в условиях пандемии является не только оплата труда, но и непосредственная организация труда работников, которые не лишены возможности трудиться, но не могут присутствовать на своих рабочих местах. Оптимальным решением видится переход работников на удаленную работу. Однако такой переход возможен только по соглашению между работником и работодателем, что предполагает высокий уровень правосознания и социальной ответственности у обеих сторон трудового договора. Заставить работника работать в удаленном режиме нельзя, поскольку это не соответствует как нормам ТК РФ, так и положениям трудового договора, заключенного работником с работодателем. Имея в своей основе социальную направленность, нормы трудового законодательства обязывают работодателя организовать труд своих работников, предоставить им рабочее место, отвечающее требованиям безопасности

и гигиены, вести учет отработанного рабочего времени, предоставить средства производства и орудия труда и т.п. Как следствие, «несознательные» работники, видя невозможность работодателя исполнить надлежащим образом вышеназванные обязанности, могут отказаться от осуществления трудовой деятельности, а с учетом актов Президента РФ о нерабочих днях еще и требовать оплаты труда. Вот почему таким важным представляется обеспечение баланса интересов работников и работодателей в сложившейся ситуации, необходимость проведения разъяснительной работы с работниками, а также сохранение работоспособности организаций и предприятий. Как следствие, работникам может быть предложено осуществлять трудовую деятельность на дому в условиях удаленного доступа. С учетом юридической техники речь идет именно об удаленной работе, а не труде дистанционных работников или надомников (гл. 49 – 49.1 ТК РФ), поскольку такой формат организации труда вводится в отношении всех работников вынужденно в связи с невозможностью пребывания на рабочем месте. Изменение условий труда должно быть зафиксировано в дополнительном соглашении к трудовому договору. Поскольку на работодателе лежат обязанности по организации труда, такой удаленный режим работы может потребовать от работодателя и организации рабочего места (предоставление компьютеров, обеспечение трафика, использование иных материально-технических ресурсов работодателя). Работники, оказавшиеся в условиях необходимости самостоятельной организации и контроля рабочего процесса, могут испытывать дополнительные сложности в исполнении своих трудовых обязанностей. Соответственно, только доброжелательное и конструктивное общение работодателя с трудовым коллективом позволит обеспечить нормальные условия труда в сложившейся ситуации. Кроме того, ТК РФ предусматривает и альтернативные механизмы организации рабочего процесса: введение режима гибкого рабочего времени, разделение рабочего дня на части, введение неполного рабочего времени, что позволит не только максимально удобно организовать труд, но и соотнести оплату труда с реальной вовлеченностью работников в трудовую деятельность.

Отдельно стоит оговориться о специфике предоставления отпусков в период объявленных Президентом РФ нерабочих дней. В частности, у работодателя может возникнуть желание отправить работников в ежегодный основной оплачиваемый отпуск или даже отпуск без сохранения заработной платы. Однако это не допустимо, поскольку в соответствии с положениями ТК РФ время предоставления ежегодного основного оплачиваемого отпуска определяется в рамках графика отпусков, обязательного как для работников, так и для работодателей. Данный график утверждается работодателем не позднее чем за две недели до начала нового календарного года. Как следствие, если время

отпуска у конкретного работника выпало на период нерабочих дней, объявленных Президентом РФ, работник находится в отпуске, а нерабочие дни «в число дней отпуска не включаются и отпуск на эти дни не продлевается» [7]. С другой стороны, представляется злоупотреблением и поведение работников, не желающих уходить в отпуск в нерабочие дни, несмотря на факт согласования именно данного периода времени в графике отпусков, с тем чтобы получить заработную плату в нерабочие дни в соответствии с актами Президента РФ и реализовать право на отпуск в будущем. Отпуск без сохранения заработной платы, предусмотренный ст. 128 ТК РФ, может быть инициирован только самими работником.

Осложнена в период пандемии и процедура расторжения трудового договора. Поскольку периоды с 30 марта по 30 апреля и 6 – 8 мая 2020 г. объявлены нерабочими днями, представляется, что расторгнуть трудовой договор с работником по основаниям, связанным с неисполнением им своих трудовых обязанностей или ненадлежащим их выполнением, невозможно. Однако вряд ли что-то препятствует расторжению трудового договора по инициативе самого работника или по соглашению между работником и работодателем. Кроме того, истечение срока действия срочного трудового договора в данный период также повлечет прекращение трудовых отношений. Данные основания расторжения трудового договора были прямо указаны в Письме Роструда от 9 апреля 2020 г. № 0147-03-5 [9]. Вместе с тем если организации до объявления нерабочих дней начала процедуру ликвидации или сокращения штата или численности работников то, представляется, по окончании реализации всех предусмотренных ТК РФ мер, связанных с предупреждением за 2 месяца и выплатой выходного пособия, увольнение также считается законным. Не исключается и ряд других оснований по обстоятельствам, независящим от воли сторон, предусмотренных ст. 83 ТК РФ.

В связи с особым режимом организации труда работников, в том числе кадровых служб, в период нерабочих дней осложнен документооборот в организациях, в том числе документационное оформление изменений в сфере трудовых отношений. Внесение записей в трудовые книжки работников, подписание дополнительных соглашений к трудовым договорам, в том числе по вопросам перехода на удаленную работу, издание приказов по кадрам и т.п. фактически невозможно. Электронный документооборот только начинает внедряться в сферу отношений между работниками и работодателем, как следствие, большинство документов должно составляться работником от руки и подтверждаться собственноручной подписью. Однако в экстраординарных условиях Минтруд России допустил использование электронных образцов документов с последующим их оформлением в установленном порядке, о чем указал в письме от

26 марта 2020 г. № 14-4/10/П-2696 [7]. В то же время на работодателе лежит обязанность направления соответствующей отчетности о работниках в Пенсионный фонд РФ, учет рабочего времени работников с оформлением табелей рабочего времени, а также новых форм отчетности в связи с мониторингом ситуации по распространению коронавируса и влиянием пандемии на рынок труда.

Таким образом, в условиях пандемии выявились требующие дальнейшего совершенствования вопросы организации труда работников. Органы власти, приведенные в состояние повышенной готовности, принимают необходимые меры не только по предотвращению распространения коронавирусной инфекции, но и обеспечению стабильности на рынке труда (Федеральная служба по труду и занятости), защите трудовых прав работников (Роструд), сохранению конкурентоспособности организаций и поддержанию доходов граждан (Минэкономразвития РФ и ФНС РФ). По итогам выхода из кризиса будут сделаны соответствующие выводы, которые определяют пути развития законодательства, в том числе в трудовых отношениях. Все меры, реализуемые сегодня, обусловлены особым режимом эпидемии, обладают особым статусом и вряд ли должны стать обычным явлением в условиях нормального функционирования общества и рынка труда. Безусловно, некоторые аспекты в части удаленной работы, электронного документооборота, механизмов стимулирования работников можно и нужно предусмотреть в ТК РФ, но не в качестве общих правил. Получив первоначальный, а возможно и успешный опыт работы в удаленном режиме, не стоит переносить бремя организации рабочего места и режима работы на работников. Помимо исполнительно-распорядительной власти деятельность работодателя характеризуется высоким уровнем организации, что не всегда свойственно для работников. В частности, не каждый работник в состоянии должным образом организовать свой труд, обеспечить выполнение нормы выработки без контроля работодателя и соблюдать режим труда и отдыха вне места работы. Как следствие, оперативные и экстраординарные меры должны таковыми и оставаться, а их применение должно быть обусловлено чрезвычайными обстоятельствами, наличие которых препятствует организации труда на обычных условиях.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).
2. Указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в РФ нерабочих дней» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

3. Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

4. Указ Президента РФ от 28 апреля 2020 г. № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

5. Постановление Правительства РФ от 8 апреля 2020 г. № 460 «Об утверждении временных правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы в качестве безработных, а также осуществления социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

6. Постановление Правительства РФ от 28 апреля 2020 г. № 601 «Об утверждении временных правил работы вахтовым методом» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

7. Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 26 марта 2020 г. № 14-4/10/П-2696 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

8. Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 27 марта 2020 г. № 14-4/10/П-2741 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

9. Письмо Роструда от 9 апреля 2020 г. № 0147-03-5 «О направлении ответов на наиболее часто поступающие вопросы на горячую линию Роструда, касающиеся соблюдения трудовых прав работников в условиях распространения коронавирусной инфекции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

10. ВОЗ признала коронавирус международной чрезвычайной ситуацией [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4236052> (дата обращения: 10.05.2020).

Об авторе:

АЛЕШУКИНА Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-код: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

**PROBLEMS OF ORGANIZATION AND PAYMENT OF LABOR
IN THE COVID-19 PANDEMIC PERIOD**

S.A. Aleshukina

Tver State University

The article examines the impact of the spread of coronavirus infection on the organization and payment of labor, the status of non-working days introduced by decree of the President of the Russian Federation, analyzes the possibility of granting vacations and termination of an employment contract during a pandemic, and identifies ways to improve labor legislation

Keywords: *pandemic, labor relations, salary, downtime, part-time, non-working days, remote work, labor protection, workplace organization, vacation, additional agreement.*

About author:

ALESHUKINA Svetlana – PhD, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-code: 1998-4330, e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru

Алешукина С.А. Проблемы организации и оплаты труда в период пандемии Covid-19 // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 75 – 85.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

А.В. Афтахова, В.В. Харитошкин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Проанализированы актуальные проблемы, связанные с пенсионным обеспечением лиц, осужденных к лишению свободы, определены особенности включения в стаж периодов работы и иной деятельности осужденных к лишению свободы. Особое внимание уделено необходимости внесения изменений в действующее законодательство с целью унификации понятийного аппарата.

***Ключевые слова:** пенсионное обеспечение, осужденные к лишению свободы, привлечение к труду, индивидуальный пенсионный коэффициент, трудовой стаж, страховой стаж, специальный (профессиональный) стаж.*

Российская Федерация, являясь социальным государством, гарантирует каждому социальное обеспечение по возрасту и в других случаях, прямо предусмотренных ст. 39 Конституции РФ [1]. Говоря о правах осужденных в сфере социального обеспечения, следует отметить: законодатель не делает различий и прямо предусматривает в п. 2 ст. 98 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ), что осужденные имеют право на общих основаниях на государственное пенсионное обеспечение в старости, по инвалидности, по потере кормильца и в других случаях, предусмотренных законодательством РФ [2].

В практическом плане словосочетание «на общих основаниях» во взаимосвязи с положениями п. 7 ст. 12 УИК РФ следует рассматривать с учетом Определения Верховного Суда РФ от 07.10.1999 г. № ГКПИ99-654 [9] как предоставление осужденным права на пенсионное обеспечение в целом наравне со всеми иными категориями граждан Российской Федерации.

При анализе данной нормы обращает на себя внимание формулировка «государственное пенсионное обеспечение». В соответствии со ст. 4 ФЗ от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» право на пенсию в соответствии с данным ФЗ имеют отдельные категории граждан, такие, как федеральные государственные гражданские служащие, военнослужащие, участники Великой Отечественной войны, граждане из числа космонавтов и другие, прямо перечисленные в рассматриваемом нормативном акте [4]. Вместе с тем, как справедливо отмечает А.В. Афтахова в статье «К вопросу о принципах

формирования системы пенсионного обеспечения в РФ», «основным субинститутом пенсионного обеспечения являются страховые пенсии, получатели которых – подавляющее большинство пенсионеров страны. Целесообразно предположить, что под термином “государственные пенсии” в конституционно-правовом значении следует понимать систему пенсионного обеспечения, гарантированную государством, а не государственные пенсии как таковые» [11]. Таким образом, рассматриваемая формулировка в данном случае требует уточнения в целях приведения в соответствие с понятиями и терминами, используемыми в других нормативно-правовых актах, регламентирующих вопросы пенсионного обеспечения.

Рассматривая особенности формирования пенсионных прав граждан, осужденных к лишению свободы, прежде всего следует обратиться к п. 3 ст. 104 УИК РФ, согласно которой время привлечения осужденных к оплачиваемому труду засчитывается им в общий трудовой стаж [2]. Здесь также наблюдается несоответствие терминов, применяемых УИК РФ, и дефиниций, разработанных теорией права социального обеспечения, что приводит к противоречию в нормативно-правовых актах и, как следствие, к ошибкам в правоприменительной практике. В частности, согласно ФЗ от 17.12.2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» с 2002 г. на смену понятия «общий трудовой стаж» введено понятие «страховой стаж» [5]. Следовательно, необходимо уточнение применяемой формулировки, поскольку периоды, включаемые в общий трудовой стаж согласно теории права социального обеспечения, – это периоды трудовой и иной общественно полезной деятельности, осуществляемой до 2002 г.

Пенсионные права граждан формируются с учетом периодов работы и иной общественно полезной деятельности, включаемой в страховой стаж. Одним из наиболее сложных моментов является вопрос о включении в страховой стаж осужденных периодов, когда гражданин находился в местах лишения свободы, но к оплачиваемому труду не привлекался. Отсутствие фактической занятости может быть обусловлено разными причинами – нежелание трудиться, недостаточное количество рабочих мест в соответствующем учреждении, привлечение к труду без фактической оплаты (на общественных началах) и др.

Вместе с тем действующее законодательство связывает формирование страхового стажа с обязательным начислением и уплатой страховых взносов [3]. Дополнительно следует отметить, что согласно пп. 5 п. 1 ст. 12 ФЗ «О страховых пенсиях» в страховой стаж наравне с периодами работы и (или) иной деятельности, которые предусмотрены ст. 11 ФЗ «О страховых пенсиях», засчитывается период содержания под стражей лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, необоснованно репрессированных и впоследствии

реабилитированных, и период отбывания наказания этими лицами в местах лишения свободы и ссылке [3]. Это так называемый «иной период» – деятельность в рамках иных периодов согласно вышеуказанной норме приравнена к трудовой на законодательном уровне и засчитывается в страховой стаж в силу прямого указания закона. Следовательно, лица, осужденные к лишению свободы и не привлекаемые к труду, даже в период вынужденного простоя (при отсутствии рабочих мест в соответствующем учреждении, отсутствии материалов, сырья и пр.), не имеют права претендовать на включение данных периодов в страховой стаж, поскольку за это время не начислялись и не уплачивались страховые взносы, а в законодательстве отсутствует специальное предписание.

Таким образом, при рассмотрении споров о включении в стаж определенных периодов деятельности лиц, отбывавших наказание в виде лишения свободы, суды обращают внимание на доказательства привлечения осужденного к труду, ключевым из которых является, на данный момент, подтверждение уплаты страховых взносов, а также иные документы, представляемые администрацией исправительного учреждения.

Исходя из прогрессивной шкалы, введенной ФЗ «О страховых пенсиях», с каждым годом требования к минимально необходимому стажу и размеру индивидуального пенсионного коэффициента (ИПК), необходимым для назначения страховой пенсии по старости, повышаются [3]. Вместе с тем осужденные, не привлеченные к труду, по достижении пенсионного возраста также претендуют на получение соответствующего пенсионного обеспечения. Появляются судебные споры о перерасчете ИПК и назначении страховой пенсии по старости лицам, отбывавшим наказание, связанное с лишением свободы, которым данные периоды не включены в страховой стаж. Полагаем, что количество данных судебных споров будет расти, несмотря на однозначную позицию судов по рассматриваемой проблематике.

Следующим интересным вопросом является включение определенных периодов деятельности осужденного, привлеченного к труду на особых видах работ, в специальный (профессиональный) стаж. ФЗ «О страховых пенсиях» предусматривает, что трудовая деятельность на определенных видах работ при соблюдении условий о количестве стажа и (или) возрастных ограничений предоставляет право на досрочное назначение страховой пенсии по старости [3]. Особенностью нормативной регламентации данного вида стажа является то, что специальный стаж не выделяется законодателем в качестве самостоятельного, более того, законодательно не закреплено даже название данного вида стажа.

Специальный (профессиональный) стаж формируется у лиц, осуществляющих трудовую деятельность в особых, вредных или

тяжелых условиях труда под воздействием различных травмирующих или опасных факторов. Данные виды деятельности специально перечислены в нормативно-правовых актах, ключевыми из которых являются Списки № 1 и № 2 [6], а также некоторые другие. К подобным работам часто привлекаются осужденные к лишению свободы. Следовательно, у данных лиц должен формироваться специальный (профессиональный) стаж. Положение ст. 104 УИК РФ в действующей редакции однозначно регламентирует, что периоды трудовой деятельности осужденного относятся к общему трудовому стажу [2], наличие которого предполагает пенсионное обеспечение на общих основаниях, без применения льготных механизмов, предусматривающих досрочный выход на пенсию по старости.

Согласно п. 20 разъяснения Министерства труда РФ от 22.05.1996 г. № 5 (в ред. Постановления Минтруда РФ от 01.10.1999 г. № 36) время выполнения осужденными работ, предусмотренных Списками, в период отбывания ими наказания в виде лишения свободы или в период исполнения исправительных работ засчитывается в специальный трудовой стаж, дающий право на пенсию в связи с особыми условиями труда, на общих основаниях в соответствии с пенсионным законодательством (ранее действовавшая редакция п. 20 указанного разъяснения предусматривала включение указанных периодов только в общий трудовой стаж). При этом при документальном подтверждении право на досрочное пенсионное обеспечение предоставляется гражданам за работу, выполнявшуюся в особых условиях труда. Характер трудовой деятельности, особенности работы и занимаемая должность должны соответствовать Спискам и иметь документальное подтверждение.

Таким образом, данное положение УИК РФ требует более детального уточнения в части возможности предоставления осужденным, привлеченным к труду на особых видах работ, права на досрочный выход на пенсию в связи с осуществлением особой трудовой функции (при соблюдении необходимых условий, предусмотренных ФЗ «О страховых пенсиях»).

Кроме перечисленных, необходимо обратить внимание еще на одну особенность, связанную с ограничением включения определенных видов деятельности в страховой и специальный стаж лиц, осужденных к лишению свободы и привлеченных к оплачиваемому труду.

В связи с внесением изменения в ч. 6 ст. 38 Исправительно-трудового кодекса РСФСР, норма которой соответствует норме ч. 3 ст. 104 УИК РФ, действующего в настоящее время, Указанием Министерства социальной защиты населения Российской Федерации от 2 ноября 1992 г. № 1-94-У была принята Инструкция о порядке учета времени работы осужденных в период отбывания ими наказания в виде лишения свободы, засчитываемого в общий трудовой стаж. Пункт 1.1

указанной инструкции предусматривает, что ч. 6 ст. 38 Исправительно-трудового кодекса РСФСР вступает в силу только с 1 сентября 1992 г.

Таким образом, в порядке, определенном данной Инструкцией, время работы осужденных в период отбывания ими наказания в виде лишения свободы стало учитываться с 1 сентября 1992 г. [7].

Конституционность данных положений, а именно ч. 2 ст. 98 УИК РФ и п. 1 Постановления Верховного Совета РФ от 12.06.1992 г. № 2989-1 «О порядке введения в действие Закона РФ “О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР”, в соответствии с которым данный Закон вводился в действие с момента его опубликования, проверена Конституционным Судом РФ. Заявителю было отказано во включении в стаж периодов отбывания наказания в виде исправительных работ с 1990 по 1992 г. в связи с тем, что УИК РФ и нормы, предусматривающие включение в стаж соответствующих периодов, вступили в действие с 1992 г. Заявитель полагает, что ограничение по включению определенных периодов трудовой и иной деятельности, связанное со вступлением в законную силу определенных нормативных актов, нарушает его конституционные права, а именно право на пенсионное обеспечение по возрасту.

Конституционный Суд РФ в Определении от 26.03.2020 г. № 726-О указал следующее: «Поскольку Исправительно-трудовой кодекс РСФСР и Закон Российской Федерации от 12 июня 1992 г. № 2988-1 “О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР” утратили силу с 1 июля 1997 года, т.е. задолго до обращения В.А. Мартынова в Конституционный Суд Российской Федерации, его жалоба в части оспаривания пункта 1 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 12 июня 1992 года № 2989-1 не может быть принята к рассмотрению Конституционным Судом Российской Федерации. <...>

Что касается части второй статьи 98 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, то данная норма направлена на обеспечение гарантий на государственное пенсионное обеспечение в старости на общих основаниях осужденным к лишению свободы лицам. Она не регламентирует вопросы, связанные с установлением оснований возникновения, и порядок реализации права на пенсионное обеспечение, а потому также не может расцениваться в качестве нарушающей права заявителя в указанном им в жалобе аспекте» [8].

Безусловно, сама по себе норма о включении периодов работы осужденных к лишению свободы в трудовой стаж не может быть признана неконституционной, так как направлена на обеспечение прав и законных интересов граждан. Вопрос о конституционности положений, предусматривающих сроки введения в действие данной нормы,

Конституционный Суд РФ разрешил однозначно. Таким образом поставлена «точка» в разрешении вопроса о включении в общий трудовой стаж осужденных к лишению свободы лиц периодов работы, осуществляемых до 1992 г.

Подводя итоги, следует отметить, что гарантии социальных прав осужденных являются необходимой мерой для их социализации. Обеспечение пенсионных прав всех граждан, включая осужденных к лишению свободы, – важная составляющая социальной политики государства. Современное пенсионное законодательство ставит в зависимость получение страховой пенсии по старости от наличия нескольких параметров: возраст, стаж и количество пенсионных баллов. Следовательно, осужденные, привлеченные к труду в период до 1992 г., будут ограничены в пенсионных правах, что является дифференцирующим фактором, негативно влияющим как на возраст выхода на пенсию, так и на размер будущей пенсии данной категории лиц.

Кроме того, дополнительно обращаем внимание на необходимость внесения изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство с целью приведения используемой терминологии в сфере социального обеспечения осужденных в соответствие с иными нормативными актами, регламентирующими вопросы стажа и пенсионного обеспечения граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

3. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ (ред. от 01.10.2019 г., с изм. от 22.04.2020 г.) «О страховых пенсиях» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

4. Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 01.10.2019 г.) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

5. Федеральный закон от 17.12.2001 г. № 173-ФЗ (ред. от 01.10.2019 г.) «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

6. Постановление Правительства РФ от 16.07.2014 г. № 665 (ред. от 05.12.2018 г.) «О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов

работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

7. Постановление Минтруда РФ от 22.05.1996 г. № 29 (ред. от 01.10.1999 г.) «Об утверждении разъяснения «О порядке применения Списков производств, работ, профессий, должностей и показателей, дающих в соответствии со статьями 12, 78 и 78.1 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» право на пенсию по старости в связи с особыми условиями труда и на пенсию за выслугу лет» (вместе с разъяснением Минтруда РФ от 22.05.1996 г. № 5) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 24.10.1996 г. № 1181) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

8. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 г. № 726-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мартынова Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 1 статьи 30 Федерального закона «О страховых пенсиях», положениями пункта 1 Постановления Правительства Российской Федерации «О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение», частью второй статьи 98 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и пунктом 1 Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

9. Определение Верховного Суда РФ от 07.10.1999 г. № ГКПИ99-654 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

10. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 18.04.2019 г. по делу № 33-14947/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2020).

11. Афтахова А.В. К вопросу о принципах формирования системы пенсионного обеспечения в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 48 – 54.

Об авторах:

АФТАХОВА Александра Васильевна – кандидат философских наук, доцент кафедры гражданского процесса и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код:5140-5804, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

ХАРИТОШКИН Валерий Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Kharitoshkin.VV@tversu.ru

SOME FEATURES OF PENSION SUPPORT FOR PERSONS CONDEMNED TO DETENTION OF FREEDOM

A.V. Aftakhova, V.V. Kharitoshkin

Tver State University

The current problems related to the pension provision of persons sentenced to deprivation of liberty are analyzed, the features of inclusion in the length of service of periods of work and other activities of prisoners sentenced to deprivation of liberty are determined. Particular attention is paid to the need to amend existing legislation in order to unify the conceptual framework.

Keywords: *pension provision, convicted to deprivation of liberty, employment, individual pension coefficient, seniority, insurance experience, special (professional) experience.*

About authors:

AFTAKHOVA Aleksandra – PhD in Philosophy, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 5140-5804, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

KHARITOSHKIN Valeriy - PhD, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), e-mail: Kharitoshkin.VV@tversu.ru

Афтахова А.В., Харитошкин В.В. Некоторые особенности пенсионного обеспечения лиц, осужденных к лишению свободы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 86 – 93.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯХ

Ю.Ф. Беспалов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблема правовой неопределенности российского законодательства и ее последствия. Проанализировав законодательство, судебную практику, доктрину, автор пришел к выводу о том, что неопределенность положений законодательства влечет неопределенность судебной позиции при применении таких положений, а следовательно, создает препятствия для осуществления, охраны и защиты прав граждан РФ. Предложены мероприятия по устранению выявленных проблем.

Ключевые слова: *неопределенность законодательства и правоприменительной практики; поправки; несовершенство; пробелы.*

Проблема правовой неопределенности в настоящее время охватила все основные сферы права: законодательство, правоприменение, частноправовую доктрину, права человека, их осуществление, охрану и защиту.

Масштаб, существо, последствия проблемы создали ее повышенную актуальность, разрешение которой многократно увеличило ее теоретическую и практическую значимость.

Отметим, что российские мыслители не раз обращались к исследованию данного вопроса [1, с. 13–16; 2].

Правовая определенность и/или неопределенность представлены учеными по-разному [2, 3, 5].

Правовую неопределенность в целом следует понимать как условность некоторых положений законодательства, доктрины, судейского усмотрения в правоприменении, противоречия в положениях, неурегулированность отношений, подлежащих урегулированию, влекущую неоднозначную правовую квалификацию отношений и неблагоприятно влияющую на права человека, их осуществление, охрану и защиту.

Правовая неопределенность вызывается прежде всего несовершенством законодательства.

Широкое распространение пробельности, некорректности законодательства влечет судебные ошибки в правоприменении и проблемы в научном познании правовой действительности и непосредственно неблагоприятно сказывается на человеке и его правах.

Так, например, ст. 1110, 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) к наследству относят лишь имущество. Вместе с тем ГК РФ допускает наследование некоторых личных

неимущественных прав (ст. 152, 152.1, 152.2, 1185, 1267 ГК РФ и некоторые другие). Применяя ст. 1112 ГК РФ, судья Верховного Суда РФ в определении от 15 июня 2016 г. № 204-ПЭЖ16 по делу № А07-10144/2011 указал: «Поскольку личные неимущественные права в состав наследства не входят (часть 3 статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации), то неимущественные (организационные) права участника (прежде всего право участия в управлении делами общества) не наследуются, но могут переходить к его наследникам с переходом к ним имущественной составляющей доли в уставном капитале общества безусловно либо при условии согласия остальных участников общества» [6].

Надо полагать, что в данном случае неопределенность исследуемых правил, изложенных в ГК РФ, повлияла и на неопределенность судебной позиции. По мнению судьи, личные неимущественные права не входят в состав наследства, но могут переходить к наследникам. Данное усмотрение весьма условное и вызывает вопрос о правовой квалификации такого перехода личных неимущественных прав к наследникам. Презюмируется, что личные неимущественные права наследуются не в качестве причастных к имущественным правам. В приведенном деле они входили в состав правового статуса умершего участника общества в качестве самостоятельных прав. Наследник принимает наследство в полном объеме, а не в какой-то части. К нему в установленном, специальном, порядке могут переходить и личные неимущественные права, независимо от их связи с имущественными правами. Для исключения неопределенности законодательства и судебного усмотрения ст. 1110, 1112 ГК РФ следовало бы дополнить указанием на наследование и личных неимущественных прав, в случаях, в порядке и на условиях, установленных в ГК РФ.

Пробелы, иные неясности характерны и для семейного законодательства. Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) попросту не замечает существующие семейные отношения, часть из которых действовала и на момент его принятия, а часть – возникла после его принятия. Помимо явных пробелов СК РФ содержит оценочные категории, отсылочные нормы и противоречия между некоторыми его положениями.

Например, регламентируя формы семейных отношений, СК РФ оставляет без внимания фактические браки, существующие в РФ; устанавливая правила происхождения детей, СК РФ не касается посмертной репродукции и анонимного донорства, действующих в РФ; в СК РФ нет положений о правовом статусе субъектов семейных прав; об объектах семейных прав и их правовом режиме; о понятии семьи, её членов, о совместной жизни, о родстве, свойстве; о ребенке-супруге, ребенке-матери (отце), ребенке-инвалиде, недееспособных лицах, ограниченно дееспособных лицах как членах семьи и т.д.

Частноправовая наука отстает от познания действительности и определения тенденций дальнейших исследований в данной сфере.

Правовая неопределенность имеет место и в поправках к законодательству РФ. Так, Федеральным законом от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» введена ст. 141.1 ГК РФ о цифровых правах, которые представлены в виде обязательственных и иных прав.

Создана проблема в определении существа цифровых прав и в понимании их правового режима как объектов прав. Некоторые ученые, поддерживая данное нововведение, некритично подошли к оценке их существа [4].

Очередной раз законодательство РФ, относя к объектам прав сами права создает новую неопределенность.

Федеральным законом от 06.02.2020 г. № 10-ФЗ «О внесении изменения в статью 86 Семейного кодекса Российской Федерации» в ст. 86 СК РФ внесено дополнение. Статья 86 СК РФ устанавливала право суда привлекать родителей к несению дополнительных расходов на ребенка при наличии исключительных обстоятельств, к которым относились тяжелая болезнь ребенка, увечье, постоянный уход. Теперь, с учетом внесенных в п. 1 ст. 86 СК РФ дополнений, каждый из родителей может быть привлечен судом к участию в несении дополнительных расходов, вызванных отсутствием у ребенка пригодного для постоянного проживания жилого помещения.

Во-первых, данные дополнения изложены крайне некорректно и создают новую неопределенность – суд может привлечь родителей к дополнительным расходам на что? Приобретение пригодного для постоянного проживания жилья; аренду пригодного для постоянного проживания жилья; возмещение расходов при обмене непригодного для постоянного проживания жилья на пригодное; на ремонт непригодного для проживания жилья до степени его пригодности и т.д.?

Во-вторых, дополнение никак не учитывает требование ст. 31 Жилищного кодекса РФ об обеспечении жилым помещением ребенка при обстоятельствах, изложенных в данной статье.

В-третьих, перемещение слов «и другими обстоятельствами» в конец абзаца первого пункта статьи позволяет расширительно понимать исключительные обстоятельства: они выходят за рамки болезни; касаются и нужды в пригодном для постоянного проживания жилым помещением, и любых жизненных обстоятельств, ставящих ребенка в трудную жизненную ситуацию, требующую выхода из нее.

И наконец, в-четвертых, можно заключить, что данная поправка «обязет» граждан РФ подумать о продолжении рода при отсутствии жилья, «пригодного для постоянного проживания». Не каждому под силу станет рождение детей по причине отсутствия жилья. Надо

понимать, что только «люди» состоятельные смогут продолжать род. История человечества свидетельствует о том, что рождение ребенка не ставилось в зависимость от наличия «прекрасных» условий для жизни. Рожали и в войну, и в голодные времена. Из поколения в поколение люди рожали детей, содержали и воспитывали их, исходя из своих способностей и реальных возможностей. Как же быть сегодня? Приобрести жилье не под силу большинству россиян ввиду многократно завышенной стоимости жилья и непосильных банковских процентах при займе, без которого не обойтись. Добавилось еще одно несчастье – отсутствие работы по месту жительства.

Федеральным законом от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» внесены изменения в ст. 361, 363, 364, 367 ГК РФ.

Теперь создана неопределенность в вопросе о том, кто отвечает по долгам наследодателя: поручитель или наследник? Каковы правила ответственности между ними при исполнении обязанности? Справедливо ли такое правило?

Все это создает состояние правовой неопределенности в правоприменительной деятельности судов [2].

Пробелы в законодательстве породили правоприменителем новые способы их преодоления. В таких ситуациях, как показывает анализ судебной практики, суды, в том числе Пленум и Президиум Верховного Суда РФ, нередко находят выход в создании и применении судейских правил, облеченных в форму судейского усмотрения: Пленум и Президиум Верховного Суда РФ создают право в рамках разъяснений, содержащихся в постановлениях и обзорах судебной практики; суды – в своих суждениях или правовых позициях, изложенных в судебных актах [2].

Бесспорно, правовая неопределенность законодательства прямо влечет правовую неопределенность судейского усмотрения и нередко нарушения прав человека.

Изложенное позволяет заключить следующее.

Правовая неопределенность, охватившая законодательство РФ, создает неопределенность в правоприменении и доктрине, что неблагоприятно сказывается на россиянах и их правах.

Надо полагать, что в целях устранения данной проблемы необходимо:

1) коренным образом изменить нормотворчество: поправки в Конституцию РФ, кодифицированные нормативно-правовые акты могут быть внесены лишь по результатам всенародного голосования;

2) до внесения поправок в действующее законодательство необходимо проводить публичные слушания их проектов с обязательным участием правоприменителей;

3) Пленуму и Президиуму Верховного Суда РФ необходимо

избегать нормотворчества – создания новых правил;

4) наука семейного права должна определить фундаментальные исследования во всех сферах частной жизнедеятельности;

5) необходимо повысить уровень правосознания и правовой культуры органов государственной власти и граждан РФ.

Список литературы

1. Беспалов Ю.Ф. Наследственное законодательство России: недостатки и некоторые проблемы применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 13 – 16.

2. Беспалов Ю.Ф. Семейные правила судов РФ как эрзац-способ преодоления пробелов в правоприменении // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1(61). С. 16 – 23.

3. Батманов С.А. Понятие правовой неопределенности // Адвокат. 2015. № 11. С. 20 – 25.

4. Новоселова Л., Габов А., Савельев А., Генкин А., Сарбаш С., Асосков А., Семенов А., Янковский Р., Журавлев А., Толкачев А., Камелькова А., Успенский М., Крупенин Р., Кислый В., Жужжалов М., Попов В., Аграновская М. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31 – 54.

5. Романец Ю. Правовая определенность или безнаказанность? // ЭЖ-Юрист. 2011. № 49.

6. Определение Верховного Суда РФ от 15 июня 2016 г. N 204-ПЭК16 по делу № А07-10144/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

БЕСПАЛОВ Юрий Федорович – профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», доктор юридических наук, профессор, председатель Владимирского областного суда в отставке. SPIN-код: 9432-6027, e-mail: nksmgs@mail.ru

TO THE QUESTION OF LEGAL UNCERTAINTY OF THE RUSSIAN LEGISLATION AND ITS CONSEQUENCES

Yu.F. Bespalov

Tver State University

The article explores the problem of legal uncertainty in Russian legislation and its consequences. After analyzing the legislation, judicial practice, doctrine, the author came to the conclusion that the uncertainty of the provisions of the law entails the uncertainty of the judicial position in the application of such provisions, and, therefore, creates obstacles to the implementation, safety and protection of the rights of citizens of the Russian Federation. Measures to eliminate identified problems are proposed.

Keywords: *uncertainty of legislation and law enforcement practice; amendments imperfection; spaces.*

About authors:

BESPALOV Yuri – Professor, Department of Civil Law, Tver State University, Doctor of Law, Professor, Chairman of the Vladimir Regional Court, retired. SPIN-code: 9432-6027, e-mail: nksmgs@mail.ru

Беспалов Ю.Ф. К вопросу о правовой неопределенности
российского законодательства и ее последствиях // Вестник ТвГУ.
Серия «Право». 2020. № 2 (62). С. 94 – 99.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ СОСТАВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: МОДЕЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОНЦЕПТА

Г.В. Верина

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

В современный период развития российской уголовно-правовой доктрины проблема использования законодателем потенциальных возможностей дифференциации уголовной ответственности за преступления против собственности стоит достаточно остро. В качестве одной из причин создавшегося положения рассматривается отсутствие в уголовном законе надлежащей системы мер, ориентированной на установление привилегированной уголовной ответственности за отдельные посягательства на собственность. Научная полемика по данному вопросу не только себя не исчерпала, но и нуждается в продолжении. В данном дискурсе предложены привилегирующие признаки хищения, обосновано мнение о рассмотрении модифицированной модели мелкого хищения в качестве разновидности привилегированного *corpus delicti*, разработаны законодательные проекты привилегированных составов преступлений.

Ключевые слова: *привилегирующие признаки, привилегированные составы преступлений, преступления против собственности, мелкое хищение, хищение из-за нужды или отсутствия средств к пропитанию, дифференциация уголовной ответственности.*

Дискуссия о необходимости существования на уровне уголовного законодательства привилегирующих признаков или обособленных привилегированных составов преступлений против собственности возникла в российской уголовно-правовой науке много десятилетий тому назад. На определенных этапах процесса познания уголовно-правовой материи происходит всплеск научной мысли по тому или иному вопросу, бурное его обсуждение на страницах печати, форумах, конференциях и т. д. Затем наступает волна затишья, ожидания от законодателя соответствующей реакции на научные предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм. Проблема преступлений против собственности и их привилегирующих признаков активно обсуждалась учеными на уровне монографических исследований, докторских и кандидатских диссертаций в 2000-х гг. Результатом данной научной полемики стало совершенствование уголовно-правовых норм главы 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) посредством принятия ряда федеральных законов, серьезно углубивших вопросы дифференциации уголовной ответственности (признаваемой правоведами базовыми началами современной уголовно-правовой политики России [8, с. 646]) за преступления против

собственности путем введения новых составов преступлений, расширения видов хищения в зависимости от стоимости похищенного имущества за счет закрепления в уголовном законе понятия «мелкое хищение», существенной корректировки типовых уголовно-правовых санкций. Однако до сих пор законодатель не использует всю мощь потенциала привилегирующих признаков и привилегированных составов преступлений, которые позволили бы более гармонично дифференцировать уголовную ответственность, без уклона в сторону ее ужесточения. Современные экономические реалии и неутешительная статистика преступлений против собственности (на территории Российской Федерации в январе–ноябре 2019 г. зарегистрировано 1868,8 тыс. преступлений, или на 1,5 % больше, чем за аналогичный период прошлого года; более половины указанных преступлений (53,2 %) приходится на хищения чужого имущества [15]) дают основание возобновить научную дискуссию в обозначенном ракурсе и представить модель законодательного концепта привилегированных составов преступлений против собственности.

История российского уголовного законодательства и уголовно-правовой мысли может пролить некий свет на заявленный аспект проблемы преступлений против собственности и способствовать моделированию привилегированных составов преступлений в рамках главы 21 («Преступления против собственности») УК РФ. Поэтому целесообразно восстановить в памяти отдельные «штрихи к портрету» сей истории.

Так, важно отметить, что еще в XIX столетии российскому уголовному законодательству было известно такое понятие, как учинение кражи «по крайности и неимению никаких средств к пропитанию и работе» в качестве обстоятельства, смягчающего наказание вору. Наказание вору могло быть также смягчено в случае добровольного возвращения украденного имущества и при совершении мелкой кражи. Об этом гласила ст. 1663 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (ред. 1866 г.): «Слѣдующее виновному въ кражѣ наказаніе можетъ быть, по усмотрѣнію суда, уменьшено ...: 1) если виновный въ кражѣ добровольно возвратилъ украденное хозяину; 2) если кража совершена по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ и 3) если цѣна похищеннаго не превышаетъ пятидесяти копѣекъ» [19, с. 670].

Следовательно, еще в XIX в. законодатель был озабочен проблемой дифференциации уголовной ответственности за кражу посредством привилегирующих признаков, что, несомненно, свидетельствует о прогрессивности взглядов разработчиков законов.

В начале XX столетия вопрос о привилегирующих признаках хищения был удостоен внимания ученых. В частности, П.П. Пусторослев в своем труде отмечал: «...учиненіе кражи “по

крайности и неимѣнию никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ” или, лучше сказать, учиненіе воровства по нуждѣ, не доведшей челоуѣка до состоянія крайней необходимости, должно быть признано ... обстоятельствомъ, привилегирующимъ кражу» [10, с. 185–186].

Уголовному уложению 1903 г. были известны такие составы кражи, как: 1) мелкая кража; 2) кража по нужде и 3) кража с возвратом похищенного. Так, ст. 581 названного Уложения устанавливала пониженную уголовную ответственность в следующих случаях: «Если же стоимость похищенного не превышаетъ пятидесяти копѣекъ, или виновный до провозглашенія приговора, резолюціи или рѣшенія о виновности добровольно возвратилъ похищенное или инымъ способомъ удовлетворилъ потерпѣвшаго, или воровство совершено по крайности, то виновный наказывается: заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ» [18, с. 186]. И.Я. Фойницкий признавал их видами легкой (привилегированной) кражи [11, с. 198].

Советское уголовное законодательство на определенных этапах своего развития также закрепляло привилегированные составы преступлений против собственности. В частности, по Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. [14] предусматривалась привилегированная ответственность за кражу, совершенную «вследствие нужды и безработицы, в целях удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи». Таким образом, функцию привилегирующих признаков выполняли нужда и безработица, сопряженные с целью удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи. Однако в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. [2] не было подобного состава преступления.

Действующий российский уголовный закон также не предусматривает аналогичных привилегированных составов преступлений против собственности. Их отсутствие дает основание теоретикам выдвигать различные идеи относительно конструкций таких *corpus delicti*. Предложения авторов целесообразно систематизировать и выработать, по возможности, единодушный подход к обсуждаемому вопросу. В связи с этим уместно привести суждение Г.А. Есакова о том, что сегодня «уголовно-правовая наука превратилась в хаос мнений и взглядов, где единая линия прослеживается с трудом» [9, с. 9].

Попытаюсь как-то упорядочить воззрения применительно к такому частному, но важному аспекту уголовно-правовой теории, как привилегирующие признаки и привилегированные составы преступлений против собственности.

В современной российской уголовно-правовой науке данный вопрос был поставлен в начале 2000-х гг. Напомню о том, что сей срез проблемы преступлений против собственности удостоивался внимания на уровне монографий и диссертаций. В частности, в 2001 и 2003 гг. мною в монографиях и докторской диссертации подчеркивалось, что

необходимо возродить привилегированный состав кражи, функции привилегировающих признаков в котором надлежит выполнять таким понятиям, как нужда и безработица в сочетании с целью удовлетворения минимальных материальных потребностей своих и (или) своей семьи [3, с. 207; 4, с. 269; 5, с. 363, 364].

Позже разные авторы предпринимали попытки распространить идею о привилегированном составе преступления на другие формы хищения. Так, А.В. Шульга в рамках анализа присвоения и растраты высказал предложение о закреплении в УК РФ привилегированного состава «хищения, совершенного в связи с тяжелым материальным положением лица и его близких, а равно хищения, лишённого других низменных мотивов» [20, с. 150]. О.А. Адоевская предложила закрепить в ч. 2 ст. 158 УК РФ квалифицирующий признак тайного хищения чужого имущества, «если оно совершено в силу стечения тяжелых личных, семейных или иных жизненных обстоятельств» [1, с. 8]. И.Ю. Малькова на уровне кандидатской диссертации защитила положение о необходимости конструирования привилегированного состава «грабежа, совершенного вследствие нужды, при отсутствии квалифицирующих признаков» [13, с. 8].

В настоящее время сохраняется насущная потребность в существовании привилегированных составов преступлений против собственности – в частности, обусловленных материальным положением лица, совершившего преступление, и его семьи. Целый ряд хищений до сих пор мотивирован стремлением удовлетворить минимальные материальные потребности свои и (или) своей семьи.

Исследователи мотива преступления выделяют корысть-нужду в качестве побуждения, вызвавшего решимость совершить преступление, различая при этом абсолютную и относительную нужду. Если движущим фактором поведения выступает стремление удовлетворить элементарные потребности в пище и предметах одежды, то речь идет об абсолютной нужде; если же стремление обеспечить характерный для окружающих уровень жизни, то об относительной нужде. И в том и в другом случае корысть-нужда порождена, по мнению Т.П. Луговенко, тяжелым материальным положением, невозможностью обеспечить прожиточный минимум честным трудом. По ее данным, 17,2 % женщин, отбывающих лишение свободы за кражи, объяснили свое преступное поведение желанием добыть средства для содержания ребенка, 13,2 % — для покупки продуктов питания и одежды [12, с. 22].

Э.С. Тенчов и Т.М. Явчуновская отмечают, что формирование мотива корысти-нужды зачастую происходит у людей, оказавшихся в жизненных экстремальных ситуациях: старческий возраст при фактическом одиночестве и мизерных доходах, инвалидность, продолжительная болезнь, многодетность, сложности в трудовом и бытовом устройстве [17, с. 138].

Современная экономическая ситуация в стране настолько полярна, что для нее характерны накопление капитала одними и бедность, нищета (нужда) других. 15 января 2020 г. Президент России В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию подчеркнул, что низкие доходы значительной части российских граждан — это острейшая проблема, необходимо реальное снижение бедности, родители не должны чувствовать, что они даже ребенка прокормить не могут [16].

На сегодня, полагаю, есть все основания прислушаться к приведенным экономическим факторам в процессе нормотворческой деятельности в сфере защиты прав собственников. Принимая во внимание предложения различных авторов относительно привилегированных составов хищений, представляется целесообразным закрепить в российском уголовном законе унифицированный привилегированный состав хищения, который бы охватывал различные его формы. Подобная практика хорошо известна российскому законодательству: в частности, в пространстве главы 21 УК РФ к унифицированным уголовно-правовым нормам аналогичной модели следует отнести нормы, закрепленные в ст. 158.1 («Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию») и ст. 164 («Хищение предметов, имеющих особую ценность»).

С учетом изложенного, современных научных достижений и законодательской практики представляется наиболее оптимальной следующая законодательная конструкция унифицированного привилегированного состава преступления: «Хищение путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты, а также грабежа, совершенное вследствие нужды (тяжелого материального положения) в целях удовлетворения минимальных потребностей своих и (или) своей семьи, при отсутствии квалифицирующих признаков». Данный состав преступления, в соответствии с современной законодательной техникой построения уголовного закона, следует разместить в ст. 158.2 УК РФ, которую целесообразно закрепить в названном уголовно-правовом акте федерального значения.

Состояние российского уголовного закона дает основание высказать мнение (если принимать во внимание законодательный опыт Российской империи) о том, что в нем уже присутствует своеобразный привилегированный состав преступления — мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ). Поэтому размещение нового привилегированного состава преступления в ст. 158.2 УК РФ, как представляется, будет соответствовать законодательной логике.

Вместе с тем важно отметить и то, что ст. 158.1 УК РФ, в случае ее сохранения в уголовном законе [6, с. 32 – 39], нуждается в серьезных коррективах. Во-первых, необходимо исключить административную преюдицию [7, с. 68 - 70]; во-вторых, предусмотреть в формате мелкого

хищения уголовную ответственность за грабеж; в-третьих, исключить бланкетный характер новой редакции уголовно-правовой нормы; в-четвертых, отразить в ней исчерпывающий перечень форм хищения; в-пятых, пересмотреть размерный диапазон мелкого хищения; в-шестых — предусмотреть примечание к ст. 158.1 УК РФ и закрепить в нем пределы размера мелкого хищения и, наконец, в-седьмых, изменить название теоретически модернизируемой статьи уголовного закона. В итоге представленные возможные корректировки позволили разработать следующий проект ст. 158.1 «Мелкое хищение» УК РФ: «Мелкое хищение, совершенное путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты, а также грабежа, при отсутствии квалифицирующих признаков.

Примечание. Мелким хищением признается хищение на сумму прожиточного минимума».

Обозначенные коррективы понятия мелкого хищения, несомненно, требуют пересмотра и других видов хищения в зависимости от суммы причиненного ущерба: хищения, причинившего значительный ущерб гражданину, хищения в крупном и особо крупном размерах. Детальное их обоснование будет представлено мною в последующих научных публикациях.

В завершение проведенного исследования важно подчеркнуть, что системный подход к закреплению в уголовном законе привилегированных составов преступлений будет способствовать установлению баланса между дифференцирующими обстоятельствами и наиболее гармоничной дифференциации уголовной ответственности.

Список литературы

1. Адоевская О.А. Дифференциация ответственности за кражу по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. 23 с.
2. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
3. Верина Г.В. Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания. Саратов: СГАП, 2001. 216 с.
4. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 336 с.
5. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. 510 с.
6. Верина Г.В. Состояние и перспективы мер уголовно-правового воздействия // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. материалов Шестой Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Бриллиантова, С.В. Склярова. М.: РГУП, 2019. С. 32 – 39.
7. Верина Г.В. Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 200 с.

8. Ендольцева А.В., Ендольцева Ю.В., Платонова Н.И. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к *de lege ferenda* // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 641 – 650.

9. Есаков Г.А. Проект нового Уголовного кодекса: критические размышления // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 1 (19). С. 7 – 18.

10. Из лекций по особенной части Русскаго уголовного права П.П. Пусторослева. Юрьевъ: Типографія К. Маттисена, 1908. Вып. I. 328 с.

11. Курсъ уголовного права И.Я. Фойницкаго. Часть особенная: посягательства личныя и имущественныя / посмертное седьмое издание, доп. и пересм. А.А. Жижиленко; издание Юридическаго общества при Петроградскомъ университетѣ. Петроградъ : Типографія М. Меркушева, 1916. 439 с.

12. Луговенко Т.П. Преступное поведение женщин, совершающих кражи: мотивационная сфера // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Естественные, общественные науки». 2010. Вып. 4: Право. Социология. Международные отношения. С. 19 – 28.

13. Малькова И.Ю. Грабеж: вопросы квалификации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 30 с.

14. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

15. Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19333347/>; <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19333347> (дата обращения: 19.01.2020).

16. Стенограмма Послания Путина Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-poslanija-putina-federalnomu-sobraniyu-15-01-2020.html> (дата обращения: 16.01.2020).

17. Тенчов Э.С., Явчуновская Т.М. Корыстная мотивация преступлений // Современные проблемы правоведения: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та, 1994. С. 135–143.

18. Новое Уголовное уложение: Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.: издание неофициальное / съ приложениемъ предметнаго алфавитнаго указателя. СПб.: Издание Каменноостровскаго юридическаго книжнаго магазина В.П. Анисимова, 1903. 257 с.

19. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с доп. по 1 янв. 1876 г. / сост. проф. С.-Петербур. ун-та Н.С. Таганцевым; [авт. предисл. Н.С. Таганцев]. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1876. 726 с.

20. Шульга А.В. Присвоение или растрата в условиях становления рыночных отношений. Краснодар: Кубанский государственный аграрный ун-т, 2004. 154 с.

Об авторе:

ВЕРИНА Галина Владимировна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (Россия, Саратов, ул. Вольская, 1); SPIN-код: 5559-5097, e-mail: GV.Verina@yandex.ru

PRIVILEGED OFFENCES AGAINST PROPERTY: MODEL OF THE LEGISLATIVE CONCEPT

G.V. Verina

Saratov State Law Academy

During the current period of development of the Russian criminal-legal doctrine, the problem of the legislator's use of potential opportunities to differentiate criminal responsibility for crimes against property is quite acute. One of the reasons for this situation is the lack of an appropriate system of measures in the criminal law aimed at establishing privileged criminal liability for individual attacks on property. The scientific debate on this issue has not only not exhausted itself, but also needs to be continued. This discourse proposes privileged signs of theft, justifies the view that the modified model of petty theft should be considered as a form of privileged corpus delicti, and developed legislative drafts of privileged crimes.

Keywords: *privilegiruyushchy signs, exclusive corpus delicti, crimes against property, petty theft, plunder because of need and lack of means to livelihood, differentiation of criminal liability.*

About authors:

VERINA Galina – Doctor of Law, associate professor, Professor, Chair of Criminal and Penitentiary Law, Saratov State Law Academy (Saratov, Volskaya, 1; the Russian Federation); SPIN-code: 5559-5097, e-mail: GV.Verina@yandex.ru

Верина Г.В. Привилегированные составы преступлений против собственности: модель законодательного концепта // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 100 – 107.

СТАТУС УЧАСТНИКОВ ПРОГРАММЫ ЭКСТРАКОРПОРАЛЬНОГО ОПЛОДОТВОРЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблема определения семейно-правового статуса мужчины, участвующего в программе экстракорпорального оплодотворения. Автор исследует основания и содержание, специфику и правовые последствия применения данного вида вспомогательных репродуктивных технологий. Формулируется вывод о потенциальном расширении круга лиц, обладающих родительскими правами и обязанностями по отношению к ребенку, родившемуся в результате применения этих методов.

Ключевые слова: *семейное право; родительские права и обязанности; экстракорпоральное оплодотворение; установление отцовства.*

Совершенствование механизма применения вспомогательных репродуктивных технологий, а также включение экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО) в Программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи [3] повлекло за собой увеличение числа обращений граждан за оказанием такой медицинской услуги и, соответственно, рост числа детей, родившихся в результате применения ЭКО.

Безусловно, для решения демографической проблемы так называемая успешность протоколов ЭКО является весьма значимым показателем. В определенной степени можно согласиться и с тем, что применение вспомогательных репродуктивных технологий позволяет мужчинам и женщинам, как состоящим, так и не состоящим в браке, в том числе между собой, реализовывать социальную функцию материнства и отцовства.

В то же время следует признать, что соответствующие отношения так и не получили полноценной правовой регламентации с точки зрения упорядочивания семейно-правовых связей участников тех или иных программ по применению вспомогательных репродуктивных технологий.

Справедливости ради отметим, что Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) [1] уже почти двадцать пять лет назад предусмотрел некие ориентиры правового формата исследуемых правоотношений. Речь идет о двух статьях СК РФ: ст. 51, устанавливающей правила совершения записи о родителях ребенка, родившегося у лиц в результате применения метода искусственного

оплодотворения или имплантации эмбриона, а также ребенка, которого выносила и родила суррогатная мать, и ст. 52, определяющей императивный запрет на оспаривание отцовства и материнства соответствующими лицами со ссылкой на обстоятельства (применение вспомогательных репродуктивных технологий).

В науке семейного права сформировалось несколько направлений исследования вопросов реализации гражданами своих репродуктивных прав посредством участия в соответствующих медицинских программах: соотношение семейного и медицинского законодательства [2], правовая природа договора о суррогатном материнстве и др.

Достаточно разнообразна и практика правоприменения, что, в свою очередь, стало поводом для дачи разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» [5].

В то же время совершенно неисследованным в теории семейного права остается вопрос формирования родительского правоотношения, возникновения родительских прав и обязанностей лиц, являющихся участниками программы по оказанию медицинской помощи такого вида.

Очевидно, что разработчики ныне действующего СК РФ исходили однозначно из того, что заказчиками в программах искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона выступают лишь супруги. В п. 4 ст. 51 СК РФ обозначены «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона», в п. 3 ст. 52 СК РФ ограничения по оспариванию отцовства установлены для супруга, который дал свое согласие на применение вышеуказанных методов.

Но современная действительность демонстрирует настолько разнообразные формы организации семейной жизни, что идея формального признания сохранения традиционных семейных ценностей как принципа семейного законодательства находится под угрозой воплощения. Безусловно, каждый мужчина и каждая женщина имеют право самостоятельно выбирать ту или иную форму реализации репродуктивной функции, особенно при наличии на то медицинских показаний.

Однако суждения о «праве взрослых на ребенка» должны найти продолжение в плоскости правоотношений с участием ребенка, который родился в результате применения, в частности, метода искусственного оплодотворения. Использование генетического материала донора порождает проблему комплексного содержания, а именно правового характера, но осложненную морально-нравственными категориями. Ведь донор и ребенок однозначно являются близкими кровными

родственниками, что может быть подтверждено результатами молекулярно-генетической экспертизы.

Важно отметить, что в упомянутых выше п. 4 ст. 51 СК РФ и п. 3 ст. 52 СК РФ содержатся лишь правила о том, что супруги записываются родителями ребенка, родившегося вследствие применения метода искусственного оплодотворения, и что супруг не может оспорить свое отцовство, ссылаясь на данное обстоятельство.

Примечательно, что Пленум Верховного Суда РФ в п. 32 названного ранее постановления разъясняет, что использование «донорского генетического материала не влечет установления родительских прав и обязанностей между донором и ребенком независимо от того, было данное лицо известно родителям ребенка или нет (анонимный донор)». Кроме этого лицо, являвшееся донором генетического материала, не может ссылаться на то обстоятельство, что оно является «фактическим родителем» ребенка. По тем же основаниям, считает Пленум, не могут быть удовлетворены и требования лиц, записанных родителями ребенка, об установлении отцовства в отношении донора.

Согласимся, в большей степени данные разъяснения ориентированы на перспективу предъявления требований о содержании ребенка, т.е. о взыскании алиментов.

Но вышеприведенные нормы и разъяснения по их применению предполагают предъявление требований родителями («юридическими» или «фактическими»). Согласно ст. 54 СК РФ ребенок имеет право знать своих родителей. Значит ли это, что ребенок имеет право получить информацию о доноре, который является его отцом?

Заметим, что среди лиц, имеющих право оспорить в судебном порядке запись родителей (отцовство или материнство), в п. 1 ст. 52 СК РФ назван и ребенок, достигший совершеннолетия. Таким образом, ребенок может потребовать в итоге установления отцовства в отношении лица, ставшего донором, если это не анонимный донор?

Действующее законодательство предусматривает такой институт, как тайна усыновления (ст. 139 СК РФ), вследствие чего усыновленный ребенок определенным образом ограничен в праве знать своих родителей по крови, если на то нет воли усыновителей. Ребенок, который был рожден вследствие применения метода искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона, не имеет подобных формальных ограничений, в связи с чем не может быть исключена и перспектива подачи им иска об оспаривании отцовства лица, записанного в качестве его отца, и установлении отцовства донора, сведения о котором известны.

Безусловно, смоделированные правовые последствия во многом зависят от усмотрения участников программы по оказанию

медицинской помощи, добросовестного их поведения при заключении и исполнении соответствующих обязательств.

Возвращаясь к негативному прогнозу сохранения традиционных семейных ценностей в структуре родительского правоотношения, нельзя не отметить, что даже Пленум Верховного Суда РФ расширил пределы лексикона: «потенциальные родители», «фактический родитель», «донор генетического материала» и т.п. Почву для дальнейших рассуждений о семейно-правовом статусе «родителей» (используем обобщенное понятие) ребенка, рожденного при применении метода искусственного оплодотворения с участием донора, создают и материалы судебной практики, причем степень разнообразия сюжетной линии соответствующих споров постоянно возрастает.

Итак, некто С.Я. Топова (все персональные данные изменены – *О.И.*) обратилась к К.С. Баранову с иском об установлении отцовства в отношении И.К. Топовой, 2017 года рождения, и Д.К. Топовой, 2017 года рождения, и о взыскании с него алиментов на содержание данных несовершеннолетних [6].

По мнению С.Я. Топовой, ответчик является отцом ее детей, поскольку они вместе участвовали в программе экстракорпорального оплодотворения, в рамках которой ответчик подписывал согласие принимать участие в воспитании будущих детей. Суть претензии С.Я. Топовой заключается в том, что в настоящее время (на момент подачи иска – *О.И.*) К.С. Баранов отказывается подать в орган загса заявление об установлении отцовства, соответственно, не оказывает и помощи истцу в воспитании и содержании детей.

Следует отметить, что суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска. В то время как апелляционным определением судебной коллегии областного суда данное решение было отменено, принято новое решение, которым исковые требования С.Я. Топовой удовлетворены в полном объеме.

Ответчик посчитал необходимым обратиться с кассационной жалобой, вследствие чего судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ выявила существенные нарушения норм материального права.

Кажущееся на первый взгляд элементарным требованием об установлении отцовства, исковое заявление С.Я. Топовой таковым не является.

Более того, правоотношения истца и ответчика, сложившиеся на этапе участия в программе экстракорпорального оплодотворения, отличались спецификой семейно-правового статуса каждого из них.

С.Я. Топова и К.С. Баранов в браке между собой не состояли. Однако К.С. Баранов состоял на момент участия в программе в браке с О.Г. Барановой, с которой имеет двух несовершеннолетних дочерей.

Статус супруга не помешал К.С. Баранову вместе с С.Я. Топовой в январе 2016 года обратиться в ЗАО Медицинский центр «ИРМА» с заявлением о проведении лечения бесплодия методом ЭКО с использованием спермы выбранного истцом донора – К.С. Баранова

Более того, ответчик в этом же заявлении просил произвести криоконсервацию его спермы на один год и использовать ее в течение указанного срока хранения для оплодотворения С.Я. Топовой.

При проведении первого этапа базовой программы ЭКО беременность С.Я. Топовой не наступила.

Спустя несколько месяцев С.Я. Топова повторно, но уже без ответчика, обратилась в тот же медицинский центр с таким же заявлением. После совершения необходимых манипуляций были получены качественные эмбрионы, перенесены С.Я. Топовой, у которой через некоторое время и родились две дочери.

Заметим, что ответчик не оспаривал факт использования его генетического материала.

Позиция суда первой инстанции была основана исключительно на анализе семейно-правовой связи между истцом и ответчиком, вернее, факта ее отсутствия. Ответчик являлся всего лишь донором генетического материала, обязательств по воспитанию и содержанию детей на себя не принимал.

Весьма интересна в данном контексте позиция суда апелляционной инстанции: К.С. Баранов проходил программу ЭКО как «гражданский муж» истца, медико-генетическое обследование не проходил, индивидуальная карта донора на него не заводилась. Именно поэтому суд апелляционной инстанции констатировал, что ответчик проходил программу ЭКО «не в качестве донора половых клеток, а в качестве партнера истца, в связи с чем у него возникли родительские права и обязанности в отношении родившихся у С.Я. Топовой детей».

Мало того, что суд апелляционной инстанции допускает использование понятия «гражданский муж», так еще и полагает, что «партнерские» отношения между истцом и ответчиком могут быть основанием для возникновения родительских прав и обязанностей ответчика в отношении детей, рожденных истцом.

В ходе рассмотрения кассационной жалобы Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ были установлены еще не менее интересные подробности «семейно-правового статуса» истца и ответчика: последний подписал заявление о добровольном согласии на медицинское вмешательство с использованием его спермы в графе «муж».

Заметим, что форма заявления, содержащаяся в Приложении 12 к Порядку использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаний и ограничений к их применению [4], не предусматривает указаний на необходимость обозначения правовых

статусов заявителей (муж/жена), в связи с чем заявление С.Я. Топовой и К.С. Баранова не соответствует установленной форме.

Более того, учитывая, что ЭКО выступает методом лечения бесплодия женщины, автором заявления на участие в программе ЭКО выступает женщина. В связи с этим своей подписью на данном заявлении К.С. Баранов лишь подтвердил указанные его данные как донора генетического материала.

Заслуживает внимания и то, как Судебная коллегия Верховного Суда РФ истолковала фразу «Я обязуюсь ...», наличествующую в тексте заявления истца и ответчика об участии в программе ЭКО. Учитывая единый контекст и смысл всего заявления, эта фраза относится исключительно к отношениям по осуществлению соответствующего медицинского вмешательства.

Именно данный вывод дает основания считать ошибочной позицию суда апелляционной инстанции, согласно которой подпись К.С. Баранова в графе «муж» подтверждает его обязательство принять на себя все права и обязанности родителя.

Коллегия Верховного Суда РФ обратила внимание еще и на то, что ответчик одновременно подчеркнул в заявлении два взаимоисключающих пункта (я обязуюсь взять (не обязуюсь взять) все права и обязанности родителя в отношении будущего ребенка), что не дает оснований для вывода о согласии К.С. Баранова принять на себя обязательства в отношении будущих детей.

Как уже было отмечено, на первом этапе программы беременность С.Я. Топовой не наступила.

Как следует из п. 25 указанного Порядка, решение о дальнейшей тактике принимает лицо, которому принадлежат эмбрионы, с оформлением среди прочих документов договора о донорстве.

Интересная деталь: К.С. Баранов в своем заявлении просит произвести криоконсервацию его генетического материала на год и использовать материал для оплодотворения С.Я. Топовой, но договор о донорстве между медицинским учреждением и К.С. Барановым заключен не был по не зависящим от ответчика причинам.

Таким образом, правоотношения между медицинским центром и ответчиком после неудачной беременности истца на первом этапе программы ЭКО частично закончились, продолжало действовать лишь указание относительно криоконсервации.

Как следует из материалов дела, на повторную программу С.Я. Топова приехала одна, подписи в соответствующем заявлении от имени К.С. Баранова сделаны истицей. Однако в заявлении С.Я. Топова просит «провести ей ЭКО с использованием ооцитов профессионального донора».

Данная процедура в соответствии с названным ранее Порядком является более технологичным способом, не охватывается рамками

базового этапа проведения ЭКО, признается самостоятельным медицинским вмешательством.

Таким образом, данная процедура была осуществлена по единоличному волеизъявлению С.Я. Топовой на основании только ее информированного добровольного согласия.

Налицо и нарушение со стороны медицинского учреждения: при отсутствии договора о донорстве между клиникой и К.С. Барановым генетический материал последнего был использован для проведения медицинского вмешательства С.Я. Топовой (напомним, она дала согласие на «ЭКО с применением ооцитов профессионального донора») как материал неанонимного донора.

Таким образом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ полагает, что принятое судом первой инстанции решение является законным.

Вышеизложенное позволяет сделать несколько формальных выводов:

- во-первых, действующее законодательство регламентирует отношения по установлению правоотношений между родителями и детьми, родившимися в результате применения ЭКО, только для лиц, имеющих статус супругов;

- во-вторых, в той ситуации, когда мужчина и женщина не состоят в браке между собой, даже если мужчина и принимает «обязательство» в отношении будущих детей, это не может быть основанием для безусловного возникновения его родительских прав и обязанностей. Установление отцовства в данном случае происходит в добровольном порядке посредством подачи заявления установленной формы в орган загса (п. 3 ст. 48 СК РФ);

- в-третьих, существует объективная потребность в приведении документов, оформление которых сопровождает процедуру ЭКО, в соответствие в общими началами и нормами семейного законодательства.

Но нельзя оставить за пределами внимания и следующее.

История, повлекшая за собой настоящее судебное разбирательство, демонстрирует наглядно проблему приоритета интересов потенциальных родителей перед интересами будущих детей, с целью рождения которых мужчина и женщина участвуют в программе ЭКО. Напомним, К.С. Баранов в течение всего этого периода состоит в браке, он имеет несовершеннолетних детей, но при этом выступает донором генетического материала для другой женщины. Кстати, будучи осведомленной о семейно-правовом статусе ответчика, С.Я. Топова сознательно шла на создание неполной семьи.

Невозможно не отметить еще раз и позицию носителя публичной власти, публичного интереса. Суд апелляционной инстанции признает «партнерство» женщины с донором спермы как основание для

установления отцовства, констатируя тем самым статусность фактического союза.

Безусловно, применение процедуры ЭКО может быть определено как объективными, так и субъективными причинами, но в любом случае это должно быть ответственное решение исходя из цели – рождение ребенка. Приведенная история наглядный тому пример: при всей иронии относительно социальной безответственности С.Я. Топовой и К.С. Баранова по использованию генетического материала ответчика в удовлетворении иска об установлении отцовства и взыскании алиментов отказано, права ребенка нарушены его родителями.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Правительства РФ от 22 октября 2012 г. № 1074 «О программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Приказ Минздрава России от 30.08.2012 г. № 107н (ред. от 01.02.2018 г.) «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 г. № 27010) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2019 г. № 64-КГ19-6 // Информационная база «СудАкт».

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); SPIN-код: 8737-6386, e-mail: kinder_advokat@rambler.ru

**STATUS OF PARTICIPANTS IN THE IN VITRO FERTILIZATION
PROGRAM IN THE CONTEXT OF PARENTAL RIGHTS
AND RESPONSIBILITIES**

O.U. Ilina

Tver State University

The article examines the problem of determining the family legal status of a man participating in the in vitro fertilization program. The author examines the grounds and content, specifics and legal consequences of using this type of assisted reproductive technologies. The conclusion is formulated about the potential expansion of the circle of persons who have parental rights and responsibilities in relation to a child born as a result of the use of these methods.

Keywords: *family law; parental rights and responsibilities; in vitro fertilization; establishment of paternity.*

About the author:

ILINA Olga – doctor of Jur. Sciences, Professor, Dean of the faculty of law of Tver state University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33); SPIN-code: 8737-6386, e-mail: Ilina.OY@tversu.ru

Ильина О.Ю. Статус участников программы экстракорпорального оплодотворения в контексте возникновения родительских прав и обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 108 – 116.

О СВЯЗИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С СИСТЕМОЙ ПРАВА

И.А. Кузьмин

Иркутский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», г. Иркутск

Статья посвящена исследованию проблемы связи юридической ответственности с системой права. Рассмотрены проблемы методологии исследования юридической ответственности как элемента системы права – межотраслевого института. Обозначены недостатки традиционных подходов к пониманию юридической ответственности и, на этой основе, предложено авторское видение юридической ответственности на уровне объективного и субъективного права. Юридическая ответственность в объективном смысле представляет собой закрепленные в санкциях правовых норм меры государственного принуждения, а в субъективном смысле – обязанность конкретного правонарушителя данные меры претерпеть. Специфика института юридической ответственности раскрыта, в том числе, с учетом реализации (динамики) ответственности и ее правотворческого конструирования. Показано взаимодействие между процессом материализации и последующего исполнения наказания с системой права.

***Ключевые слова:** позитивная юридическая ответственность, негативная юридическая ответственность, юридическая ответственность в объективном смысле, юридическая ответственность в субъективном смысле, система права, институт юридической ответственности, коллизии, государственное принуждение.*

Сохраняющиеся длительное время проблемы в понимании юридической ответственности во многом связаны с ее искаженным восприятием через призму системы права. Назовем некоторые из них.

Увлеченность большинства авторов идеями позитивной юридической ответственности (за будущее поведение) зачастую приводит к размыванию поднятой ими проблематики, которая отдаляется от реальных научных и практических потребностей. Между тем связь между негативной и позитивной формами ответственности обычно не отражается. Категоричные утверждения о том, что юридическая ответственность должна детально соответствовать всем основным признакам социальной ответственности, отрицая возможность существования видовых отличий [2, с. 15 – 16], противоречат формальной логике. Обращение к концепции позитивной ответственности в работах стало, своего рода, данью традиции, количественно увеличивающей объем публикаций при снижении их качества и «общего КПД». Анализ взаимодействия ответственности с

системой права и системой законодательства в названных обстоятельствах существенно усложняется. Не питая иллюзий, мы все-таки сохраняем надежду, что в будущих работах подобной тематики осмысление и характеристика «позитивной» стороны ответственности будут становиться более критическими и практико-ориентированными.

Следующим методологическим шаблоном работ, посвященных сущности юридической ответственности, является перечисление наиболее известных подходов к пониманию негативной ответственности. При всех достоинствах знаний о плюрализме мнений отсутствие надежной основы для изучения ответственности с точки зрения объективного и субъективного права в структуре правовой системы, системы права и системы правового регулирования лишь свидетельствует об описательном подходе. Иными словами, мы подразумеваем необходимость соблюдения, помимо плюрализма, также принципов единства, всесторонности и комплексности исследования.

Стремление рассмотреть понятие юридической ответственности посредством обращения к процессу ее осуществления – весьма странный с точки зрения методологии, но распространенный фактически подход – создает известные проблемы. Если раскрывать суть ответственности через применение мер государственного принуждения [10, с. 4; 9, с. 140], то отличить саму ответственность от ее реализации становится практически невозможно. Подобный «оттенок» имеет позиция С.С. Кузакбирдиева и Е.А. Цишковского [13, с. 66 – 68, 76], которые утверждают, что сущность ответственности выражена в юридической, прежде всего официальной, оценке поведения правонарушителя. По мнению авторов, ответственность, не получившая официальную оценку, таковой считаться не может и, видимо, возникает в момент вынесения правоприменительного акта, а не после совершения противоправного деяния. Иными словами, лицо привлекается к ответственности не за правонарушение, а за то, что было обнаружено и в отношении него вынесено властное решение! С таким подходом не согласен Н.В. Витрук [6, с. 32–34]. Попытки отдельных исследователей и практикующих юристов увидеть в сущности ответственности реализацию санкции можно понять, в свете стремления отодвинуть сложные вопросы на второй план и сконцентрироваться на процессуальной составляющей. Однако с такой позицией согласиться нельзя.

Отдельное внимание следует уделить работам, в которых законодательные конструкции ответственности и их официальные толкования приравниваются к неопровержимым, иногда аксиоматичным доказательствам наличия или отсутствия выдвигаемых авторами воззрений общетеоретического характера. Законодательство и официальные акты толкования права всегда должны быть результатом развития юридической науки, в противном случае мы меняем причину и

следствие местами и приравниваем субъективное формально-выраженное мнение публичных субъектов к научному факту, что изначально неверно, порочно и даже опасно. Например, искусственное разделение в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации [1] освобождения от уголовной ответственности (гл. 11) и наказания (гл. 12) приводит некоторых исследователей к выводам, что до начала реализации ответственности имеет место освобождение от нее, а после реализации – освобождение от наказания [2, с. 541]. Однако при ближайшем рассмотрении можно понять, что и в первом, и во втором случае следует говорить об освобождении от ответственности, но на разных стадиях ее реализации. Несмотря на имманентную нормативную связь юридической ответственности с системой права, надлежит помнить, что правотворческая и правоприменительная деятельность осуществляется конкретными людьми, действующими в определенных политических (корпоративных) рамках и принимающих властные решения, руководствуясь своими мотивами, интересами, как правило далекими от непредвзятого мировоззрения и критического научного подхода.

Излишне упоминать, что представители отраслевых наук, используя понятия, выработанные общей теорией юридической ответственности, часто допускают серьезные ошибки, разрушая категориально-терминологический аппарат и внося методологические рассогласования. В.В. Гладкий по этому поводу замечает, что «в своих общетеоретических и отраслевых исследованиях многие учёные формируют представление об ответственности, основываясь на признаках той или иной отраслевой ответственности... однако недопустимо допускать, чтобы юридическая ответственность в итоге превратилась в ту или иную отраслевую ответственность» [8, с. 42 – 43]. Юридическая ответственность – это ядро системы права [15, с. 188]. Примечательно, что ее онтологическая характеристика зачастую связывается с положениями действующего законодательства [3, с. 48].

При расширительном подходе к изучению негативного действия факторов, порождающих проблемы в понимании юридической ответственности и системы права, обнаруживаются новые перспективы для совершенствования юридической науки и практики, требующие самостоятельного изучения в масштабах всего мира, привлечения широких слоев общественности. Однако в рамках поднятой тематики мы не имеем возможности остановиться на упомянутых вопросах подробнее.

Юридическая ответственность получает свое закрепление в санкциях правовых норм в виде специальных мер государственного принуждения (наказаний), которые могут наступить за совершение противоправных деяний, указанных в гипотезах этих норм. Данные правовые предписания и следует рассматривать в качестве кирпичиков

нормативной подсистемы юридической ответственности. Нормы, складываясь в нормативные подсистемы внутри отдельных отраслей права, образуют соответствующие отраслевые институты ответственности. В свою очередь, единство всех отраслевых институтов юридической ответственности образует межотраслевой институт ответственности. Попытки объединить отраслевые институты ответственности между собой на основе иных признаков могут привести к появлению укрупненных форм ответственности на уровне правовых общностей: публично-правовая и частноправовая, материально-правовая и процессуально-правовая ответственность и т.д. Воплощение юридической ответственности с точки зрения ее закрепления в нормах права (без привязки к правоотношениям) мы называем юридической ответственностью в объективном смысле.

Выделение позитивной юридической ответственности в качестве самостоятельной правовой категории считаем методологической ошибкой, которая размывает понятие юридической ответственности и отрывает ее от своей нормативной основы. В противном случае любая существующая норма права, нарушение которой способно повлечь наступление юридической ответственности, будет являться нормой юридической ответственности. Эффективное действие юридической ответственности – важное условие обеспечения правомерного поведения и правопорядка, но отождествлять ответственность и правомерное поведение представляется нам сомнительным решением. Для интересов юридической практики говорить о реальной пользе позитивной ответственности за будущее поведение не приходится. Негативная, по-настоящему правовая, ответственность выполняет регулятивную функцию и вытекающие из нее превентивную, праввосстановительную и иные функции, достаточные для того, чтобы считать ее полноценным средством механизма правового регулирования. Показательным является тот факт, что в энциклопедии «Конституционное право» под редакцией С.А. Авакьяна [12] – одного из корифеев теории конституционно-правовой ответственности – позитивно-правовой смысл ответственности не раскрывается [4, с. 93–94].

В конечном же итоге мы придерживаемся мнения, что абсолютно отрицать существование позитивной правовой ответственности [11, с. 6] не следует, но важно оговаривать ее междисциплинарный характер, на стыке философии, социологии, психологии и юриспруденции. В праве позитивная ответственность может приобретать значение, например, при изучении субъективной стороны правонарушения в контексте его целей и мотивов. А.В. Кузьмина, проведя анализ теоретико-методологических исследований, выстраивает модельную структуру мотивационных правоприменительных ресурсов субъектов юридических отношений, обособляя 14 групп ресурсов и размещая их

по степени мотивационной эффективности. В этой структуре боязнь правовой ответственности и юридического наказания стоит на второй позиции, уступая только страху за собственную жизнь и безопасность, а также за благополучие близких людей [14, с. 34]. Результаты анализа изначально были предназначены для использования в законотворческой деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Реализация юридической ответственности происходит на основе специальных норм, регламентирующих порядок ее возложения, а также определяющих уполномоченных субъектов, которые официально участвуют в соответствующем процессе. Данные нормы образуют необходимый правовой фундамент для процессуальной и организационной подсистемы юридической ответственности. У правонарушителя юридическая ответственность становится частью его правового статуса и закрепляется в нем в виде обязанности претерпеть наказание. Здесь мы наблюдаем преломление норм ответственности через специфические свойства юридического факта – противоправного деяния – и ее закономерный переход в новое воплощение – юридическую ответственность в субъективном смысле. Значение юридических фактов в динамике системы юридической ответственности относится к серьезным вопросам правотворчества и правоприменения [7, с. 69 – 71], характеризует условия-индикаторы ее эффективности и социальной востребованности, на что особо обратил внимание В.С. Бялт [5, с. 9].

Понимание юридической ответственности в объективном и субъективном смысле позволяет избежать противоречий между ее частными трактовками как порождения объективного и субъективного права, органично объединяет в единую концептуальную мировоззренческую картину практически все известные проявления ответственности в праве. Одновременно с этим возникает возможность проследить нормативную связь между ответственностью и системой права, которая усложняется по мере материализации наказания и прекращается после его исполнения либо в любой другой момент при наличии законных оснований. Двуетное понимание юридической ответственности, разработанное В.М. Горшеневым, В.А. Кучинским и Н.А. Пьяновым, получает все большее развитие и в обозримом будущем претендует на роль ведущего методологического ориентира в соответствующих научных исследованиях.

Таким образом, в качестве источника проблем понимания юридической ответственности в системе права мы видим систему разноуровневых и многообразных факторов, совместное действие которых препятствует складыванию единого теоретико-методологического осознания правовой природы ответственности. В целях минимизации и последующего устранения негативного

полифакторного воздействия на восприятие образа юридической ответственности предлагается взять за основу названные выше базовые познавательные установки, адаптированные для предметного и непротиворечивого изучения ответственности в системе права.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 27.12.2019 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2020).
2. Антология юридической ответственности: в 5 т. / отв. ред. Р.Л. Хачатуров. Самара: Ас Гард, 2012. Т. 1. 544 с.
3. Беженцев А.А. Онтологический и гносеологический подходы к сущности административного правонарушения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4 (60). С. 42 – 50.
4. Боброва Н.А. Позитивная конституционная ответственность или вид юридической безответственности // Вестн. Международного института рынка. 2017. № 2. С. 89 – 94.
5. Бялт В.С. К вопросу о понятии и содержании юридической ответственности: теоретико-правовой аспект // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43). С. 9 – 16.
6. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2009. 259 с.
7. Волчецкая Т.С., Примаков Т.К. Новая интерпретация понятия «юридический факт» с позиций ситуационного подхода // Вестн. Калининград. филиала Санкт-Петербург. ун-та МВД России. 2017. № 4 (50). С. 69 – 72.
8. Гладкий В.В. Проблемы универсального понимания термина «юридическая ответственность»: исторический контекст // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 4 (24). С. 37 – 50.
9. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1983. 142 с.
10. Игнатенко В.В. Юридическая ответственность участников выборов: учеб. пособие. Иркутск: Избират. комис. Иркутской обл., 2006. 88 с.
11. Кожевников В.В. К проблеме теории юридической ответственности // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2018. № 28. С. 5 – 19.
12. Конституционное право: энцикл. словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Норма, 2000. 688 с.
13. Кузакбирдиев С.С., Цишковский Е.А. Понятие и сущность юридической ответственности (вопросы теории). Тюмень: Тюмен. ин-т повыш. квалиф. сотруд. МВД РФ, 2002. 77 с.
14. Кузьмина А.В. Культура реализации права и её роль в гармонизации конструктивных интересов субъектов юридических отношений: анализ теоретико-методологических исследований. М.: Гос. Дума, 2015. 80 с.
15. Пикин И.В., Пикина Т.В. Проблема определения правового статуса личности при юридической ответственности // Вестн. Владимир. юридического института. 2015. № 1. С. 188 – 190.

Об авторе:

КУЗЬМИН Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (Россия, Иркутск, ул. Шевцова, 1); SPIN-код: 2206-9144, e-mail: grafik-87@mail.ru

THE RELATIONSHIP OF LEGAL LIABILITY WITH THE SYSTEM OF LAW

I.A. Kuzmin

Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor of the Russian Federation, Irkutsk City

The article is devoted to the study of the problem of the relationship of legal liability with the system of law. The problems of the methodology of the study of legal liability as element of the system of law – interdisciplinary institution are considered. Deficiencies of traditional approaches to understanding legal liability are identified and, on this basis, an author's vision of legal liability at the level of objective and subjective law is proposed. Legal liability in an objective sense is a measure of state coercion enshrined in the sanctions of legal norms, and in the subjective sense is the duty of a specific offender to undergo these measures. The specifics of the institute of legal liability is disclosed, including, taking into account the implementation (dynamics) of liability and its law-making construction. The interaction between the process of materialization and the subsequent execution of punishment with the system of law is shown.

Keywords: *positive legal liability, negative legal liability, legal liability in an objective sense, legal liability in a subjective sense, system of law, the institution of legal liability, conflicts, state coercion.*

About the author:

KUZMIN Igor – PhD, assistant professor of the department of theory and history of state and law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Irkutsk, Shevtsova st. 1); SPIN-code: 2206-9144, e-mail: grafik-87@mail.ru

Кузьмин И. А. О связи юридической ответственности с системой права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 117–123.

ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПОЛОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Е.С. Любвенко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу пробелов в правовом регулировании различных категорий населения Древнерусского государства. Категории выбраны автором по гендерному признаку, учитываются возрастные особенности индивида. Особое внимание уделено пробелам в регулировании правового статуса священнослужителей в тяжёлый для них период становления христианства на Руси, а также рассмотрены особенности правового положения привилегированного класса феодалов. В процессе исследования использовался исторический (хронологический), формально-юридический, сравнительно-правовой и другие методы. Результаты, полученные в ходе написания статьи, могут быть использованы в дальнейшем, при детальном анализе пробелов правового регулирования любой из обозначенных категорий населения. Материал, содержащийся в работе, может быть использован при диахронном анализе соответствующих правовых институтов в более поздний период развития отечественного государства.

Ключевые слова: *Русская правда, правовое положение, имущество, князь, феодал, дружина, Киевская Русь, поток и разграбление, Салическая правда, разбой, солиды, священник, поп.*

Основными письменными источниками общерусского права древнего государства, дающими нам сведения о правовом положении его населения, являются Русская правда в трёх её редакциях и договоры с Византией (911 и 944 гг.). Русская правда – важнейший источник древнерусского права в подлиннике не сохранилась, её содержание известно нам по многочисленным спискам. С содержанием договоров нас знакомит Повесть временных лет, об авторстве которой до сих пор идут споры. С правовой природой Русской правды не всё так однозначно в отечественной историографии.

Следует отметить, что вышеупомянутые правовые акты не содержат достаточных, с позиции сегодняшнего дня, характеристик правового положения некоторых категорий населения. Это замечание прежде всего относится к ближайшему окружению князя, священнослужителям, женщинам, несовершеннолетним.

Дети в древнерусском государстве ещё не представляли ценности как индивиды и члены общества. Русская правда защищала только их имущественные права. Вместе с тем дети могли наследовать по закону. Их имуществом мог пользоваться опекун, извлекать доход, но само оно должно быть возвращено. Если мать, как опекун, растратит имущество и повторно выйдет замуж, то стоимость утраченного возмещается,

предположительно, новым супругом. Даже приплод зависимой женщины (челяди) был собственностью господских детей, а не их матери (ст. 99 – 101 Пространной редакции Русской правды). Но вместе с тем вопросам защиты их личности, в том числе от жестокого обращения со стороны родителей, достаточного внимания на законодательном уровне не уделялось.

Только с XVI в. установлением Стоглавого Собора при Иване IV забота о детях становится делом всего общества [4, с. 172].

Теперь что касается правового положения женщины. По мере формирования и укрепления государства оно меняется. В договоре с Византией 911 г. уделяется внимание вопросу защиты имущественных интересов женщины. В тексте договора (п. 4) говорится следующее: «...жена убившего да имеет» [1, с. 7]. В переводе А.А. Зимина эта фраза звучит следующим образом: «...но жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по обычаю» [1, с. 11]. Речь идёт не о наследовании, а о запрете конфискации её имущества, как мере наказания за преступление, совершённое её мужем. Исходя из этой расплывчатой формулировки, можно сделать ряд предположений. Как вариант – о раздельном режиме собственности супругов (по примеру Древнего Рима). Возможно, режим супругов предполагал совместную собственность, но с оговоркой, что приданое и подаренное мужем – это собственность жены, не подлежащая конфискации. Я склоняюсь ко второму варианту, который позже нашёл отражение в тексте Русской правды. Нормами Русской правды женщина ограничивалась в имущественных правах. Из полновластной хозяйки имущества семьи после смерти мужа она становилась уже смотрительницей за его сохранностью, устранялась от наследования по закону.

Иначе, чем в договоре с Византией 911 г., решалась судьба женщины, муж которой совершил убийство, по нормам Русской правды. Так, ст. 7 Пространной редакции гласит: «Будет ли стал на разбой без всякой свады, то за разбойника люди не платят, но выдадут и всего с женою и с детьми на поток и на разграбление» [2, с. 64]. Поток и разграбление в качестве наказания означали, как правило, изгнание из общины и конфискацию всего имущества. Изгнанные из общины считались чужаками и могли быть убиты в любое время. Объективное вменение в отношении супруги может объясняться прежде всего особенностями семейных взаимоотношений того времени. После свадьбы супруг становился полновластным хозяином своей супруги.

Вопросы заключения и расторжения брака, наказаний за некоторые преступления (касающиеся половой неприкосновенности, оскорбления, нанесения побоев) были вынесены за рамки Русской правды и содержались в Церковном уставе князя Ярослава Владимировича.

С XV в. начинается период затворничества для представительниц знатных родов. Такая девушка – хороший товар для сделки – брака.

Следует также упомянуть об отсутствии правовой регламентации политических прав женщин в Древнерусском государстве. Зачатки политических прав у женщин появятся на уровне функционирования Советов во время буржуазно-демократической революции в России.

Что касается привилегированного класса феодалов, то он отличен во временном выражении. Если до конца X в. – это князь и его приближённые, то с конца X в. сюда включаются уже все бояре. Такой вывод позволяет сделать анализ текста Русской правды Краткой и Пространной редакций. В Краткой редакции дороже стоит жизнь княжеского огнищанина, тиуна, сельского старосты. В Пространной редакции установлена усиленная правовая защита личности всех бояр и их имущества, привилегии при наследовании. Вместе с тем класс феодалов был весьма разнообразен и многие из них осуществляли управленческие функции. Это в большей степени относится к дружинникам князя, как к представителям феодальной знати. При этом их права и обязанности не получили детального комплексного правового закрепления в нормах Русской правды [2, с. 64–80]. Правда упоминает мечника (ст. 86) и княжеского отрока (ст. 86) в качестве организаторов проведения испытания железом в рамках доказывания по судебному делу, тиуна (посадника), руководившего поимкой беглых холопов в городе (ст. 114). Оно и понятно. Русская правда представляется в основной своей массе как уголовный и уголовно-процессуальный правовой сборник. Отсутствие норм, регламентирующих порядок управления, ответственность должностных лиц, не позволяет должным образом определить правовой статус представителей привилегированного класса.

В Русской правде ничего не говорится о правовом положении священнослужителей. В этой связи возникает вопрос о механизмах защиты жизни, здоровья и имущества священнослужителей в Древнерусском государстве. Были ли законодательно определены особенности защиты прав этих субъектов, учитывая важность их миссии по христианизации населения Киевской Руси? Вместе с тем в период борьбы с волхвованием жизнь и здоровье священнослужителей подвергались большой опасности. Довольно часто на них нападали собственные холопы. Священники подвергались нападениям и притеснениям как со стороны населения, так и со стороны представителей привилегированного класса.

Если мы возьмём в качестве примера Салическую правду франков (с V по IX в. с капитуляриями), то в титуле LV (55) увидим, что жизнь священника стоит 600 солидов, епископа – 900 солидов. При этом жизнь простого свободного человека стоила всего 200 солидов. В древнерусских источниках общегосударственного значения подобных норм нет. И только в договоре Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами 1189 – 1199 гг. будет специально обозначена

ответственность за убийство священника: «...оже убьют поп новгороцкое или Немецкѣе Новгороде, то 20 гривен серебра за голову». Столько же стоила жизнь новгородского и немецкого посла. Жизнь новгородского и немецкого купца оценивалась в два раза дешевле – 10 гривен серебром [3, с. 140 – 141]. Такое нормативное установление можно объяснить возрастанием роли духовенства в княжестве Новгородском в целом и в торговле в частности. Так, архиепископ скреплял международные договоры новгородских купцов, являлся хранителем мер и весов. Именно вокруг церкви объединялись купеческие корпорации. В качестве примера можно привести «Ивановское сто» – это купеческое объединение при храме Иоанна Предтечи на Окопах в Новгороде (п. 4 – 6, 15 Устава великого князя Всеволода «О церковных судах и о людех и о мерилах торговых») [2, с. 250–251]. Это братство, как следует из Рукописания князя Всеволода, относилось к числу привилегированных, пять старост и тысяцкий совместно вершили суд по торговым делам [2, с. 273–274].

Таким образом, мы видим неразвитость письменного общегосударственного права в период Древнерусского государства. Наравне с письменным правом широко применялись обычаи. Возможно, именно последние могли бы внести ясность в правовой статус вышеуказанных групп населения. Однако западноевропейской традиции публикации сборников права частными лицами Древнерусское государство, к сожалению, не знало.

Список литературы

1. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952. 287 с.
2. Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. Т. I: Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. 432 с.
3. Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского) права: учеб. пособие / под ред. А. В. Серёгина, М.А. Черкасова. М.:Юрлитинформ, 2020. 376 с.
4. Чернова М. А. Развитие ювенальной юстиции в дореволюционной России // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 6. С. 172 – 175 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-yuvenalnoy-yustitsii-v-dorevolyuatsionnoy-rossii/viewer> (дата обращения: 05.05.2020).

Об авторе:

ЛЮБОВЕНКО Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1744-9642, e-mail: ponochka0606@gmail.com

GAPS IN THE LEGAL REGULATION OF THE POPULATION IN THE OLD RUSSIAN STATE

E.S. Lyubovenko

Tver State University

The article is devoted to the analysis of gaps in the legal regulation of various categories of the population of the Old Russian state. Categories are selected by the author by gender, age characteristics of the individual are taken into account. The article focuses on gaps in the regulation of the legal status of clergy during the difficult period for them to establish Christianity in Russia, and also considers the features of the legal status of the privileged class of feudal lords.

Keywords: *Russian truth, legal status, property, prince, feudal lord, squad, Kievan Rus, stream and plunder, Salitskaya truth, robbery, solidarity, priest, priest.*

About the author:

LYUBOVENKO Elena – PhD, assistant professor of the department of theory of law of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 1744-9642, e-mail: ponochka0606@gmail.com,

Любовенко Е.С. Пробелы в правовом регулировании положения населения в древнерусском государстве // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 124 – 128.

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, КАК ФОРМА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В.М. Морозов¹, О.А. Толпыго²

¹ Гуманитарный институт Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир

² Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования ресоциализации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, понятия ресоциализации как формы профилактического воздействия. Обозначены пробелы законодательного закрепления социально-экономических мер ресоциализации, рассмотрено соотношение понятия ресоциализации с другими мерами профилактического воздействия, также обозначена проблематика применения ресоциализационных мер по отношению к лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы. Сформулированы предложения по изменению уголовного-исполнительного законодательства и законодательства по профилактике правонарушений. Затрагиваются проблемы закрепления комплекса мер ресоциализации на уровне субъектов РФ. Акцентируется внимание на стремлении законодателя обособить категорию лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы, от других лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Ключевые слова: ресоциализация, профилактика правонарушений, социальная адаптация, формы профилактического воздействия, осужденный, уголовно-исполнительное законодательство, цели исполнения наказания, социальная реабилитация, лишение свободы.

Ежегодно наблюдается общая тенденция снижения числа осужденных, что целесообразно рассматривать как результат гуманизации сферы исполнения наказания и либерализации уголовно-исполнительной политики. Общеизвестно, что отбывание наказания в местах лишения свободы и последующее освобождение является трудной жизненной ситуацией для человека. Дальнейшее законопослушное поведение личности в обществе возможно только при максимальной поддержке самого общества сразу после освобождения. Политика государства в сфере правового регулирования в этой области должна направлять общество на толерантное отношение к лицам, отбывавшим наказание в виде лишения свободы, максимально поддерживать и оказывать содействие для реинтеграции данных лиц в общественные отношения сразу после освобождения. Также важность изучения вопросов ресоциализации в последнее время возможно обосновать увеличением научных исследований по данной проблеме, в частности затрагивающих вопросы разработки и внедрения Дорожной

карты ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него в целях усовершенствования федеральной системы ресоциализации [1, с. 42].

Законодательное закрепление понятия ресоциализации мы находим в ст. 25 Федерального закона от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ О профилактике правонарушений), как комплекса мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера. По смыслу данного федерального закона ресоциализация является формой профилактического воздействия и вправе осуществляться субъектами профилактики правонарушений: федеральными органами исполнительной власти; органами прокуратуры; следственными органами Следственного комитета; органами государственной власти субъектов; органами местного самоуправления. Также выделена особая цель применения данных мер, свидетельствующая об обособлении от других форм профилактического воздействия.

На наш взгляд, данная норма требует дополнения, несмотря на то, что понятие ресоциализации довольно полно и широко раскрывает сущность, предоставляет широкие возможности для ее реализации всем субъектам профилактики правонарушений; общественные отношения, регулирующие данную сферу, требуют большей практической направленности и определенности, а также дополнительного правового регулирования. Стоит отметить, что вопросы постпенитенциарной ресоциализации лиц рассматриваются во многих научных исследованиях. Ряд исследователей полагает, что трудности постпенитенциарной ресоциализации во многом связаны с правовой скупостью законодателя и недостаточным закреплением комплекса конкретных мер ресоциализации на уровне федерального законодательства [5, с. 21–23].

Широкий комплекс мер ресоциализации захватывает различные субъекты профилактики правонарушений. Исходя из практики, возможно предположить, что первоначальные меры педагогического характера реализуются Федеральной службой исполнения наказания России (далее – ФСИН России), как органом, исполняющим наказание, в рамках воспитательной работы с осужденными, регламентированной уголовно-исполнительным законодательством и ведомственными приказами и инструкциями. Применение мер социально-экономического характера относится к компетенциям органов исполнительной власти субъектов РФ, которые, исходя из своих

полномочий, имеют возможность обеспечения указанных мер посредством нормативно-правового регулирования и соответствующего финансирования.

Основные меры социально-экономического характера должны включать в себя мероприятия по улучшению жилищных условий и трудоустройства лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Жилищные условия и трудоустройство – это обязательные элементы, способствующие включению освободившегося в общественные отношения и социальные связи. Модель правопослушного поведения и образ жизни «примерного добропорядочного гражданина» – залог успеха на пути к реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы.

Согласно ст. 130 Уголовно-исполнительного кодекса РФ труд является обязательным для осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы. Администрацией исправительных учреждений создаются определенные условия труда на производстве, при обслуживании территории и инфраструктуры исправительных учреждений. Примечательно, что во Владимирской области функционирует колония-поселение, представляющая собой сельскохозяйственное предприятие, где большая часть осужденных занята в животноводстве и растениеводстве, а также трудоустроена подсобными рабочими на предприятиях г. Вязники. Все сельскохозяйственные работы организованы специально созданным федеральным государственным унитарным предприятием «Владимирское» [6]. Осужденными приобретаются профессиональные навыки трудовой деятельности на сельскохозяйственном предприятии позволяющие решить проблему трудоустройства после освобождения, так как сельское хозяйство является одним из перспективных направлений экономики России.

Вопросы жилищного обеспечения и трудоустройства лиц, отбывших наказание, способны решить органы исполнительной власти субъектов РФ, что успешно реализуется во многих регионах с учетом возможностей органов местного управления и бюджетного финансирования.

С учетом положений ст. 11 ФЗ О профилактике правонарушений органы государственной власти субъектов наделены полномочиями осуществлять нормативно-правовое регулирование в сфере профилактики правонарушений. Можно предположить, что законодатель намеренно ограничивается понятием ресоциализации без описания комплекса мер и средств ее реализации. Предоставляется определенная инициатива для органов государственной власти субъектов, также наделенных полномочиями осуществлять профилактику правонарушений в таких формах профилактического воздействия, как социальная адаптация, ресоциализация, социальная

реабилитация и помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми.

На наш взгляд, законодательное закрепление определенного минимума, перечня, стандарта мер социально-экономического характера, оказываемых в качестве помощи лицам, отбывшим уголовное наказание в виде лишения свободы, позволит усовершенствовать и внести определенную ясность в федеральную систему ресоциализации. Также это будет способствовать эффективной реализации мер социально-экономического характера в субъектах РФ.

По отношению к лицам, освободившимся из мест лишения свободы, наравне с ресоциализацией также возможно применение таких форм профилактического воздействия, как социальная адаптация и социальная реабилитация. Данные меры тесно переплетаются друг с другом и на практике применяются в комплексе. Сравнивая данные нормы, становится очевидным их значительное сходство, что создает определенные заблуждения относительно соотношения ресоциализации с иными формами профилактического воздействия [2, с. 35].

Рассматривая другие виды мер профилактического воздействия, применение которых возможно по отношению к лицам, освобожденным из мест лишения свободы, целесообразно провести аналогию с социальной адаптацией, предусмотренной ст. 24 ФЗ О профилактике правонарушений. Комплекс мер, составляющий социальную адаптацию, направлен на оказание помощи лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, а также содержит перечень мер обеспечения социальной адаптации. Также определяются категории лиц, оказывающихся в трудной жизненной ситуации, содержатся ссылки на нормативно-правовые акты, в соответствии с которыми указанные лица получают государственную социальную помощь и социальные услуги.

Общеизвестно, что большинство лиц, отбывших наказания в местах лишения свободы, оказываются в сложной жизненной ситуации, и вопрос трудового и бытового обеспечения для данной категории лиц также является актуальным. Представляется целесообразным включить в ст. 25, закрепляющую ресоциализацию, положение о возможности применения мер социальной адаптации, предусмотренных ст. 24 к лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы.

Также социальная адаптация фигурирует как задача уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ). За ФСИН России закреплена задача организации деятельности по оказанию осужденным помощи в социальной адаптации Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний». Понятие, меры, средства ресоциализации не находят отражения в других нормативно-правовых актах, что выступает определенным пробелом законодательного регулирования в данной сфере. На наш взгляд, понятие ресоциализации должно быть указано наравне с

социальной адаптацией в рамках уголовно-исполнительного законодательства, так как ФСИН России, как субъект профилактики правонарушений, в соответствии со своими задачами и полномочиями выполняет функции ресоциализации во время исполнения наказания, готовит осужденных к интеграции в общество, что не вступает в противоречие с понятием ресоциализации, закрепленной ФЗ О профилактике правонарушений.

Анализируя последовательность уголовно-правовых отношений личности и государства, целей исполнения наказания, следует отметить, что первоначальные ресоциализационные мероприятия проводятся еще на этапе исполнения наказания. После освобождения наличие судимости, напротив, может подтолкнуть лицо, не демонстрирующее ранее устойчивую асоциальную направленность, на криминальный путь. У него могут возникнуть проблемы с трудоустройством, следствием чего может стать ухудшение материального положения, психологического климата в семье, что будет способствовать рецидиву [3, с. 105].

Непрерывность и комплексность ресоциализационных мероприятий во время и после освобождения необходима для дальнейшего положительного развития личности и его законопослушного поведения. Законодательное обособление ресоциализации как формы профилактического воздействия от уголовно-исполнительного законодательства несет негативный характер, так как непрерывность ресоциализации до и после освобождения лица обуславливает ее эффективность [4, с. 208 – 213].

Безусловно, нормативно-правовое обеспечение политики государства должно задавать курс на правильное применение форм профилактики региональными властями субъектов РФ. Законодательству субъектов РФ необходимо строго соответствовать федеральному и реализовываться на территории субъектов без противоречий и неопределенности, чему и должно способствовать детальное и четкое описание норм федерального закона в части, касающейся ресоциализации лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы. Недостаточная правовая регламентация оказывает крайне негативное влияние на процесс реализации комплекса мер ресоциализационной работы в регионах, направленного на интеграцию в общество лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.

Существующая на практике система ресоциализации лиц, на наш взгляд, не требует координального реформирования. Обособление ресоциализации от других мер профилактического воздействия демонстрирует стремление законодателя выделить категорию лиц, освобожденных из мест лишения свободы, как оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в целях улучшения профилактической работы с лицами, имеющими опыт преступной деятельности. Это подразумевает

исключение данной категории лиц из круга оказания им иных видов социальной работы, закрепления определенного минимума социально-экономических мер ресоциализации, ссылки на соответствующее законодательство, обеспечивающее их реализацию, что приведет к закреплению намерений законодателя обособить данную форму профилактического воздействия и обеспечить ее наиболее продуктивную реализацию.

Список литературы

1. Кленова Т.В., Щукина Н.П., Адоевская О.А. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). С. 41 – 45.

2. Климанова О. В. Ресоциализация лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него, в нормативных актах: пробелы и противоречия // Юридический вестник Самарского университета 2018. № 2. Т. 4. С. 34 – 40

3. Лепина Т.Г. Проблема достижения целей наказания при освобождении от уголовной ответственности и уголовного преследования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 2 (58). С. 103 – 108.

4. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Проблемы повышения эффективности социальной адаптации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы // Общество и право. 2011. № 3. С. 208 – 213.

5. Стахов Я.Г. Некоторые пути решения проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 1. С. 21 – 23.

6. Колония-поселение № 9 в деревне Чудиново во Владимирской области // Федеральные казенные учреждения Федеральной службы исполнения наказаний в России [Электронный ресурс]. URL: http://fkurf.ru/centralnyj_fo/vladimirskaya_oblast/fku_kp-9.html (дата обращения: 19.03.2020).

Об авторах:

МОРОЗОВ Валерий Михайлович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Гуманитарный институт Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87), e-mail: morozov@vui.vladinfo.ru

ТОЛПЫГО Ольга Александровна – методист кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России (600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е), e-mail: olgatalpygoo@yandex.ru

**RE-SOCIALIZATION OF PERSONS WHO SEND OF PUNISHMENT
AS A PERSONAL DEFENSE, AS A FORM OF PREVENTIVE
IMPACT**

V.M. Morozov¹, O.A. Tolpygo²

¹ Humanitarian Institute of Vladimir state University. A. G. and N. G. Stoletov

² Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

The article deals with the problems of legal regulation of resocialization of persons who have served a sentence of imprisonment, the concept of resocialization as a form of preventive impact. Lacks legislative recognition of socio-economic measures of re-socialization, the correlation between the concept of reconciliation, its relationship with other measures of preventive action, also indicated problems of application of the reintegration measures in relation to persons who have served punishment of deprivation of liberty. Proposals to change the criminal-Executive legislation and legislation on the prevention of offenses are formulated. The problems of consolidation of a set of measures of re-socialization at the level of subjects of the Russian Federation are touched upon. Attention is focused on the desire of the legislator to separate the category of persons who have served a criminal sentence in the form of imprisonment from other persons who find themselves in a difficult life situation.

Keywords: *resocialization, prevention of offenses, social adaptation, forms of preventive impact, convicted person, penal legislation, purposes of execution of punishment, social rehabilitation, deprivation of liberty.*

About the authors:

MOROZOV Valery – Doctor of Sociology, Professor, Professor of Department of Sociology, Humanitarian Institute of Vladimir state University. A. G. and N. G. Stoletov (87 Gorkiy Street, 600000 Vladimir), e-mail: morozov@vui.vladinfo.ru

TOLPYGO Olga – Methodist of Criminal Procedure and Forensic Studies Department, VLI of the FPS of Russia (67E Bolshaya Nizhegorodskaya street, Vladimir, 600020), e-mail: olgatolpygoo@yandex.ru

Морозов В.М., Толпыго А.О. Ресоциализация лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, как форма профилактического воздействия // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 129 – 135.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

А.А. Сладкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в результате государственного регулирования внешнеторговой деятельности. Целью статьи является рассмотрение некоторых аспектов регулирования внешней торговли России. На основе общелогических методов исследования были выявлены особенности современного механизма регулирования внешней торговли РФ с учетом ее членства в Евразийском экономическом союзе.

***Ключевые слова:** внешнеторговая деятельность, меры тарифного и нетарифного регулирования, меры экономического характера, экономические санкции, таможенные органы.*

Основным видом внешнеэкономической деятельности является внешняя торговля, которая, в свою очередь, заключается в совершении экспортно- импортных операций.

В советское время была государственная монополия на внешнюю торговлю, и торговля в основном велась со странами Совета экономической взаимопомощи (далее – СЭВ). Поэтому механизмы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности так активно не использовались.

В настоящее время каждые 10 лет составляется Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. В рамках Прогноза в отдельном разделе определяются параметры внешнеэкономической деятельности. Так, в Прогнозе на период до 2030 г. указаны три сценария развития экономики РФ: форсированный, инновационный и консервативный, определена динамика и географическая структура внешней торговли, а также описаны внешнеэкономические риски для российской экономики [10]. Таким образом, государство оценивает возможные варианты развития событий и строит целенаправленную траекторию, задавая определенные параметры развития как экономики в целом, так и ее важной части – внешнеэкономической деятельности. При этом в разумной мере регулирует процессы внешнеэкономической деятельности только в целях обеспечения экономической и национальной безопасности, сбалансированного соотношения торгового баланса и защиты отечественных товаропроизводителей.

Механизм государственного регулирования внешней торговли состоит из институциональной и функциональной составляющей.

Институциональная составляющая представлена теми государственными структурами, которые уполномочены на принятие решений и выработку мер по регулированию внешнеторговой деятельности.

Функциональная составляющая связана с мерами, указанными в ст. 12 Федерального закона от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (далее – ФЗ № 164) [5]:

- 1) таможенно-тарифное регулирование;
- 2) нетарифное регулирование;
- 3) запреты и ограничения внешней торговли услугами и интеллектуальной собственностью;
- 4) меры экономического и административного характера, способствующие развитию внешнеторговой деятельности.

Взаимосвязь и взаимодействие данных составляющих особенно явно проявляются в настоящее время, когда уполномоченные государственные органы принимают соответствующие решения в целях оперативного реагирования на возникающие угрозы безопасности страны. Например, Правительство РФ ввело запрет на вывоз из РФ по 1 июня 2020 г. одноразовых масок, бинтов, ваты, марли и прочей медицинской продукции, предназначенной в том числе для защиты от заражения [7].

В 2014 г. возникла необходимость использования специальных мер в ответ на экономические санкции западных стран.

В п. 1 ст. 40 ФЗ № 164 предусмотрено положение о введении Правительством Российской Федерации мер ограничения внешней торговли товарами, услугами и интеллектуальной собственностью (ответные меры) в случае, если иностранное государство предприняло меры, которые нарушают экономические интересы Российской Федерации либо которые необоснованно закрывают российским лицам доступ на рынок иностранного государства. Также в Федеральном законе от 30.12.2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» [4] зафиксирована возможность применения специальных экономических мер в случаях возникновения обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на недружественное действие иностранного государства.

В связи с возникшей необходимостью и законодательным закреплением возможности применения специальных экономических мер был издан Указ Президента РФ [6], в котором Правительству РФ было поручено определить перечень видов сельскохозяйственной продукции с указанием наименования и классификационного кода, в

отношении которых вводятся отдельные специальные экономические меры [9], так называемые санкции.

При этом стоит отметить, что Россия является членом Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и многие тарифные и нетарифные меры не может применять самостоятельно.

Вопросы тарифного регулирования распределены следующим образом: ставки ввозных пошлин определяются решением Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК), а ставки вывозных пошлин – национальным законодательством страны с вывоза товаров. В рамках заключения соглашений о зоне свободной торговли (далее – ЗСТ) Коллегия ЕЭК уполномочена на принятие решений по установлению преференциальных ставок на товары во взаимной торговле, например, в случае Временного соглашения о ЗСТ с Ираном [3].

Также ЕЭК распределяет тарифные квоты на сельскохозяйственную продукцию – например, тарифные квоты на мясо для каждого государства-члена ЕАЭС. Далее страны ЕАЭС самостоятельно «распределят объемы тарифных квот между участниками внешнеторговой деятельности. Их уполномоченные органы будут выдавать лицензии на импорт продукции в рамках установленных тарифных квот. В пределах установленных тарифных квот допускается ввоз мяса из третьих стран по более низким ставкам ввозных таможенных пошлин по сравнению со ставками Единого таможенного тарифа» [12].

При ограниченности в свободе применения тарифных мер все-таки государства-члены ЕАЭС могут проявить самостоятельность. Так, в п. 2 ст. 40 Договора о ЕАЭС указано, что в случаях, предусмотренных международными договорами государств-членов с третьими сторонами, заключенными до 1 января 2015 г., государства-члены вправе в одностороннем порядке применять в качестве ответных мер повышенные по сравнению с Единым таможенным тарифом ЕАЭС ставки ввозных таможенных пошлин, а также в одностороннем порядке приостанавливать предоставление тарифных преференций при условии, что механизмы администрирования таких ответных мер не нарушают положений Договора о ЕАЭС [1].

В связи с такой законодательной возможностью Российская Федерация в отношении ряда товаров группы 84 и 87 Единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (далее – ЕТН ВЭД ЕАЭС) [2], происходящих из Соединенных Штатов Америки (далее – США) и ввозимых в Российскую Федерацию, установила повышенные ставки ввозных пошлин. Например, в отношении погрузчиков с кодом ЕТН ВЭД 8427201909, ввозимых на территорию РФ и происходящих из США, ставка ввозной таможенной пошлины будет составлять 30 % от таможенной стоимости [8].

Меры нетарифного регулирования на общесоюзном пространстве в основном связаны с разработкой и введением в действие технических регламентов и применением антидемпинговых мер, что также происходит согласно решениям ЕЭК.

Необходимо отметить, что в настоящее время в ЕАЭС из защитных мер применяются только антидемпинговые пошлины, так как провести антидемпинговое расследование менее затруднительно, чем доказать привлечение государственных субсидий в производстве иностранного товара и применить, в связи с этим, компенсационную пошлину.

Важную роль в применении тарифных и нетарифных мер выполняют таможенные органы. Примером служит ежедневная практика проверки заявленного декларантом классификационного кода ЕТН ВЭД ЕАЭС. В значительном количестве случаев должностное лицо таможенного органа изменяет классификационный код товара, что не только приводит к увеличению ставки таможенной пошлины и начислению суммы таможенных платежей, но и может повлиять на применение запретов и ограничений, например, может потребоваться предоставление сертификата соответствия (декларации о соответствии) или лицензии [11].

Таким образом, современный механизм государственного регулирования внешнеторговой деятельности в РФ, во-первых, основывается не только на национальном законодательстве, но и наднациональном, которое имеет приоритетное значение. Так, многие меры могут применяться только по решению ЕЭК.

Во-вторых, применение одним государством ЕАЭС некоторых мер (например, экономического характера) не обязаны поддерживать другие государства-члены ЕАЭС. Так, экономические санкции в отношении ряда сельскохозяйственных товаров действуют только, если они ввозятся на территорию РФ, что создает определенные сложности для функционирования союза в полном формате.

В-третьих, многие меры принимаются государственными органами в кратчайшие сроки и носят временный характер, пока существует определенная угроза для экономической или национальной безопасности государства.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (ред. от 15.03.2018 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 29.04.2020).

2. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012 г. № 54 (ред. от 16.03.2020 г.) «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс» URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=180F6606FC2370D3FF91B5190E31732D&req=doc&base=LAW&n=349567&dst=38921&fld=134&REFFIELD=134&REFDST=100010&REFDOC=301905&REFBASE=LAW&stat=refcode%3D16876%3Bdstident%3D38921%3Bindex%3D34#2bc1uc804hr> (дата обращения: 29.04.2020).

3. Решение Коллеги Евразийской экономической комиссии от 22.01.2019 г. № 10 «О преференциальных ставках ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, происходящих из Исламской Республики Иран и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Иран/Решение%20Коллегии%20ЕЭК%20№10.pdf (дата обращения: 29.04.2020).

4. Федеральный закон от 30.12.2006 г. № 281-ФЗ (ред. от 01.05.2019 г.) «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» // СЗ РФ. 2007. № 1. Ст. 44. СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ (ред. от 01.05.2019 г.) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4850. СПС «КонсультантПлюс».

6. Указ Президента РФ от 06.08.2014 г. № 560 (ред. от 24.06.2019 г.) «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4470. СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Правительства РФ от 02.03.2020 г. № 223 (ред. от 02.04.2020 г.) «О введении временного запрета на вывоз отдельных видов продукции из Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 10. Ст. 1348. СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Правительства РФ от 06.07.2018 г. № 788 «Об утверждении ставок ввозных таможенных пошлин в отношении отдельных товаров, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки» // СЗ РФ. 2018. № 29. Ст. 4433. СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 г. № 778 (ред. от 06.04.2020 г.) «О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560, от 24 июня 2015 г. № 320, от 29 июня 2016 г. № 305, от 30 июня 2017 г. № 293, от 12 июля 2018 г. № 420 и от 24 июня 2019 г. № 293» // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4543. СПС «КонсультантПлюс».

10. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=144190&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.36006512271309865#012522391760788376> (дата обращения: 29.04.2020).

11. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2017 г. № 13АП-16796/2017 по делу № А21-9115/2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=147841574205140357875953177&cacheid=96D1A489BA78395E88798001803CB6F1&mode=splus&base=RAPS013&n=227173&rnd=5D316066B97D22610B9C2246FFB67F09#1nerdbf7sn> (дата обращения: 29.04.2020).

12. ЕЭК установила на 2020 год тарифные квоты на отдельные виды сельхозтоваров, ввозимых в ЕАЭС // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/31-07-2019-1.aspx> (дата обращения: 31.04.2020).

Об авторе:

СЛАДКОВА Алена Александровна – доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4410-8106, e-mail: sladkova.alen@yandex.ru

SOME FEATURES OF STATE REGULATION OF FOREIGN TRADE ACTIVITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF FUNCTIONING OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

A.A. Sladkova

Tver State University

The object of the research is social relations formed as a result of state regulation of foreign trade activities. The purpose of the research is to consider some aspects of the regulation of foreign trade in Russia. On the basis of General logical research methods, the features of the modern mechanism for regulating foreign trade of the Russian Federation, taking into account its membership in the Eurasian economic Union, were identified.

Keywords: *foreign trade activities, tariff and non-tariff regulation measures, economic measures, economic sanctions, customs authorities.*

About the authors:

SLADKOVA Alena – associate professor of subdepartment of environmental law and legal support of professional activity of the Law Department, Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN- code: 4410-8106, e-mail: sladkova.alen@yandex.ru

Сладкова А.А. Некоторые особенности государственного регулирования внешнеторговой деятельности Российской Федерации в условиях функционирования Евразийского экономического союза // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 136–141.

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ТВЕРСКОЙ ЖЕНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ П.П. МАКСИМОВИЧА В 1870–1991 ГОДАХ

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья открывает цикл очерков историографии Тверской женской учительской школы П.П. Максимовича, предшественницы Тверского государственного университета, заложившей основы педагогического образования Тверского края. Рассматриваются вопросы общей характеристики историографии, сформировавшейся в 1870 – 1991 гг.

***Ключевые слова:** Россия, Тверская губерния, историография, история педагогического образования, П.П. Максимович, школа П.П. Максимовича, Тверской государственный университет.*

С деятельностью Тверской женской учительской школы П.П. Максимовича связан первый этап в истории Тверского государственного университета. Точнее говоря, если брать за основу периодизации изменение организационно-правовой формы учебного заведения, то – три первых этапа: частная учительская школа, земская учительская школа, учительская семинария. В любом случае учительская школа или, как она часто именуется в научных и научно-популярных работах, школа Максимовича, представляет собой яркий феномен в системе образования России второй половины XIX в. и первых двух десятилетий XX в.

Историографические обзоры присутствуют в целом ряде работ по истории школы П.П. Максимовича, вышедших в свет в разные годы. Однако они, с одной стороны, отражают состояние историографии на дату создания той или иной работы, а с другой стороны, весьма часто носят «специализированный» характер, рассчитанный на цели и задачи конкретного исследования. В связи с этим имеется определенная потребность в трудах комплексного характера, отражающих состояние историографии за прошедшие полтора века и по состоянию на юбилейный 2020 г. Настоящая работа представляет собой попытку хотя бы частичного ответа на названную потребность.

Историография школы П.П. Максимовича выполняет отчетливо выраженную прикладную функцию, ибо «педагогика, образование и воспитание в целом необходимо выступают и в качестве хранителя, и в роли выразителя традиции, одновременно сберегая саму традицию и транслируя ее в форме социально-исторического опыта» [1, с. 5].

Целью настоящей работы является систематизация и в известном смысле консолидация тех работ научного и научно-популярного характера, которые и составляют историографию Тверской женской

учительской школы П.П. Максимовича, рассмотрение наиболее крупных компонентов историографии, выявление направлений в деятельности школы, которые не получили вплоть до настоящего времени должного освещения в науке.

Настоящее исследование носит междисциплинарный характер и осуществлено в рамках историко-правовой и исторической науки. Материал излагается преимущественно в соответствии с хронологическим принципом. Хронологическими рамками работы являются 1870 – 1991 гг. При этом выделены три этапа в развитии историографии: 1870 г. – февраль 1917 г.; март – октябрь 1917 г.; ноябрь 1917 г. – 1991 г. Выделение данных этапов произведено на основании происходивших в стране социально-политических изменений.

Историография школы П.П. Максимовича формируется на протяжении почти полутора столетий. Естественно, что научные труды «фундаментального порядка» появились лишь через несколько десятилетий с момента основания школы. В целом историография школы представлена работами научного, научно-популярного, справочно-информационного, биографического, мемуарного характера. Укажем на одну особенность историографии: многие работы (и, пожалуй, большинство работ, вышедших в свет в течение XX в.) содержат материал о деятельности школы наряду с материалом по другим темам. Наблюдается определенный дефицит специализированных исследований, другими словами, исследований, посвященных именно истории школы.

Историография школы П.П. Максимовича представлена в первую очередь работами ее сотрудников и педагогов, работами сотрудников учительского и педагогического институтов, работников университета. К анализу истории и педагогического наследия учительской школы обращались в силу научного интереса также исследователи, профессионально не связанные со школой, институтом и университетом.

Учительская школа, основанная в Твери П.П. Максимовичем, являлась инструментом генерирования и апробации многих инноваций в организации деятельности учебного заведения. В школе сложился учительский коллектив высокого, без преувеличения звездного уровня. Соответственно, личности администраторов и учителей школы не могли не привлечь внимание исследователей. Материалы биографического характера стали, пожалуй, первым по времени появления и весьма важным компонентом историографии школы.

Колоритная личность основателя учительской школы также привлекает к себе внимание историографов. Профессиональной деятельности П.П. Максимовича, в том числе его деятельности по организации учительской школы, посвящена работа А.Ф. Селиванова [10]. Были опубликованы посвященные П.П. Максимовичу несколько

страниц известного общественного деятеля, статистика, экономиста, члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук В.И. Покровского, но, увы, в виде некролога [9, с. 68 – 75]. Кстати говоря, журнал «Русская школа», опубликовавший некролог, был одним из наиболее крупных и известных научно-педагогических журналов России конца XIX в. [4, с. 53]. В 1892 г. (год смерти П.П. Максимовича) в журнале «Образование» был опубликован материал биографического характера о П.П. Максимовиче известного педагога и организатора народного образования Д.Д. Семенова.

Небольшая (восемь строк) статья о П.П. Максимовиче была помещена в словарь Брокгауза и Ефрона. В ней Максимович характеризовался как общественный деятель. Упомянулось два факта из его биографии: членство в Тверской губернской земской управе и учреждение в 1870 г. школы «для приготовления сельских учительниц» [6, с. 443]. Жизнь и деятельность П.П. Максимовича привлекли внимание А. Ельницкого. Но, судя по имеющимся данным, его статья, подготовленная для Русского биографического словаря, не была в то время опубликована, поскольку том словаря на букву «М» не вышел в свет (материал, подготовленный А. Ельницким, был опубликован только в 1999 г.).

Однако указанные работы, конечно же, не могут претендовать на сколько-нибудь полное жизнеописание профессиональной деятельности П.П. Максимовича в качестве организатора и куратора учительской школы.

Внимание в научной литературе первых десятилетий существования школы было уделено также деятельности педагогов и администраторов школы. Например, к рассмотрению профессиональной деятельности Ф.Ф. Ольденбурга обращались А.А. Корнилов и А. Федоров. Несколько публикаций об Ф.Ф. Ольденбурге датируются 1914 г., годом его смерти. Они написаны П.Б. Струве, М.М. Клевенским и другими авторами.

Так, 14 сентября 1914 г. на публичном заседании Тверского общественно-педагогического кружка с докладом о жизни и профессиональной деятельности Ф.Ф. Ольденбурга выступил М.М. Клевенский. В этом же году текст доклада был опубликован. В 2006 г. доклад был переиздан в сборнике воспоминаний выпускников и сотрудников Тверского государственного университета [7, с. 21 – 28]. В своем докладе М.М. Клевенский осветил и период работы Ф.Ф. Ольденбурга в школе Максимовича, пришедшийся на 1887 – 1914 гг. При этом автор доклада назвал преподавание Ф.Ф. Ольденбурга «блестящей педагогической практикой». М.М. Клевенский также назвал одну из задач школы Максимовича, в решении которой участвовал Ольденбург: развитие и поддержка в учащихся интереса к русской деревне [7, с. 26].

Первые фундаментальные труды по истории школы вышли в свет в конце XIX – начале XX вв. Из таких работ в первую очередь надо отметить работу Бориса Борисовича Веселовского, которая посвящена деятельности тверского земства, и в которой немало места было уделено взаимодействию земских учреждений и учительской школы П.П. Максимовича [2]. Материал о работе П.П. Максимовича в качестве организатора образования, о деятельности его учительской школы размещен в нескольких главах раздела «Народное образование» данного труда. При этом деятельности школы Максимовича в 1880 – 1900-х гг. посвящена VIII глава.

Б.Б. Веселовский отмечает роль П.П. Максимовича, тогда гласного Кашинского уездного земства, в организации подготовки «первоначальных учительниц» из крестьянских девушек. Исследователь приводит доклады Максимовича Кашинскому уездному земству в 1867 г. и Тверскому губернскому земству в 1869 г. Несмотря на «сочувственное» отношение земских учреждений к идеям Максимовича, конкретной поддержки по разным причинам его проекты не получили. Б.Б. Веселовский пишет, что «Максимович решил действовать на собственный страх и риск». Он получил соответствующее разрешение, и «1 декабря 1870 г. школа была открыта во флигеле при земской богадельне». Автор напоминает интересный факт, что во время первого обсуждения губернским земством вопроса о финансировании учительской школы из средств бюджета земства, П.П. Максимович отклонил это предложение, заявив, что он не может передать школу земству, пока «не убедится, что школа вполне достигает своей цели». Тем не менее вскоре губернское земство выделило школе земские денежные средства [2, с. 183].

Б.Б. Веселовский пишет об успешном развитии «молодого учреждения» и отмечает роль в этом самого П.П. Максимовича и педагогического персонала во главе с начальницей школы Н.П. Дьяконовой и педагогом А.Н. Робером. Автор пишет также о трудностях, которые школа переживала в конце 1870-х гг., связывая их с недоброжелательным отношением министра народного просвещения Д.А. Толстого и тверского директора народных училищ Н.Д. Малого. Одновременно Б.Б. Веселовский указывает на поддержку школы со стороны губернатора А.Н. Сомова [2, с. 186].

Одним из несомненных достоинств капитального труда Б.Б. Веселовского является активное использование широкой источниковой базы. Прежде всего необходимо указать на использованные нормативные и статистические документы. По сути, настоящее издание носит черты отнюдь не только исторического, но и историко-правового, а отчасти и экономического исследования. В рассматриваемый период оно является одним из немногих (если не

единственным) исследований, имеющих «юридическую и экономическую составляющую».

Труд Б.Б. Веселовского не только в полной мере сохраняет свое значение до настоящего времени, но в целом ряде аспектов является непревзойденным образцом исследований по истории школы П.П. Максимовича.

Данный труд, увидевший свет в 1914 г., выполнил, фактически, и еще одну функцию, вряд ли планировавшуюся его автором: он подвел определенный итог целому этапу в развитии историографии школы Максимовича, начавшемуся в 1870 г. с основанием школы и завершившемуся в начале 1917 г. с Февральской революцией и установлением Российской республики. В качестве общей характеристики этого, первого по счету этапа в развитии историографии школы назовем несомненные достижения, выразившиеся в изучении как работы учительской школы, так и профессиональной деятельности ее основателя и других представителей коллектива школы. Неплохими выглядели перспективы дальнейших исследований, особенно в свете предстоящего введения всеобщего образования и повышения значения педагогического образования, педагогического опыта и новаторских педагогических практик. При этом следует отметить практически полное отсутствие в историографии работ правового характера и, следовательно, работ по эволюции организационно-правовой формы учительской школы. Назовем это системным недостатком историографии первого периода. В числе проблем частного характера можно назвать отсутствие в научной литературе документального обоснования некоторых фактов из биографии П.П. Максимовича.

С марта по октябрь 1917 г. продолжался самый краткий этап в развитии историографии школы П.П. Максимовича. Его особенностью было активное обсуждение вопросов модернизации системы образования и образовательных технологий. Другими словами, произошло смещение акцентов с научных исследований на научно-популярные и даже публицистические. Что касается самой школы как образовательного учреждения, то именно в июне 1917 г. она была преобразована в семинарию.

Советский этап в развитии историографии школы Максимовича отличался принципиальным изменением в научных подходах и методологии исследований, в выборе тематики. В течение нескольких лет после октября 1917 г. утвердилось господство марксистской идеологии и формационного подхода в научной работе. Соответственно, педагогика предшествующего исторического периода стала рассматриваться в достаточно критическом ракурсе.

Перспективной в плане изучения истории учительской школы П.П. Максимовича представляется начавшаяся публикация интересных фактов о развитии тверской педагогики в изданиях краеведческого

характера в 20-х – начале 30-х гг. XX в. В течение первого десятилетия советского этапа тверского краеведения сохранялись традиции, заложенные деятелями Тверской губернской ученой архивной комиссии. Активную роль в работе общества изучения Тверского края играл представитель педагогического института Анатолий Николаевич Вершинский. Работы тверских краеведов публиковались в журналах «Тверской кооператор», «Тверской край», «Известия Тверского пединститута» [3, с. 72 – 75]. Однако потенциал тверского краеведения для формирования историографии школы П.П. Максимовича не был использован должным образом, по причинам, не зависящим от исследователей. Работа тверских краеведов проходила в непростых условиях, о чем свидетельствовал арест крупного тверского краеведа И.А. Виноградова. Последовавшая в 1930-е гг. реорганизация общества изучения Тверского края привела к «перепрофилированию» краеведческого движения, а, затем и к его затуханию как в Верхневолжье, так и в целом в СССР.

В советский период изучение жизни П.П. Максимовича проводилось в минимальной степени. По мнению Т.А. Ильиной, «публикации советского времени практически не внесли ничего нового в изучение жизни основателя школы» [5, с. 9]. Пожалуй, следует признать правоту данного вывода, а в качестве иллюстрации отметить факт отсутствия имени П.П. Максимовича в наиболее известных советских универсальных энциклопедических изданиях. Возможным объяснением такой ситуации могли служить обстоятельства идеологического и социального порядка. П.П. Максимович (а отчасти и некоторые его коллеги по школе) являлся не только организатором народного образования, но и общественным деятелем отнюдь не марксистского толка, к тому же – потомственным дворянином и помещиком.

В советский период отечественной истории «дореволюционная» педагогика не находилась в числе приоритетов науки. Частично ситуация изменилась в середине 1950-х гг. Благодаря усилиям тверских историков вышли в свет работы по тематике деятельности школы. Активную исследовательскую работу по истории учительской школы, по педагогическому наследию П.П. Максимовича, Ф.Ф. Ольденбурга вел преподаватель педагогического института Владимир Ульянович Сланевский. В частности, он написал о П.П. Максимовиче и Ф.Ф. Ольденбурге материал для Педагогической энциклопедии, вышедшей в свет в середине 1960-х гг. Перу В.У. Сланевского принадлежит также исторический очерк о Тверской женской учительской школе П.П. Максимовича, подготовленный в связи со столетним юбилеем со дня основания школы [11, с. 115 – 153].

Особо внимательного рассмотрения заслуживает диссертационное исследование преподавателя исторического факультета Натальи

Сергеевны Новиковой. Оно посвящено деятельности тверского земства, однако содержит немало материала о работе учительской школы П.П. Максимовича [8].

Второй параграф третьей главы диссертации посвящен деятельности тверского земства в области народного образования. Диссертант обращает внимание на материальную поддержку учительской школы со стороны губернского земства.

Одна из особенностей настоящего труда заключается в том, что Н.С. Новикова предвосхитила процесс актуализации темы истории местного самоуправления в России, начавшийся в середине 1980-х гг.

Во второй половине 1980-х гг. интерес к истории отечественной, в т.ч. тверской педагогики возрос. Возрос также интерес к истории Тверского (в то время Калининского) государственного университета. Приоритет в возобновлении научных исследований и «ликвидации белых пятен» в истории школы и биографии ее основателя принадлежит преподавательскому коллективу исторического факультета Тверского (в то время – Калининского) государственного университета. Факультет традиционно, а в те годы в особенности, отличался высоким научным потенциалом. Исследовательский коллектив представлял собой сплав опыта и молодости. Именно молодым преподавателям и выпала честь открыть новую страницу в историографии школы. Символическим стартом можно считать статью Владимира Ильича Лавренова, опубликованную в университетской газете «Калининец» 8 января 1988 г. «Добра ты сеятель прямой». Одновременно статья положила начало научной работе по документальному подтверждению обстоятельств, связанных с рождением П.П. Максимовича.

Таким образом, в течение советского этапа был сделан шаг в дальнейшем развитии историографии школы Максимовича. Отметим, что на протяжении советского этапа в развитии историографии не был преодолен дефицит правовых исследований по истории школы. Не появилось ни одного исследования монографического формата.

В целом историография Тверской женской учительской школы П.П. Максимовича, сформировавшаяся в 1870 – 1991 гг., является достаточно разнообразной. Она позволяет как сформировать научное знание по различным сферам деятельности школы, так и продолжить научные исследования на современном историческом этапе.

Список литературы

1. Бутов А.Ю. Становление традиций российского образования и воспитания (XVIII – XIX века): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2005. 44 с.
2. Веселовский Б.Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864 – 1913 гг.). Тверь: Тип. губ. земства, 1914. 591 с.

3. Глафирова В. Общество изучения Тверского края. Первое десятилетие. 1920 – 1930-е гг. // Тверская старина. 2020. № 40. С. 71 – 76.

4. Гончаров М.А. Русские педагогические журналы и их влияние на общее и педагогическое образование России середины XIX – начала XX в.: (К 150-летию со дня выхода журнала «Учитель») // Проблемы современного образования. 2011. № 4. С. 47 – 59 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-pedagogicheskie-zhurnaly-i-ih-vliyanie-na-obshchee-i-pedagogicheskoe-obrazovanie-serediny-xix-nachala-xx-vv-k-150-letiyu-so-dnya> (дата обращения: 06.05.2020).

5. Ильина Т.А. Школа Максимовича: исследование и материалы / науч. ред. М.В. Строганов; ред. О.В. Вершинина. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2010. 184 с.

6. Максимович (Павел Павлович, 1817–92) // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1896. Т. XVIII.

7. Мои университеты: Сборник воспоминаний выпускников и сотрудников университета / под ред. С.Н. Смирнова, О.К. Ермишкиной. Тверь: Лилия Принт, 2006. 256 с.

8. Новикова Н.С. Тверское земство в 1865 – 1890 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Калинин, 1984. 224 с.

9. Покровский В. Павел Павлович Максимович: некролог // Русская школа. 1892. № 9. С. 68 – 75.

10. Селиванов А.Ф. П.П. Максимович, основатель Тверской женской учительской школы (биографический очерк с портретом). СПб.: Тип. М.П. Фроловой, 1901.

11. Сланевский В.У. Тверская женская учительская школа П.П. Максимовича (к 100-летию со дня основания) // Из истории дореволюционной и советской школы и педагогики. Тверь, 1971. С. 115 – 153.

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: smirnov-sn@yandex.ru.

**ISSUES OF DEVELOPMENT OF HISTORIOGRAPHY
OF P.P. MAKSIMOVICH TVER WOMEN'S TEACHER'S SCHOOL
IN 1870 – 1991**

S.N. Smirnov

Tver State University

The article opens a series of essays on the historiography of P.P. Maksimovich Tver women's teacher's school, the predecessor of Tver State University, which laid the foundations of pedagogical education in Tver region. The article deals with the general characteristics of historiography that was formed in 1870-1991.

Keywords: *Russia, Tver province, historiography, history of pedagogical education, P.P. Maksimovich, P.P. Maksimovich school, Tver State University.*

About author:

SMIRNOV Sergey – PhD, associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, email: smirnov-sn@yandex.ru

Смирнов С.Н. Вопросы развития историографии Тверской женской учительской школы П.П. Максимовича в 1870 – 1991 годах // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 142 – 150.

СУИЦИД И СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ДЕТЕРМИНАЦИЯ И ПРОФИЛАКТИКА

М.Г. Фролов

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Смоленск

В статье исследуются феномен подросткового суицида, виды суицидального поведения несовершеннолетних, факторы, детерминирующие суицид и суицидальное поведение несовершеннолетних, анализируется опыт профилактики суицида.

***Ключевые слова:** суицид, суицидальное поведение несовершеннолетних, детерминанты суицида несовершеннолетних, профилактика суицида.*

Сложная демографическая ситуация, сложившаяся в России на рубеже веков, связанная с малочисленностью поколения, родившегося в 90-е гг. прошлого века, создает прямую угрозу демографическому будущему нашей страны. В этой связи решение задачи повышения рождаемости и снижения смертности населения, поставленной Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 г. [7], не может рассматриваться вне учета такой важной проблемы, как предупреждение суицида детей и подростков.

Суицидальное поведение несовершеннолетних тесно связано с другими видами девиантного поведения – уходами из дома, бродяжничеством, беспорядочными половыми связями, употреблением психоактивных веществ, которые зачастую предшествуют и сопутствуют совершению суицида. В отдельных случаях суицидальное поведение отличается театральностью, розыгрышем суицида. Психологическое давление, оказываемое на близких, имеет целью изменить ситуацию в благоприятную для подростка сторону. При этом заранее продумываются меры обеспечения безопасности или предотвращения возможных негативных последствий. Например, в случае демонстрации отравления лекарственными препаратами «театральный суицидент» запасается веществами-нейтрализаторами, устраняющими процесс токсикации. Эти меры не всегда оказываются достаточными, а иногда просто запоздалыми, что приводит к наступлению незапланированного трагического исхода. Напротив, истинное суицидальное поведение характеризуется устойчивостью, целенаправленностью действий, связанных с осознанностью желания уйти из жизни. Эти ситуации характеризуются тем, что подросток заранее готовится к акту суицида: выбирает место, время, орудия и средства его совершения.

Анализ статистических данных о фактах суицида несовершеннолетних в РФ показал, что их количество в 2016 – 2019 гг.

варьировалось в пределах 700–800 случаев ежегодно [8]. По данным ООН, Россия занимает третье место в мире по числу самоубийств среди подростков, средний показатель самоубийств среди населения подросткового возраста более чем в 3 раза превышает средний показатель в мире. Причем эти цифры не учитывают случаев попыток самоубийства, а также случаев, когда самоубийство было квалифицировано как несчастный случай [10].

В науке наибольшее распространение получили социальный и личностный подходы к изучению факторов, детерминирующих самоубийства, и объяснению психологического механизма их совершения. Сторонник социального подхода Э. Дюркгейм отвергал тезис о том, что в основе самоубийства лежат личностные характеристики суицидентов. По его мнению, детерминация самоубийств вызвана социальными факторами, а внесоциальные факторы обуславливают суицидальное поведение лиц, имеющих психические аномалии [4, с. 293]. Несомненно, что нельзя отрицать главенствующую роль социальных факторов, приводящих к различным девиациям поведения несовершеннолетних, но и связывать эти девиации с проявлением только психических аномалий представляется необоснованным. В этой связи раскрытие глубинной сущности суицидального поведения немыслимо без комплексного использования как социального, так и личностного подходов. Последний затрагивает целый спектр вопросов, касающихся изучения мотивации самоубийства, определения психологических свойств личности суицидентов.

Исследование предсмертных записок 170 несовершеннолетних, проведенное В.Д. Бадмаевой и Е.Ю. Шкитыр, показало, что факторами суицидального риска являются: психопатологическая отягощенность наследственности психоактивными веществами, семейная история суицида, авторитарный стиль воспитания со склонностью к жесткому контролю поведения с проявлением физического и психологического насилия [2, с. 123]. Несомненно, что записки, оставленные самоубийцами, помогают выяснить причины происшедшего, но в них не всегда полно и конкретно отражается события, предшествовавшие самоубийству. В этой связи, по-нашему мнению, наиболее важным аспектом в изучении процесса детерминации суицида является исследование воспоминаний людей из близкого окружения суицидента.

В 90% случаев суицидальное поведение несовершеннолетнего – это «крик о помощи», и лишь в 10% случаев целью покушения на свою жизнь у подростка является именно смерть [6, с. 14]. Покушения на самоубийство у подростка – это результат сложных, совершенно безысходных для него коллизий, которые нередко им же самим и создаются. В посмертных записках, оставляемых подростками, нередко прослеживаются мотивы самообвинения, связанные с утратой контактов и ссорами с родителями и друзьями, беременностью,

проблемами в учебном заведении, депрессией. Психологическое исследование, проведенное А.В. Грачевой и А.А. Бажиновой, показало, что мотивация суицидального поведения девушек носит демонстративно-шантажный характер, а юношам наиболее свойственны «истинные» суициды [3]. С типом суицидального поведения тесно связаны способы совершения суицида. Так, демонстративное поведение обычно сопровождается отравлением неядовитыми лекарствами, порезами вен, а также изображением попыток дефенестрации. При истинном суицидальном поведении чаще других используется самоповешение [5].

Нерешенность задач социальной защиты семьи, материнства и детства, сужение бюджетного сектора в сфере получения высшего образования, пробелы в организации системы дошкольного и школьного образования, снижение качества здравоохранения – эти и другие процессы, присущие российскому обществу, негативным образом отражаются на демографической ситуации в стране, приводят к росту детской безнадзорности и беспризорности. Ослабление института семьи и, как следствие, отчуждение детей от родителей способствуют росту подростковой депрессии. Течение депрессии у подростков очень схоже с течением у взрослых, но они обычно испытывают свои эмоции более интенсивно и с более сильными внешними проявлениями. Они, как правило, взвинчены и раздражены, замыкаются и грубят при попытке вмешаться в их дела, избегают общения с родителями, уходят из дома. Такие формы проявления депрессии трудно распознаваемы и несут высокий риск попытки самоубийства. Совершая крайне опасные для жизни поступки (балансирование на краю крыши высотного здания, прием лекарственных препаратов и др.), подросток не осознает возможных последствий своих действий. В основе такого поведения в большинстве случаев лежит еще не сформировавшееся у несовершеннолетнего сознание ценности человеческой жизни, как чужой, так и своей собственной.

На процесс социализации подрастающего поколения значительное влияние оказывает информационное пространство. Информационные ресурсы, размещаемые в сети Интернет, могут оказать зомбирующее влияние на неустойчивое сознание несовершеннолетних и привести к искажению реальной картины мира. Создание и распространение в Интернете аутоагрессивного контента («группы смерти» и др.) непосредственно ориентировано на молодежную аудиторию. Однако возможность негативного воздействия создателей «групп смерти» на сознание и поведение несовершеннолетних нельзя объяснить сугубо повышенной внушаемостью и неустойчивостью психики подростка. Глубинными причинами являются жизненные трудности психологического и социального характера, которые создают благодатную почву для внешнего провоцирующего воздействия.

Согласно данным единой межведомственной информационной системы 20% детских самоубийств приходится на май – время сдачи Государственной итоговой аттестации (ОГЭ и ЕГЭ) [1]. Школьные конфликты, предшествующие суициду, имеют общие черты: в них почти всегда проявляется прессинг школьного режима, буллинг со стороны одноклассников, проявляющийся в отношении «нестандартных» детей, своеобразии которых может проявляться в особенностях их поведения, в необычных склонностях или интересах [12, с. 26].

Рассматривая суицид и насилие как проявления агрессии, имеющие противоположно направленные векторы, можно констатировать, что в периоды повышения уровня самоагрессии снижается уровень агрессии, направленной на окружающих. К подобному заключению приходил Э. Дюркгейм, который рассматривал и убийство, и самоубийство как результат состояния аномии в обществе. Если ей (аномии) помешают проявляться в форме самоубийства, то она выразится в большом количестве убийств [4, с. 353]. Таким образом, следуя идее Э. Дюркгейма, чтобы демпфировать агрессию в любой из форм ее проявления, необходимо избавиться от аномии в обществе. Применительно к современному российскому обществу это решение насущных задач снижения бедности, усиления социальной защиты семьи, материнства и детства, совершенствования сфер образования и оказания медицинских услуг, что должно способствовать устранению неопределенности и нестабильности человеческого существования. Решение названных задач в рамках реализации национальных проектов, по сути, является фундаментом общесоциальной профилактики суицида несовершеннолетних.

На практике несложно различить случаи мотивированного самоубийства и несчастные случаи, связанные с экстремальным поведением подростков (паркур, фриран, билдеринг и др.), мотивированных поиском острых ощущений. Однако случаи неосторожной смерти несовершеннолетних, использующих вагоны товарных поездов для передвижения (трейнхоп), не всегда объясняются желанием испытать экстремальное ощущение. Отдельные подростки используют этот незаконный и опасный для жизни способ передвижения в связи с сокращением количества электропоездов пригородного сообщения в 2015 – 2018 гг., а также отсутствием средств для приобретения проездного документа.

С учетом того, что в ряде случаев подростковый суицид вызван противоправными действиями, квалифицируемыми по ч. 2 ст. 110, ч. 3 ст. 110.1 и ст. 110.2 УК РФ, специально-криминологическое предупреждение этого негативного социального явления включает комплекс мер, направленных на предотвращение и пресечение преступных действий лиц, доводящих подростков до самоубийства,

склоняющих или содействующих совершению суицида, а также организующих деятельность, направленную на побуждение к совершению самоубийства. В этой связи не совсем понятна позиция законодателя в части установления возраста уголовной ответственности лиц, совершающих эти преступления. Поскольку посягательство осуществляется на важнейший объект – жизнь человека, то составы этих преступлений целесообразно включить в перечень ч. 2 ст. 20 УК РФ, что, по-нашему мнению, будет соответствовать усилению их превентивного эффекта.

Учитывая, что причиной каждого четвертого случая подросткового самоубийства является тревожно-депрессивное состояние, вызванное физическим и психическим насилием [9, с. 92], действенной формой предупреждения суицида является адресная виктимологическая профилактика. Она включает изучение индивида на психологическом уровне и определение социально-психологического типа, к которому он относится, нейтрализацию негативных внешних воздействий и негативных проявлений в поведении подростка, реализацию комплекса воспитательно-предупредительных мер с учетом индивидуальных характеристик данного лица, оказание правовой и психолого-психиатрической помощи [13, с. 51].

Определенный опыт работы в данной сфере накоплен правоохранительными органами. В соответствии с ведомственными нормативными актами несовершеннолетние и семьи, относящиеся к «группе риска», подлежат постановке на учет в органах внутренних дел. Мониторинг ситуации и профилактическое воздействие, осуществляемые сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних, являются эффективными мерами по предотвращению случаев суицида у лиц, поставленных на учет. Несомненно, что выявление фактов склонения к суициду несовершеннолетних, относится к компетенции оперативно-розыскных аппаратов и является действенной мерой профилактики суицида. Однако решение задачи обнаружения суицидальных мыслей и желаний, не связанных с внешним негативным воздействием, требует организации мероприятий ранней профилактики с применением психологических технологий. В настоящее время в каждом субъекте РФ при медицинских учреждениях психиатрического профиля организована работа круглосуточных телефонов доверия по вопросам психологической помощи. В отдельных регионах организованы специализированные телефоны доверия и службы психологической помощи для несовершеннолетних. Так, в Смоленской области действует анонимный «Детский телефон доверия» при областном социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних «Феникс». При реабилитационном центре функционируют также: служба социального сопровождения семей с детьми, служба сопровождения

несовершеннолетних, подвергшихся жестокому обращению, служба примирения. Определенный опыт профилактики подросткового суицида накоплен в Социально-психологическом центре, созданном при Смоленском государственном университете, где функционирует отделение психологических технологий и консультирования, оказывающее помощь в разрешении глубинных психологических проблем (чувства одиночества, собственной неполноценности, переживания утраты и т.д.) методом экзистенциальной терапии [11].

Подчеркивая значимость виктимологической профилактики подросткового суицида, нельзя не отметить противоречивое влияние деятельности религиозных организаций на ситуацию, складывающуюся в данной сфере общественных отношений. Приюты и детские дома для детей-сирот и детей, оказавшихся без попечения родителей, создаваемые русской православной церковью и иными религиозными конфессиями в рамках реализации общеобразовательных программ и программ реабилитации, обязаны создавать социокультурную среду, помогающую воспитанникам включиться в процесс социализации. Одним из принципов организации деятельности этих учреждений является ограждение подростков от информации, которая может внушать панику и вызывать суицидальные мысли, что достигается путем исключения бесконтрольного доступа к сети Интернет, аудио- и видеозаписям, телепередачам и компьютерным играм. Однако неизбежная противоречивость религиозного мировоззрения, внушаемого подростку, может негативным образом сказаться на его сознании и поведении. Возможность бытия в новом измерении, вытекающая из постулата существования потустороннего мира, по сути, ничем не отличается от виртуального мира, предлагаемого компьютерной игрой.

В этой связи представляется, что решение задачи организации действенной виктимологической профилактики суицида и суицидального поведения несовершеннолетних в условиях деидеологизации общества потребует разработки концепции многозвенной (ориентированной на психологические особенности возрастных групп) системы воспитания детей и подростков, учитывающей реалии социально-экономического, историко-культурного и политического развития страны. По нашему мнению, современная парадигма организации системы воспитания несовершеннолетних должна строиться с учетом реализации идей гуманистического понимания мира, здорового образа жизни, гармонии человека с обществом и природой.

Список литературы

1. Аминов И.Г. Самоубийства в России // Демоскоп Weekly. 2016. № 705-706. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0705/tema01.php> (дата обращения: 12.12.2019).
2. Бадмаева В.Д., Шкитыр Е.Ю. Факторы риска суицидального поведения несовершеннолетних (по материалам посмертных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз) // Научные результаты биомедицинских исследований. 2019. Т. 5, № 4. С. 117 – 128.
3. Грачева А.В., Бажинова А.А. Особенности суицидального поведения в подростковом возрасте // Территория науки. 2016. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-suitsidalnogo-povedeniya-v-podrostkovom-voznaste> (дата обращения: 10.12.2019).
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
5. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков // Официальный сайт Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Научный центр психического здоровья» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychiatry.ru/lib/1/book/55/chapter/20> (дата обращения: 12.12.2019).
6. Лобачева Л.П. К вопросу о профилактике суицидального поведения несовершеннолетних подростков // Глобальный научный потенциал. 2018. № 4 (85). С. 14 – 16.
7. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 15.01.2020).
8. Почему растет число суицидов среди российских подростков [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/04/25/12321139.shtml> (дата обращения: 12.12.2019).
9. Пучнина М.Ю. Криминальный суицид несовершеннолетних: криминологические и уголовно-правовые меры противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2019. 254 с.
10. Результаты исследования «Смертность подростков от самоубийств» // ООН в России. 2019. № 3 (121) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unrussia.ru/en/node/2727> (дата обращения: 10.01.2020).
11. Социально-психологический центр [Электронный ресурс]. URL: <http://smolgu.ru/dorobraz/spc/> (дата обращения: 23.03.2020).
12. Чельшева И.В. Подросток и экранное насилие: проблемы семейного воспитания. М.: Директ-Медиа, 2013. 211 с.
13. Фролов М.Г. Виктимологическая профилактика насильственных преступлений, совершаемых с внезапно возникшим умыслом // Закон и право. 2006. № 8. С. 50 – 52.

Об авторе:

ФРОЛОВ Михаил Григорьевич – канд. юр. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Смоленского государственного университета (214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4), ORCID: 0000-0003-4296-6252, SPIN-код: 3237-5534, e-mail: michailfroloff@mail.ru

**DETERMINATION AND PREVENTION OF SUICIDE
AND SUICIDAL BEHAVIOUR AMONG MINORS**

M.G. Frolov

Smolensk State University

The article examines the phenomenon of teenage suicide, types of suicidal behavior among minors, determinants of suicide and suicidal behavior among minors; the analysis of suicide prevention is given.

Keywords: *suicide, suicidal behavior among minors, determinants of suicide among minors, prevention of suicide.*

About author:

FROLOV Mikhail – PhD, Docent, Associate Professor of Criminal Law and Criminal Procedure Smolensk State University (4 Przhevalsky St., Smolensk, 214000), ORCID: 0000-0003-4296-6252, SPIN-code: 3237-5534, e-mail: michailfroloff@mail.ru

Фролов М.Г. Суицид и суицидальное поведение несовершеннолетних: детерминация и профилактика // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 151 – 158.

Проблемы организации учебного процесса

УДК 343.85

ОБ УЧЕТЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРЕПОДАВАНИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Ю.А. Дронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются корреляции между выявленными в ходе социологических опросов социально-психологическими установками современной молодежи и спецификой подачи содержания одной из дисциплин базовой части федерального государственного образовательного стандарта по направлению подготовки «Юриспруденция» (уровень бакалавриата).

Ключевые слова: обучающиеся, учебная дисциплина, уголовное право, Уголовный кодекс, соучастие в преступлении, наказание.

Преподавание дисциплины «Уголовное право» (как, очевидно, и других отраслевых юридических дисциплин) дает массу возможностей учесть целый ряд установок современной молодежи. В 2017 г. Сбербанк представил результаты исследования особенностей современных молодых людей, проведенного совместно с агентством Validata. Как следует из релиза кредитной организации, это самое крупное в ее истории качественное исследование данного сегмента потенциальных клиентов [2].

С одной стороны, большинство членов общества не выступают в качестве непосредственных участников правоотношений, входящих в сферу уголовно-правового регулирования (в отличие, например, от цивилистических отраслей права), а с другой, студентам очень интересен блок уголовное право – уголовный процесс. Задача преподавателя показать, как в реальной жизни, и не только в связи с собственно будущей профессиональной деятельностью, им могут понадобиться знания уголовного права. Безусловно, при определении технологии подачи материала отнюдь не лишним будет попытаться связать используемые в преподавании методы с выявленными социологами установками молодых людей. Далее речь пойдет об учете при проведении лекционных занятий по уголовному праву (на примере двух тем учебной дисциплины) следующих особенностей современного поколения молодежи, представленных в результатах упомянутого исследования:

- поколение Z не нарабатывает навыков решения проблем реальной жизни;

- страстная жажда признания, ожидание похвалы за любое действие во взрослой жизни, целью является социальная популярность (в том числе отмечается, что «модно быть умным») [3].

Одной из наиболее интересных для студентов и одновременно чрезвычайно сложных тем уголовного права является тема «Соучастие в преступлении». При раскрытии такого вопроса темы как «Виды соучастников» в лекции удобно использовать формат анализа роли каждого из соучастников на примере какого-либо реального резонансного уголовного дела из региональной судебно-следственной практики. Это позволяет максимизировать внимание обучающихся и показать им, как «работают» нормы уголовного закона применительно к конкретной ситуации.

Целесообразно изложить фабулу дела о групповом преступлении с акцентом на юридически значимых для анализа рассматриваемого вопроса обстоятельствах. В последние годы мной использовалось в указанных целях уголовное дело об убийстве Самойленко – студента одного из Тверских вузов, молодого человека из очень обеспеченной семьи, который уехал из дома ночью на мотоцикле и пропал. После длительных поисков в лесу за пределами городской черты был обнаружен его труп. В процессе предварительного следствия было установлено, что Самойленко дал своему знакомому Иконникову 1 600 000 руб. для организации совместного бизнеса, которые тот изначально не собирался отдавать и через какое-то время решил убить Самойленко. Иконников нанял в этих целях Попова, Гудочкина и Заболотского. Иконников предложил Самойленко встретиться ночью на трассе за городом. Когда Самойленко приехал туда, Попов застрелил его, Гудочкин и Заболотский закопали его тело в лесу.

Большая часть студентов знает об этом уголовном деле, те кто не знает, с интересом воспринимают информацию, поскольку речь идет о тверских событиях.

После изложения студентам обстоятельств дела им предлагаются формулировки видов соучастников из УК РФ и задается вопрос о том, кто из указанных в фабуле лиц исполнял роль какого из соучастников.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ)

Статья 33. Виды соучастников преступления

1. *Соучастниками* преступления наряду с исполнителем признаются организатор, подстрекатель и пособник.

2. *Исполнителем* признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом.

3. *Организатором* признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими.

4. *Подстрекателем* признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.

5. *Пособником* признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы [1].

В большинстве случаев студенты правильно определяют, что Иконников – организатор убийства, Попов – исполнитель, Гудочкин и Заболотский – пособники. Если ими предлагаются некорректные варианты (*например, Гудочкин и Заболотский – соисполнители*), то следуют разъяснения о том, в чем состоит различие между соисполнителем преступления и пособником.

Следует отметить, что в данном случае не идет речь о каком-либо сложном казусе, который более уместно предлагать студентам для решения на практических занятиях. Достаточно простая (с точки зрения рассматриваемого вопроса) фабула позволяет быстро и эффективно рассмотреть сложный вопрос темы. Естественно, акцентируется внимание на том, что навык квалификации действий соучастников чрезвычайно важен в профессиональной деятельности следователя, адвоката, прокурора, судьи.

В главах УК РФ, посвященных назначению наказания, освобождению от уголовной ответственности и наказания, чрезвычайно много «математики». Чтобы «простимулировать» студентов гуманитарного факультета к участию в обсуждении таких вопросов, можно использовать прием экстраполяции соответствующих положений УК РФ на ситуацию в реальной жизни. Например, вполне возможно, что кто-либо из знакомых, друзей, соседей задаст студенту юридического факультета вопрос о применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы. Сосед по лестничной площадке спросит, если мой сын осужден за сбыт наркотиков по ч. 1 ст. 228¹ УК РФ к четырем годам лишения свободы, то когда он может подать ходатайство об условно-досрочном освобождении?

Озвучиваем и фиксируем нужные положения УК РФ.

Статья 79. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания

Часть 3. Условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным:

а) не менее одной трети срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести;

б) не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление;

в) не менее двух третей срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление... [1].

С учетом того, что навык определения категории преступления сформирован у студентов ранее, они быстро устанавливают, что речь идет о *тяжком* преступлении. Применяя положения п. «б» ч. 3 ст. 79 УК об условно-досрочном освобождении, определяют, что в данной ситуации оно будет возможно после отбытия не менее двух лет лишения свободы.

Студенты, как правило, с интересом воспринимают такую жизненную «задачку» и активно пытаются ее решить на лекционном занятии.

Представляется, что изложенные подходы позволяют учесть и еще одну особенность молодежи, выявленную в ходе исследования, а именно, то, что они «не могут без социального взаимодействия и в любой ситуации очень важно беспрепятственно взаимодействовать». В предлагаемых форматах они активно вступают в диалог с преподавателем, задают уточняющие вопросы и формулируют позицию.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/10108000/#ixzz6N3u2DQkP>
2. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=9603392>
3. URL: <https://youngspace.ru/faq/sberbank-issledovanie-molodezhi/>

Об авторе:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru.

**ON ACCOUNTING SOCIAL SETTINGS OF MODERN YOUTH
IN TEACHING CRIMINAL LAW**

Yu.A. Dronova

Tver State University

The article discusses the correlations between the socio-psychological attitudes of modern youth identified during sociological surveys and the specifics of presenting the content of one of the disciplines of the basic part of the federal state educational standard in the area of preparation “Jurisprudence” (undergraduate level).

Keywords: *students, academic discipline, criminal law, Criminal code, complicity in a crime, punishment.*

About the author:

DRONOVA Julia - Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru.

Дронова Ю.А. Об учёте социальных установок современной молодежи в преподавании уголовного права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 159 – 163.

ОСОБЕННОСТИ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ ВИРУСНОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ

Е.А. Рязанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются некоторые положительные и отрицательные аспекты обучения, связанные с мгновенным переходом на онлайн-обучение.

Ключевые слова: обучение, образовательные платформы, образовательный ресурс, видео-лекция, положительные и отрицательные стороны дистанционного обучения.

Объявленная в мире пандемия COVID-19 поставила процесс образования в условия мгновенного перехода на онлайн-обучение. Несмотря на использованные в той или иной мере новые технологии интерактивного обучения при освоении программ образования при непосредственном очном обучении, переход полностью на дистанционное обучение вызвал ряд сложностей. Работа в таком режиме потребовала освоения новых образовательных платформ не только как вспомогательных.

Обучение с активным включением в преподавательскую деятельность интернет-ресурсов наблюдалось в последние годы. Использование информативности Интернета, быстрота поиска информации, возможность более быстрого сбора материала, несомненно, помогали в создании курсов и дисциплин. Студентам можно предлагать разнообразные учебники, статьи, диссертационные исследования и другие материалы, которые помогают освоить информацию, необходимую для профессиональной подготовки бакалавра и специалиста. Но при этом были видны и недостатки самообразовательной деятельности.

На практике пришлось столкнуться с очевидными и частыми ошибками, причины которых как личностные, субъективные, так и объективные. Например, к субъективным можно отнести непонимание терминологии, подмену оценки ресурса, которым пользуется студент. Так, практически ежегодно возникают ошибки, связанные с восприятием студентами-бакалаврами первого года обучения задания или термина как «ключевого слова». Например, по теме «Образование в Российской Федерации нового субъекта РФ» студенты по ключевым словам поиска предлагают использовать в изучении закон «Об образовании в Российской Федерации». К объективным, на мой взгляд, можно отнести те, которые возникают как «пережитки» школьной системы обучения. Так, например, скачать из Интернета статью, доклад или иной материал и прочитать его считается «творческим заданием».

То, что при этом они пользуются чужим исследованием, никоим образом не смущает, а наоборот, преподносится как умение найти и озвучить найденную информацию, которое в представлении студентов требует высокой оценки. Выработка компетенций, предусматриваемых образовательными стандартами, невозможна при таком подходе к обучению. Студенты могут пытаться использовать «информационный мусор» – контент, которые носят характер кем-то инкогнито адаптированных материалов на все случаи студенческих запросов. «Википедия» воспринимается как проверенный ресурс, приравняемый к учебникам, словарям, энциклопедиям.

Поэтому, на мой взгляд, вне зависимости от тех дисциплин, которые осваивают студенты-бакалавры, каждый преподаватель сталкивается с необходимостью уделять время на разъяснение ряда требований к студенту высшей школы, связанных с использованием интернет-ресурсами. При очном визуальном обучении проводится разъяснительная работа по корректному включению информации из Интернета, применительно к тем заданиям, которые предполагают такие действия. Начиная с простых действий по правильному копированию правовой нормы, оформлению ссылки при обращении к ресурсу, проверки его надежности (анонимность или авторство, время формирования, страна или место опубликования, источник публикации, назначение), может включать в себя такие, как: указание гиперссылок, создание собственных публикаций, чатов (мест для обмена мнениями), комментариев, опросов, позволяющих увидеть реакцию на размещенный материал, а также, не переписывая информации с иных сайтов, направлять внимание на размещенные в иных контенте информационные составляющие, необходимые для восприятия, понимания, усвоения опубликованного.

Ситуация полного мгновенного перехода исключительно на дистанционное обучение создала ряд новых условий для преподавателей и студентов. Для преподавателя, привыкшего объяснять, растолковывать, приводить примеры, взаимодействовать со студентами во время лекционных и практических занятий – «видеть отклик» на транслируемое, общаться с виртуальным студентом значительно сложнее. Некоторые аспекты были неожиданны. Так, я столкнулась с тем, что многие студенты не готовы сами транслировать свое изображение. Но при этом все просили проводить занятия по видеосвязи. В качестве эксперимента мною было опробовано в течение 10 мин проведение занятия только по аудиосвязи. Студенты отреагировали мгновенно: большая часть написала в общий чат просьбу о переходе на лекцию с использованием видеотрансляции. Разговаривать с монитором, заполненным не лицами увлеченных студентов, как это бывает во время лекции, а иконками с аббревиатурами имен, фотографиями или картинками, которые студент

выбрал для аватарки, не просто. На просьбу включать камеру во время задаваемых вопросов или ответов некоторые говорили, что принципиально закрывают камеру, поскольку не хотят, чтобы их видел преподаватель и сокурсники.

При опубликовании заданий на платформе LMS требовалось внятно, четко прописать задание. Спецификой такого описательного процесса является составление задания так, чтобы студенты поняли не только саму его сущность, но и при выполнении использовали определенную методику. Это сложно в случаях, когда нет возможности устного пояснения, как методически точно выполнять заданное. В некоторых случаях приходилось выделять этапы выполнения («дробить» задание), описывая каждый из них, фактически составляя не только, что должен сделать обучаемый, но и алгоритм достижения результата.

Одним из недостатков дистанционной работы во время семинарских занятий является невозможность контроля за выполнением задания или ответом. Студент может использовать различные материалы и способы, которые невозможно определить как надлежащие и которые, согласно используемой на данный момент методике, являются нежелательными. К сожалению, не все студенты отличаются добросовестным отношением к обучению, что вызвано различными причинами. Так, например, при устном ответе студент может просто воспроизводить текст с экрана телефона или компьютера; если ответ самим студентом не найден, он мгновенно может быть «переслан» другими студентами для обычной трансляции, которая не стала результатом его процесса поиска и осмысления. Проконтролировать такие явления преподаватель, находящийся перед монитором, даже если и студент на видеосвязи, не может. При очном обучении преподаватель выполняет, в том числе, воспитательную функцию, корректируя отношение к учебе, что сложно сделать, не находясь в непосредственном контакте со студентом.

Дистанционное обучение зачастую не позволяет оценить выполненную работу с позиции выявления самостоятельности, личного усмотрения обучающегося, а иногда понять, присутствует ли студент на занятии или он просто подсоединен к чату, но при этом микрофон выключен, лекция не транслируется.

Во время лекций и семинаров студент может оперативно отреагировать, задав вопрос, иногда может быть выражена эмоция посредством реплики, иные проявления заинтересованности в излагаемом материале. Во время онлайн-занятия такие контакты затруднительны. Включение микрофонов порождает общий шум, мешающий услышать то, что говорит преподаватель. Поэтому приходится действовать по правилу «одного микрофона». Даже несмотря на то, что использование платформы

<https://teams.microsoft.com/> допускает включение четырех микрофонов в беседу. Время тратится на включение микрофона, поэтому вопросы, просьбы разъяснить, повторить материал часто запаздывают. Приходится возвращаться к предыдущим высказываниям. Это неудобно, особенно для тех студентов, которые ведут конспект занятия. На протяжении всего периода дистанционных занятий студенты просили читать лекции так, чтобы они могли записывать основные моменты.

При освоении teams некоторые технические характеристики на практике неудобны в использовании. Так, например, при ответе студентов на заданный вопрос сначала на экране видно уведомление об ответе, а затем в чате – сам ответ. При присутствии на лекции 80 человек, ответы на вопрос видны через временной промежуток, после уведомлений. Одновременное использование микрофонов приводит к звуковым помехам.

Наличие функции чата, которую можно использовать одновременно с аудио- и видеосвязью, несомненно, является достоинством программы. Это позволяет использовать чат как школьную доску на занятиях. Еще одним из достоинств является наличие возможности включать презентации в занятия. Удобным можно назвать и функцию обращения к множественным приложениям и файлам, что расширяет возможности преподавателя и студентов при проведении занятий.

Стоит отметить, что при сравнении платформ teams и zoom у последней есть важное преимущество. Она позволяет разделить группу на команды (для этого создается «кабинет» из нескольких участников «общего совещания»; преподаватель может формировать «кабинеты» и участвовать в деятельности каждого). Одновременная работа по заданной теме с включенными микрофонами и видео может выполняться всеми участниками «кабинета». Полагаю, в дальнейшем следует рассмотреть возможности использования данной платформы в образовательном процессе при дистанционном обучении для выработки у студентов компетенции «умение работать в коллективе».

Использование платформы lms.tversu.ru позволяет публиковать домашние задания, задания на семинары. Система выставления оценок, размещение программ, дополнительных материалов – все это создает возможность стабильной работы преподавателя. У студентов есть возможность личных обращений к преподавателю. При публикации задания важна функция установления временного регламента его выполнения. Практика использования показала, что lms требует технической доработки. Полагаю, надо уделить внимание качеству и стабильности работы.

Таким образом, можно отметить как положительные, так и отрицательные стороны одномоментного перехода на дистанционное

обучение. Важнейшим результатом мгновенной смены системы обучения явилась выработка компетенции «способность к самоорганизации и самообразованию», которая является частью процесса формирования «человека культурного», а также одной из главных целей воспитательного процесса в вузе: научить учиться, испытывать постоянную потребность в обучении, получении удовольствия от процесса познания. Сравнение возможностей обучения онлайн дистанционно с очным контактным обучением для меня, несомненно, в пользу непосредственного контакта студентов с преподавателем на лекционных и практических занятиях.

Об авторе:

РЯЗАНОВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2785-4619, e-mail: lena_7765@mail.ru

FEATURES OF ONLINE LEARNING DURING THE PANDEMIC PERIOD VIRAL DISEASES

E.A. Ryazanova

Tver State University

The article discusses some positive and negative aspects of learning related to the instant transition to online learning.

Keywords: *training, educational platforms, educational resource, video lecture, positive and negative aspects of distance learning.*

About authors:

RYAZANOVA Elena – PhD, assistant professor of the department of constitutional, administrative and customs law of the Tver state University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d.33), SPIN-code: 2785-4619, e-mail: lena_7765@mail.ru

Рязанова Е.А. Особенности онлайн-обучения в период пандемии вирусного заболевания // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 164 – 168.

Трибуна молодого ученого

УДК 343.95

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИИ

А.С. Абрамов

ФГКУ «УВО ВНГ России по Тверской области», г. Тверь

Показан алгоритм разработки модели и профилей должностных компетенций сотрудников вневедомственной охраны. На основе кадрового менеджмента и компетентностного подхода продемонстрирована возможность их использования при проведении отбора, обучения и психолого-педагогического сопровождения сотрудников. Представлен вариант прогноза успешности сотрудника.

***Ключевые слова:** компетентностный подход, квалификационные компетенции, аттестация кадров, особенности мотивации и эффективность деятельности.*

Актуальность темы определяется задачами, поставленными перед Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации, созданной Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157. Переподчинение вневедомственной охраны от полиции к Росгвардии привело к тому, что сотрудники стали сталкиваться с проблемами адаптации к новым требованиям, особенностям изменившихся служебных задач. Практика показала, что остро это проявилось при вводе в должность после первоначальной подготовки. Формирование новых стратегии и тактик развития вневедомственной охраны в составе войск национальной гвардии России потребовало разработки новых решений в подборе и сопровождении сотрудников.

Целью статьи является разработка модели и профиля компетенций сотрудников вневедомственной охраны. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Использовать кадровый менеджмент и компетентностный подход в профессиональном отборе, обучении и психолого-педагогическом сопровождении сотрудника.

2. Исследовать оценку сотрудника в соответствии с моделями компетенций, разноуровневыми требованиями к развитию способностей, соотнесенных с профессиональной деятельностью.

В статье проведены анализ нормативных документов, регламентирующих деятельность вневедомственной охраны, профессиографический анализ деятельности сотрудников

вневедомственной охраны, экспертная оценка с применением структурированного интервью и метода критических инцидентов, а также метод раскрытия поведенческих примеров.

Известно, что компетентность в зарубежных и отечественных исследованиях рассматривается в качестве личностного образования. Профессиональная компетентность представляет собой не только сумму знаний, умений и навыков, но и личностные характеристики и практический опыт, обеспечивающий эффективность в деятельности. Она не отождествляется с понятием профессионально важных качеств, соответствующих технологическим и социально-экономическим характеристикам деятельности. Предполагаемое взаимное соответствие качеств субъекта и трудовых операций при компетентном подходе отражает интеграцию различных уровней показателей личностного характера, обнаруживаемых в деятельности при выполнении служебных задач, на основе результата деятельности [2, 3, 7].

В российских исследованиях профессиональная компетентность рассматривается в качестве квалификационной характеристики субъекта, тождественной профессионализму, взятой в момент его включения в деятельность и определяющей возможность действовать эффективно в любой ситуации, как в стабильных и стандартных, так и в неопределенных и сложных условиях [4, с. 175]. Это подтверждает то, что кадровый менеджмент и компетентностный подход позволяют произвести как профессиональный отбор, так и аттестацию сотрудников в направлении формирования у них важных должностных компетенций, необходимых для надежности работы в условиях многофункциональной деятельности и высокой вероятности нестандартных ситуаций [1, с. 56]. Ранее отмечено, что такая переориентация произошла на Западе в 80-е гг. XX в., когда в США предложили вместо тестирования интеллекта обратиться к анализу поведения эффективных работников [1]. Тогда же возник компетентностный подход как метод управления персоналом.

Практика данного подхода указывает на необходимость разработки профилей компетенций. На их основе создаются модели и карты компетенций, оценку которых возможно провести через грейдинг и аттестацию. Современные технологии управления персоналом выступают в качестве объективного метода оценки соответствия способностей сотрудника и трудовых действий в определенной должности. Этот подход позволяет сравнить результаты по каждой должности и выработать верные управленческие решения [4, 6].

Модель компетенций – это совокупность способностей, необходимых сотрудникам для эффективного выполнения работы и достижения высоких результатов [4]. Наличие модели компетенций как отправной точки оценивания позволяет согласовывать критерии подбора и оценки кадров, продвигать сотрудников, чей потенциал

соответствует требованиям охранной деятельности, что делает эффективными кадровые решения.

Анализ опыта формирования компетенций позволил разработать предложения по внедрению компетентного подхода в систему управления кадрами в подразделениях Росгвардии. Анализ приказов и ведомственных инструкций показал, что функции сотрудника вневедомственной охраны включают осуществление контрольно-пропускного режима, охрану и оборону объекта, пресечение и предупреждение административных правонарушений в зоне ответственности поста. Основой для подготовки модели и профиля компетенций явился перечень требований, формирующихся в процессе профессионального обучения и трудовой деятельности сотрудника охраны.

Первой идеей для разработки модели и профиля компетенций послужила практика кадрового менеджмента ОАО «РЖД», ЗАО «Сбербанк» [4, 5] (табл. 1).

Таблица 1

Краткое описание Модели компетенций 5К+Л

Ценности бренда	Блоки компетенций 5К+Л	Краткое описание
Мастерство	Компетентность	Наличие профессиональных компетенций Способность учиться и развиваться Готовность делиться опытом, знаниями
	Клиентоориентированность	Ориентация на пользу клиентов компании
Целостность	Корпоративность и ответственность	Ориентация на интересы компании Умение работать в команде Нацеленность на результат
	Качество и безопасность	Ориентация на качество и эффективность Обеспечение безопасности
Обновление	Креативность и инновационность	Выдвижение инициатив и их внедрение. Поддержка инициатив других
	Лидерство	Мотивирование и убеждение Воодушевление и вовлечение других

Второй идеей разработки модели и профиля стали исследования Н.А. Гончаровой, А.С. Душкина, М.В. Пряхина, Е.А. Ходовой о современных технологиях разработки модели и профиля профессиональных компетенций в деятельности правоохранительных органов. По мнению авторов, это позволит не только установить актуальное состояние компетенций, сравнить их с эталоном практических функций (оценка должности), но и выявить возможности компенсации и обучения, создать модель квалификационной компетенции и сформировать грейды [5, 10].

Профессиографический анализ деятельности подразделений охраны Росгвардии позволил выявить и описать специфические требования к должностным компетенциям специалистов [9, 10]. На их основе нами была составлена анкета экспертов, включившая 30 компетенций¹. Экспертная оценка позволила провести классификацию и ранжирование компетенций. Возникновение каждой оценки было обсуждено, учтено мнение каждого из 17 экспертов. Сравнение компетенций с помощью метода парного сравнения позволило осуществить отбор компетенций с наибольшим количеством баллов². Диапазон оценок (от 1 до 5 баллов) указал на достаточный уровень дифференциации экспертных оценок. Их сопоставление позволило выделить составляющие профиля должностных компетенций сотрудников охраны. На этапе разработки профилей должностных компетенций сотрудников вневедомственной охраны экспертам был предложен набор должностных компетенций с поведенческими маркерами. Эксперты сравнили компетенции, ответили на вопрос о важности каждой для эффективности профессиональной деятельности. Анализ позволил разработать архитектуру модели и профиль должностных компетенций сотрудника вневедомственной охраны. Содержание компетенций представлено основными способностями, обеспечивающими эффективность в ситуациях деятельности, и маркерами поведения (табл. 2).

Данные статистического анализа результатов структурированного интервью и анкетного опроса (о составляющих профиля компетенций) по рангам у 17 экспертов таковы:

1. Надежность и психическая устойчивость к нагрузке – 48,6%.
2. Конфликтоустойчивость – 48,57%.
3. Способность работать в команде – 42,7%.
4. Способность к оценке ситуации и прогнозу её разрешения, организовывать замещение должностных позиций – 42,67%.
5. Уверенность в своих силах – 36,9%.
6. Обучаемость – 36,86%.
7. Специальные знания (правовая база, инструкции, ТТХ оружия и спецсредств) – 31,05%.
8. Профессиональная мотивация – 31,04%.
9. Коммуникация – 31,04%.
10. Гибкость в обращении с клиентами, коллегами – 31,03%.
11. Осознание последствий непрофессиональных действий – 25,18%.
12. Самостоятельность – 29,31%.

¹ Экспертами выступили руководители подразделений вневедомственной охраны и психологи.

² Итоговая экспертная оценка рассчитывалась на основе статистической обработки результатов оценки всеми экспертами. Значимый результат (при $p < 0,001$).

13. Ценностное отношение к охранной деятельности – 13,4%.

14. Сознательное стремление к выполнению должностных обязанностей, ориентация на результат – 9,71%.

15. Знания рабочего процесса, умение составлять документы – 9,7%.

Таблица 2

Профессиональные компетенции сотрудников охраны

Блоки компетенций, краткое описание и поведенческие маркеры		
Компетенция и составляющая профиля, %	Способность	Маркеры эффективного поведения, уровни 1, 2, 3³
компетентность		
Специальные знания, наличие профессиональных умений, действия/решения по алгоритму 11,5	К применению специальных знаний в деятельности	1 – наличие первичных профессиональных умений, действия по алгоритму; 2 – самостоятельность в применении знаний в сложных ситуациях; 3 – поиск дополнительной информации, обучение, новаторство
Ориентация на службу, стремление к профессиональному росту, рост качества, профмотивация, 14,5	К выполнению трудовых обязательств, сформированных под влиянием профессионального интереса	1 – осознанные профессиональные решения для выполнения задач; 2 – стремление к результату; 3 – ориентация на службу, стремление к профессиональному росту, совершенствованию качества работы
Клиентоориентированность и партнерство		
Приоритет ценностей Росгвардии, лояльность к задачам профессии, способность работать командой, 14,5	К совместной работе в группе, объединенной целью и задачей	1 – выполняет свою работу, учитывает систему работы с клиентами; 2 – готовность к сотрудничеству; 3 – инициативность, приоритет групповых ценностей, лояльность к задачам охраны
Управление отношениями	К конструктивному общению	1 – приспосабливает форму представления информации к потребностям клиента; 2 – поддерживает двусторонние связи; 3 – учитывает различные культурные стили и ценности в отношениях
Качество и безопасность		
Работа с высоким качеством, результат не требует корректировки, 11,5	Использованию знаний для развития и достижения успеха	1 – усвоение законов и нормативов; 2 – быстрое усвоение новых требований, задач и применение новых алгоритмов; 3 – качественное

³ Первый уровень - базовый компетентностный потенциал, обеспечивающий нормальное функционирование в должности. Второй уровень - необходимый потенциал, обеспечивающий стабильное функционирование сотрудника. Третий уровень - перспективный компетентностный потенциал, обеспечивающий высокий уровень эффективности и готовность к служебному росту.

		усвоение нового в деятельности, обобщение знаний, самостоятельность мышления
Неукоснительно соблюдает стандарты охраны, приказы	К неукоснительному соблюдению стандарта деятельности	1 – знает закон, уважает традиции, соблюдает меры безопасности охраняемого объекта; 2 – неукоснительно соблюдает стандарты безопасности; 3 – предлагает инициативы по совершенствованию безопасности
Конфликтоустойчивость, 4,5	К конструктивному поведению в ситуациях противоборства и давления	1 – понимание причин конфликта и оценка его структуры; 2 – конструктивное поведение, влияние на динамику конфликта, минимизация последствий конфликта; 3 – управление конфликтом, контроль эмоций, оптимизация решений
Корпоративность и ответственность		
Уверенные нормативные действия в стандартной ситуации, 14,5	К определению и установлению психологических границ взаимодействия	1 – уверенные нормативные действия в стандартной ситуации; 2 – согласованность действий в эмоционально напряженной ситуации; 3 – корректность поведения, замечаний, вежливость, толерантность, эмотивность
Поддержание эффективности в деятельности в рамках поведенческих деловых стереотипов, самоконтроль, 4,5	К саморегуляции в ситуациях эмоционального дискомфорта	1 – сохранение стабильности/спокойствия в деятельности на короткое время; 2 – поддержание эффективности в деятельности в рамках поведенческих деловых стереотипов; уважение к коллегам; 3 – сохранение привычного темпа, работоспособности, без ошибок и срывов, вера в успех
Ответственность	Нацеленность на результат	1 – принимает персональную ответственность за допущенные ошибки и неудачи; 2 – настойчив и самостоятелен в достижении целей и преодолении препятствий; 3 – работает в напряженном графике
Качества личности		
Сохранение высокой работоспособности, устойчивость к утомлению, 9,2	К продолжительному эффективному выполнению работы средней интенсивности	1 – выполнение нормативов по физической подготовке на минимальном уровне; 2 – длительное сохранение параметров работоспособности; 3 – сохранение работоспособности, устойчивость к утомлению, саморегуляция
Реалистичная самооценка результатов деятельности,	К позитивной самооценке	1 – реалистичная оценка результатов деятельности; 2 – достижение сложных целей, коррекция действий;

уверенность в себе, 10,7		3 – значительные результаты в деятельности, привлекательность для коллег
--------------------------	--	--

Дальнейшая оценка компетентностного потенциала сотрудников производится на основании разработанных в мировой практике методов. Одним из методов комплексной оценки персонала является центр оценки, который ориентирован на анализ реальных качеств сотрудников, их психологических и профессиональных особенностей, соответствие требованиям должностных позиций, а также выявление потенциальных возможностей специалистов охраны. Был использован метод «360 градусов», представляющий собой систематический сбор информации о работе субъекта или группы, получаемой от ряда лиц, заинтересованных в результативности работы и обратной связи по ней [8]. Данные получают путем опроса самого работника, его руководителя, коллег. Мы оценивали компетентностный потенциал 61 специалиста вневедомственной охраны по [5, 9]: 1) оценке социально-психологического климата; 2) оценке коллегами, равными по должности (анкета); 3) оценке профессиональной, служебной и физической подготовки (специальные знания, физическая выносливость); 4) самооценке – данные психодиагностического обследования сотрудника психологами.

Количественные данные, полученные с помощью описанных выше критериев и инструментария, позволили получить оценку компетентностного потенциала сотрудников, сделать прогноз их профессиональной эффективности в должности с учетом трех его уровней и прогноза успешности: базовый, обеспечивающий нормальное функционирование сотрудника на конкретной должности (прогноз – минимальная эффективность); необходимый, обеспечивающий стабильное функционирование сотрудника в должности (прогноз – стабильная эффективность); перспективный (прогноз – потенциальная эффективность, рост). Результат оценки по уровням компетентностного потенциала таков: у 29,1% – базовый, 47,9 % – необходимый, 23% имеют перспективный потенциал.

Таким образом, оценка эффективности деятельности сотрудников вневедомственной охраны позволила получить индивидуальные показатели по каждому сотруднику, соответствующие определенному уровню компетентностного потенциала, и дать прогноз дальнейшей эффективности их работы в конкретной должности.

Внедрение этого подхода в деятельность подразделений охраны позволит определять и формировать готовность к эффективной деятельности, обеспечить возможности для адаптации и коррекции действий сотрудников за счет понимания логики конкретных трудовых действий и операций, стандартизации поведения, развития

многоуровневых компетенций. В результате исследования были выявлены следующие возможности:

1. На этапе становления нового ведомства внедрение компетентностного подхода обеспечивает решение задач отбора, эффективность и надежность деятельности сотрудников, организацию профессионального обучения и повышения квалификации в соответствии с конкретными профилями компетенций.

2. Реализация компетентностного подхода включает разработку профилей и моделей компетенций, которые определяются совокупностью потребностей организации и требований к навыкам, опыту, функциональным характеристикам личности сотрудника, а также к эффективному поведению субъекта труда при исполнении обязанностей по должности сотрудника охраны.

3. Компетентностный подход позволяет оценить и спрогнозировать надежность деятельности сотрудников через анализ должностных компетенций и профили, проводить дифференциальную оценку развития уровней компетенций, осуществлять индивидуальную и групповую работу по формированию поведенческих навыков, осуществлять прогноз развития способностей более высокого уровня.

4. Предложенные компетенции подвергаются оценке, ориентированной на результаты деятельности, увеличивая у сотрудника как возможности коррекции деятельности, так и эффективность использования опыта успешных коллег в самообучении и взаимообучении.

Список литературы

1. Абрамов А.С. Особенности профессиональной подготовки сотрудников подразделений вневедомственной охраны // *Инновации в образовании*. 2019. № 1. С. 56 – 62.
2. Базаров Т.Ю. Технология Assessment Centre // *Менеджер по персоналу*. 2006. № 8. С. 4 – 13.
3. Мариновская И.Д., Тихомиров С.Н., Цветков В.Л. Психология и педагогика в правоохранительной деятельности: учеб. пособие. М., 2000. 118 с.
4. Мариновская И.Д., Тихомиров С.Н. Юридическая психология: учеб. пособие. М., 2016. 384 с.
5. Пряхина М.В., Душкин А.С., Мартиросова Н.В. Профессиографическое описание основных видов деятельности в системе МВД России на основе компетентностного подхода: монография. СПб., 2012. 136 с.
6. Тихомиров С.Н. О субъект-субъектном характере взаимодействия в компетентностно-ориентированном образовательном процессе // *Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности*. 2019. № 3. С. 63 – 67.
7. Тихомиров С.Н. Педагогика высшей школы. М., 2016. 134 с.
8. Уорд П. Метод 360 градусов / пер. с англ. А. Андреев. М., 2006. 352 с.

9. Ходова Е. А., Гончарова Н. А. Прогноз успешности деятельности руководителей вневедомственной охраны на основе технологии оценки профессиональных компетенций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 199 – 202.

10. Ходова Е.А., Гончарова Н.А., Столяренко А.М. Технология компетентностного подхода в обеспечении деятельности вневедомственной охраны войск национальной гвардии России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 4 (79). С. 354 – 361.

Об авторе:

АБРАМОВ Александр Сергеевич – начальник отдела вневедомственной охраны по городу Твери ФГКУ «УВО ВНГ России по Тверской области», подполковник полиции; соискатель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

**HUMAN RESOURCES MANAGEMENT AS A MEANS
TO IMPROVE THE EFFECTIVENESS OF THE ACTIVITIES
OF EMPLOYEES OF THE EXTERNAL WALL PROTECTION
OF THE NATIONAL GUARD OF RUSSIA**

A.S. Abramov

Russian Guard of Russia in the Tver region

The algorithm for developing a model and profiles of job competencies of employees of private security is shown. On the basis of personnel management and a competency-based approach, the possibility of their use in the selection, training and psychological and pedagogical support of employees of extra-departmental security was demonstrated. The option for predicting employee success is presented.

Keywords: *competency-based approach; qualification competencies; selection and certification of personnel; features of motivation and activity efficiency.*

About author:

ABRAMOV Alexander – head of the Department of Private Security in the City of Tver, Federal State-Funded Educational Institution “UVO VNG of Russia in the Tver Region”, Police Colonel; Applicant for Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Kikotya.

Абрамов А.С. Компетентностный подход как средство повышения эффективности деятельности сотрудников вневедомственной охраны войск национальной гвардии России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 169 – 177.

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В КОММЕРЧЕСКИХ И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С.В. Элекина

АО «АвтоКом», г. Самара

Исследованы особенности признаков субъективной стороны преступлений, предусмотренных главой 23 УК РФ. Предлагается по примеру конструкции «злоупотребление должностными полномочиями» исключить из ст. 201, 201¹, 202 УК РФ указание на особую целенаправленность, включив в субъективную сторону злоупотреблений полномочиями мотивацию в виде «корыстной или иной личной заинтересованности». Показано, что скрытая корыстная цель является имманентной характеристикой субъективной стороны составов незаконного получения предмета коммерческого подкупа (ч. 5 ст. 204) и незаконного получения предмета мелкого коммерческого подкупа (ч. 1 ст. 204²).

Ключевые слова: преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп.

В строгом соответствии с буквой закона субъективная сторона преступлений, предусмотренных главой 23 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), характеризуется исключительно умышленной формой вины. Здесь неосторожность уголовно не наказуема. Неосторожное нарушение интересов службы в коммерческих или иных организациях влечет при наличии к тому оснований дисциплинарную и (или) гражданско-правовую ответственность.

Вместе с тем не все исследователи согласны с такой постановкой вопроса. Отдельные ученые-юристы утверждают, что наличие у субъекта специального статуса (должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих и иных организациях) связано с соблюдением определенных юридических формальностей (заключение договора, занятие должности и др.) [4, с. 385], что обуславливает вывод о наличии вины в форме умысла либо неосторожности для «управленческого» преступления [4, с. 115].

Заметим, что в доктрине советского уголовного права рядом исследователей также утверждалось, что в тех составах служебных (должностных) преступлений, где закон отдельно характеризует умышленные действия и последствия, налицо «смешанная» форма

вины: по отношению к совершению деяния – умысел, к последствиям – умысел или неосторожность [10, с. 111–116].

Оригинальную точку зрения по рассматриваемой проблематике высказывала В. Е. Мельникова. Этот ученый-юрист считала, что в многообъектных служебных (должностных) преступлениях имеет место двойная вина, причем психическое посягательство на основной объект характеризуется умыслом, а в отношении причинения вреда дополнительному объекту вина может быть любой – от прямого умысла до преступной небрежности. Однако это не влияет на определение вины преступления в целом, которое является умышленным [9, с. 30 – 31].

В современной доктрине, посвященной проблемам преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях, ряд криминалистов также считают допустимым использование положений ст. 27 УК РФ о двойной форме вины к составу злоупотребления полномочиями, повлекшего тяжкие последствия (ч. 2 ст. 201 УК РФ), когда психическое отношение виновного лица к названным общественно опасным последствиям может выражаться в форме неосторожности [1, с. 266 – 267].

Как уже было изложено, исходя из буквы уголовного закона в составах преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях нет места неосторожности. В момент совершения преступлений, предусмотренных главой 23 УК РФ, субъект должен осознавать общественно опасный характер своего действия (бездействия), предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий, желать их наступления или сознательно допускать эти последствия либо относиться к ним безразлично.

Содержание умышленной формы вины при совершении преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях, как преступлений, совершаемых специальным субъектом, также вызывает немало вопросов [4, с. 380]. Согласно одной точке зрения в преступлениях со специальным субъектом умыслом виновного должны охватываться не сами по себе дополнительные признаки субъекта, а характер нарушаемых виновным специальных обязанностей, которые определяют специфические свойства самого деяния [12, с. 662]. Следуя этой позиции, преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом.

В доктрине уголовного права отрицается возможность совершения того или иного преступления с косвенным умыслом при наличии в диспозиции соответствующей статьи УК РФ указания на специальную цель, а также в случаях формального или усеченного состава преступления. Считается, что такого рода деяния могут совершаться только с прямым умыслом.

Между тем отдельные исследователи пишут, что независимо от обязательного признака специальной цели совершение злоупотребления полномочиями возможно как с прямым, так и косвенным умыслом [2, с. 300; 5, с. 623; 6, с. 233 – 234; 7, с. 905]. В частности, С.В. Изосимов видел в этом специфическую особенность злоупотребления полномочиями, заключающуюся в том, что виновный, стремясь к реализации собственных целей, попутно причиняет вред интересам третьих лиц, общества или государства [5, с. 623]. Например, лицо может использовать имущество организации в рискованных операциях в собственных интересах, рассчитывая при этом избежать причинения вреда организации [6, с. 234].

Согласно второй позиции все преступления, предусмотренные в главе 23 УК РФ, характеризуются исключительно прямым умыслом. Применительно к составам злоупотребления полномочиями такой точки зрения придерживаются Н.А. Лопашенко [8, с. 640], Э.С. Шимшилова [11, с. 184 – 186] и др.

По нашему мнению, как не определялось бы содержание вины в преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях, очевидно, что в момент совершения преступлений, предусмотренных главой 23 УК РФ, субъект должен осознавать общественно опасный характер своего действия (бездействия).

Для составов преступлений, предусмотренных ст. 204, 204¹, 204² УК РФ, характерен прямой умысел.

Субъективная сторона исследуемых общественно опасных деяний с материальным составом (ст. 201, 201¹, 202, 203 УК РФ) может характеризоваться, на наш взгляд, как прямым, так и косвенным умыслом. Следуя положениям ч. 2 ст. 25 УК РФ злоупотребления полномочиями (ст. 201, 201¹, 202) признаются совершенными с прямым умыслом, если лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой и некоммерческой организации (частный нотариус или частный аудитор), осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), выражающихся в использовании своих полномочий вопреки законным интересам организации (вопреки задачам своей деятельности), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства и желало их наступления. При совершении с прямым умыслом превышения полномочиями, предусмотренного ст. 203 УК РФ, виновное лицо предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан и (или) организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства и желает их наступления.

Преступления, предусмотренные ст. 201, 201¹, 202, 203 УК РФ, признаются совершенными с косвенным умыслом, если субъекты этих преступлений осознают общественную опасность своих действий (бездействия), предвидят возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства либо существенного нарушения прав и законных интересов граждан и (или) организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, не желают, но сознательно допускают эти последствия либо относятся к ним безразлично.

При этом заметим, что лицо, выполняющее управленческие функции, или любой специальный субъект названных преступлений, в момент совершения деяния безусловно осознает, что использует полномочия вопреки законным интересам этой организации либо вопреки задачам их деятельности, а также что совершает действия, явно выходящие за пределы предоставленных ему полномочий. Иными словами, виновное лицо осознает незаконность совершаемого деяния. Не случайно, в специальной литературе подчеркивается, что вывод о злоупотреблении полномочиями является правомерным только тогда, когда он основан на детальном анализе характера психического отношения конкретного лица к осуществляемому им деянию [3, с. 54 – 64].

Между тем субъект превышения полномочий, предусмотренных ст. 203 УК РФ, может желать совершения своих противоправных действий, но при этом не предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан и (или) организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, не желать и сознательно не допускать эти последствия. Например, это могут быть такие общественно опасные последствия, которые не относятся к материальным (причинение морального вреда, вреда деловой репутации, нарушение законных интересов и т.п.). В ситуации, когда существенное нарушение прав и законных интересов как общественно опасное последствие не выразилось в материальном проявлении, возникает вопрос о возможности отнесения состава превышения полномочий к формально-материальному.

Главой 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» предусмотрены как деяния, которые содержат признак цели, так и деяния, которые не включают в качестве обязательного признака специальную цель совершения преступления. К первому ряду преступных посягательств относятся составы преступлений, указанные в ст. 201, 201¹ и 202 УК РФ. В этих составах в качестве целей совершения преступления в самом тексте

закона названы такие мысленные модели будущего конечного результата, как извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесение вреда другим лицам (ст. 201, 202), а также извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц (ст. 201¹).

Под целью «извлечение выгод и преимуществ для себя или других лиц» следует понимать конечный результат стремления виновного лица получить или увеличить любое благо имущественного или неимущественного характера, в том числе, деньги, ценности, иное имущество или услуги имущественного характера, имущественные права, а также блага неимущественного характера, обусловленные такими побуждениями, как карьеризм, протекционизм, а также иные привилегии в сравнении с иными лицами. *К другим лицам* следует относить лиц, состоящих с виновным лицом в имущественном, служебном, корпоративном, родственном, дружеском, ином близком отношении (непосредственно или опосредованно), а также всех иных лиц (включая третьих, посторонних), в извлечении выгод в пользу которых заинтересован субъект злоупотребления полномочиями.

Цель «нанесение вреда другим лицам» понимается как причинение любого вреда физическим и (или) юридическим лицам, который выражается в умалении охраняемого законом материального или нематериального блага, в неблагоприятных изменениях имущественного и (или) неимущественного (нематериального) характера.

Описанные законодателем вышеуказанные цели по своему содержанию настолько широки, что предлагается по примеру конструкции «злоупотребление должностным полномочиями» исключить из ст. 201, 201¹, 202 УК РФ указание на особую целенаправленность, одновременно включив в субъективную сторону злоупотреблений полномочиями мотивацию в виде «корыстной или иной личной заинтересованности».

Общеизвестно, что в уголовном законе корыстная цель может быть признаком как *явным* (например, ст. 158 – 162, 164 УК РФ), так и *скрытым*, т.е. прямо в тексте закона не указанным, но вытекающим из его смысла (в частности, ст. 163 и 165 УК РФ). Аналогично наличие скрытой корыстной цели является имманентной характеристикой субъективной стороны составов незаконного получения предмета коммерческого подкупа (ч. 5 ст. 204) и незаконного получения предмета мелкого коммерческого подкупа (ч. 1 ст. 204²).

Другой ряд образуют общественно опасные деяния, не содержащие обязательного признака цели. Это превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей (ст. 203), незаконная передача предмета коммерческого подкупа (ч. 1 ст. 204), посредничество в коммерческом

подкупе (ч. 1 ст. 204¹), обещание или предложение посредничества в коммерческом подкупе (ч. 4 ст. 204¹), незаконная передача предмета мелкого коммерческого подкупа (ч. 1 ст. 204²). Для данной группы деяний наличие цели не имеет юридического значения. Наличествующая же в содеянном целенаправленность может иметь самое различное содержание, как имущественного, так и неимущественного (нематериального) характера.

Список литературы

1. Аснис А.Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2004. 396 с.
2. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. 368 с.
3. Гладких В.И. Правовое заключение по факту мошеннических действий руководства и собственников кредитной организации «К2 Банк» // Безопасность бизнеса. 2019. № 6. С. 54 – 64. СПС «КонсультантПлюс».
4. Егорова Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющие управленческие функции (управленческие преступления). Волгоград, 2006. 552 с.
5. Изосимов С.В. Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления, совершаемые в коммерческих и иных организациях: история, современность, перспективы развития. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. 948 с.
6. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. 572 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2019. 1536 с.
8. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VII УК РФ). М.: Волтерс Клувер, 2006. 673 с.
9. Мельникова В. Е. Должностные преступления. Вопросы уголовно-правовой квалификации. М., 1985. 97 с.
10. Сахаров А.Б. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. М., 1956. 210 с.
11. Шимшилова Э.С. Субъективная сторона преступлений коррупционной направленности, совершаемых в коммерческих организациях // Молодой ученый. 2018. № 49. С. 184 – 186 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/235/54599/> (дата обращения: 08.02.2020).
12. Энциклопедия уголовного права. Т. 4: Состав преступления. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. 797 с.

Об авторе:

ЭЛЕКИНА Светлана Вячеславовна – директор по правовым и корпоративным вопросам АО «АвтоКом», (443082, Российская Федерация, г. Самара, ул. Пятигорская, д. 11); e-mail: elekina.s@yandex.ru; т. +79272061926

**FEATURES OF THE SUBJECTIVE SIDE OF CRIMES AGAINST
INTERESTS OF SERVICE IN COMMERCIAL AND OTHER
ORGANIZATIONS:
LEGAL AND TECHNICAL ANALYSIS**

S.V. Elekina

Industrial company «AUTOCOM»

The features of the signs of the subjective side of the crimes provided for in Chapter 23 of the Criminal Code of the Russian Federation are investigated. It is proposed that, according to the design example, «abuse of power» be deleted in Art. 201, 201¹, 202 of the Criminal Code an indication of special focus, including in the subjective side of abuse of authority motivation in the form of «selfish or other personal interest». It is shown that hidden selfish purpose is the inherent characteristic of the subjective side of the compositions of illegal receipt of the subject of commercial bribery (part 5 of article 204) and illegal receipt of the subject of small commercial bribery (part 1 of article 204²).

Keywords: *crimes against the interests of service in commercial and other organizations, abuse of authority, commercial bribery.*

About author:

ELEKINA Svetlana – director of law and corporate affairs Industrial company «AUTOCOM» (443082, Russia, Samara, st. Pyatigorskaya, 11); e-mail: elekina.s@yandex.ru

Элекина С.В. Особенности субъективной стороны преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях: юридико-технический анализ // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 178 – 184.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2015 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии

170021, г. Тверь, 2-я Грибоедова, д. 22, ауд. 222

Тверской госуниверситет: телефон/факс: (4822) 70-06-57;

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 2 (62), 2020

Подписной индекс: **80208** (каталог российской прессы «Почта России»)

Подписано в печать 19.06.2020. Выход в свет 24.06.2020.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,19

Тираж 500 экз. Заказ № 143.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Тверской государственный
университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в редакционно-издательском управлении

Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д.12, корпус Б.

Тел. РИУ: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*